

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№1 2021

Казань - 2021

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №1 2021г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2021. – 136.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>С.Н. Барашкова, С.Ф. Желобцова</i> ТРАДИЦИИ «РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ИСТОРИИ» В СЕМАНТИКЕ СЮЖЕТА РАССКАЗА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «АНГЕЛОЧЕК»	7
<i>Е.В. Канищева, Н.Н. Шлемова</i> ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	10
<i>О.А. Ковыригина</i> РАССКАЗ М.М. ПРИШВИНА «САШОК» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ	13
<i>А.Н. Тушев</i> ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ	16

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксёнов, В.Д. Чистонов, В.Ю. Филиппов, А.Т. Султанов, Л.Ю. Десяткина, З.Р. Крылова, Т.Д. Юнусов, Э.Ф. Якуп</i> ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЖУРНАЛИСТСКОЙ РАБОТЕ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ И СПОРТА СОТРУДНИКОВ ТРЁХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (БГМУ—УГАТУ—БИРСКИЙ ФИЛИАЛ БГУ)	19
<i>А.К. Малаховский</i> РЕПЕТИЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ США В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	22
<i>А.К. Малаховский</i> ПРЕССА НОРТКЛИФФА: РЯД АСПЕКТОВ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	25
<i>М.С. Штейман</i> И. ТУРГЕНЕВ-ПУБЛИЦИСТ (К ВОПРОСУ О ТЕМЕ ДВОРЯНСТВА В «МАЛОЙ ПРОЗЕ» ПИСАТЕЛЯ)	28

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Н.В. Атаманова</i> ЗВУКОООБРАЗ ГУЛ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ И ПОЭТИЧЕСКОЙ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	32
<i>Н.В. Коврыгина</i> СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «КОСМОС» В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА	36

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>С.Н. Аверкина, И.А. Бекин</i> К ВОПРОСУ О ФИКЦИОНАЛЬНОСТИ И ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ В НОВЕЛЛЕ РОБЕРТА ВАЛЬЗЕРА «ПРОГУЛКА» (ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	39
<i>А.И. Артемьева, Л.М. Штейнгарт</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В НЕМЕЦКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКЛАМЕ	44
<i>А.А. Гасанова</i> АНАЛИЗ ФИНАЛЬНЫХ ФОРМУЛ НА ОСНОВЕ АНГЛИЙСКИХ СКАЗОК	47
<i>Г.Р. Еремеева, Ф.Л. Ратнер, Р.Р. Бикбулатов</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА – ВЫНУЖДЕННАЯ, НО НЕИЗБЕЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ	51
<i>М.О. Жердева</i> ЗАИМСТВОВАНИЯ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	56
<i>М.А. Кузина, П.Д. Пастернак</i> ПОЛОЖИТЕЛЬНО И ОТРИЦАТЕЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПОДРОСТКОВОМ ДЕТЕКТИВЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	59

З.В. Маньковская ЭПИГОНСТВО КАК ПРИЕМ ТВОРЧЕСКОГО ПОДРАЖАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ	62
Е.С. Руденко, В.А. Тунникова, Л.В. Олифиренко ЭКФРАСИС В ЛИРИКЕ УВЕ БЕРГЕРА	66
Н.А. Сигачева, А.Л. Короткова ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ФИЗИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ	70

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Г.Г. Асхадуллина, Д.Х. Хуснутдинов, Р.К. Сагдиева, Р.Р. Галиуллин ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И ИХ СИМВОЛИКА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	74
Н.В. Возмищева, Г.Е. Поторочина, М.Н. Смирнова О ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ РАБОТЕ С АУТЕНТИЧНЫМИ ТЕКСТАМИ РАЗЛИЧНОГО ТИПА	77
М.Б. Давлатмирова РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ “ТАҚДИР” (СУДЬБА) В ТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА	81
А.М. Емельянова, Л.И. Овчинникова ЭРГОНИМИКА Г. УФЫ: ВЫВЕСКА КАК ТЕКСТ	84
Н.В. Зененко, Л.П. Сон ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ VS ВИРТУАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ	87
Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СОКРАЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	91
Д.М. Искандарова НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	94
О.Г. Лукошус СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИНОНИМОВ С ПОМОЩЬЮ КОРПУСА СОСА	98
Т.Б. Маклакова, Ю.В. Туфанова, М.Н. Чупановская КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОГО РЕГИОНА)	103
А.А. Мельниченко, И.Г. Нагибина ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КИНОДИСКУРСА В РАМКАХ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ	107
Э.Г. Оздоева, В.М. Джандигов, Т.Ш. Сайнароева СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ	110
В.П. Рубаева, З.Н. Малиева, М.И. Баликоева ТЕЗАУРУС ТЕРМИНОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ФИЗИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ	113
Ф.К. Сагдеева, Р.Т. Сафаров, А.К. Булатова К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ» И «ПОЛИСЕМИЯ»	116
Р.Ф. Фаттахова, Л.Г. Гилязова, Р.Р. Шамсутдинова ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ У УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ГОСУДАРСТВЕННОМУ	119
Янь Кай КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТРАХ В РУССКОМ ОРИГИНАЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ И КИТАЙСКОМ ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ	122
АННОТАЦИИ	127

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>S.N. Barashkova, S.F. Zhelobtsova</i> TRADITIONS OF THE "CHRISTMAS HISTORY" IN THE PLOT SEMANTIC OF LEONID ANDREEV'S "THE ANGEL"	7
<i>E.V. Kanishcheva, N.N. Shlemova</i> CHRISTIAN MOTIVES IN MODERN PROSE OF RUSSIAN ABROAD	10
<i>O.A. Kovyrshina</i> M.M. PRISHVIN'S SHORT STORY "SASHOK" IN THE CONTEXT OF THE WRITER'S WORK	13
<i>A.N. Tushev</i> LEO TOLSTOY AND VALERY BRYUSOV ON LITERARY CRITICISM	16

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksyonov, V.D. Chistonov, V.Yu. Filippov, A.T. Sultanov, L.Yu. Desyatkina, Z.R. Krylova, T.D. Yunusov, E.F. Yakup</i> EFFICIENCY OF INTERACTION IN JOURNALISM IN THE FIELD OF MEDICINE AND SPORT OF EMPLOYEES OF THREE EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION (BSMU-UGATU-BIRSKY BRANCH OF BSU)	19
<i>A.K. Malakhovsky</i> GLOBAL POLICY REHEARSAL: ON SOME ASPECTS OF THE U.S. POLITICAL JOURNALISM DURING WORLD WAR I	22
<i>A.K. Malakhovsky</i> NORTHCLIFFE PRESS: ASPECTS OF ITS ACTIVITIES DURING WORLD WAR I	25
<i>M.S. Shteyman</i> I. TURGENEV-PUBLICIST (TO THE QUESTION ABOUT THE THEME OF NOBILITY IN THE WRITER'S "LITTLE PROSE")	28

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>N.V. Atamanova</i> SOUND IMAGE <i>HUM</i> IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE AND IN THE POETIC SOUND PICTURE OF THE WORLD	32
<i>N.V. Kovrygina</i> FUNCTIONING OF «SPACE» CONCEPT IN ARISTIC DISCOURSE	36

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>S.N. Averkina, I.A. Bekin</i> TO THE PROBLEM OF FICTIONAL AND NON-FICTIONAL IN ROBERT WALSER'S NOVELLA "DER SPAZIERGANG" (IN TERMS OF TRANSLATION)	39
<i>A.I. Artemieva, L.M. Steingart</i> PERSUASIVE FUNCTION REALIZATION OF PRECEDENT PHENOMENA IN GERMAN GENDER-ORIENTED ADVERTISMENT	44
<i>A.A. Hasanova</i> ANALYSIS OF FINAL FORMULAS BASED ON ENGLISH FAIRY TALES	47
<i>G.R. Ereemeeva, F.L. Ratner, R.R. Bikbulatov</i> DIGITALIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS AS A FORCED BUT INEVITABLE REALITY	51
<i>M.O. Zherdeva</i> LOAN-WORDS IN OLD ENGLISH	56
<i>M.A. Kuzina, P.D. Pasternak</i> MELIORATIVE AND PEJORATIVE ALLUSIONS IN ENGLISH-LANGUAGE DETECTIVE NOVELS TARGETED AT ADOLESCENTS	59
<i>Z.V. Mankovskaya</i> IMITATION AS A CREATIVE WAY OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION	62
<i>E.S. Rudenko, V.A. Tunnikova, L.V. Olifirenko</i> EKPHRASIS IN UWE BERGER'S LYRICS	66
<i>N.A. Sigacheva, A.L. Korotkova</i> APPROACHES TO TRANSLATION OF PHYSICAL TERMS IN SCIENTIFIC ARTICLES	70

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>G.G. Askhadullina, D.H. Husnutdinov, R.K. Sagdieva, R.R. Galiullin</i> EMOTIVE FUNCTION OF TATAR LANGUAGE IN CREATION OF A NATIONAL PICTURE OF THE WORLD	74
<i>N.V. Vozmishcheva, G.E. Potorochina, M.N. Smirnova</i> CROSS-CULTURAL COMPETENCE DEVELOPMENT BY MEANS OF WORKING WITH THE AUTHENTIC TEXTS OF DIFFERENT TYPES	77
<i>M.B. Davlatmirova</i> REPRESENTATION OF LEXEME “TAQDIR” (FATE) IN THE TEXTS OF NATIONAL CORPUS OF TAJIK LANGUAGE	81
<i>A.M. Emelyanova, L.I. Ovchinnikova</i> ERGONYMS OF UFA: SIGN AS TEXT	84
<i>N.V. Zenenko, L.P. Son</i> VIRTUAL REALITY: VIRTUAL IMAGE VS VIRTUAL PERSONALITY	87
<i>N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> ON THE QUESTION OF STRUCTURAL SHORTENINGS CLASSIFICATION IN MODERN ENGLISH	91
<i>D.M. Iskandarova</i> THE NATIONAL CORPUS OF THE TAJIK LANGUAGE AS A TOOL FOR LINGUISTIC RESEARCH	94
<i>O.G. Lukoshus</i> SEMANTIC ANALYSIS OF SYNONYMS WITH COCA	98
<i>T.B. Maklakova, Y.V. Tufanova, M.N. Chupanovskaya</i> COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC FEATURES OF INTERPERSONAL VIRTUAL COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF IRKUTSK REGION)	103
<i>A.A. Melnichenko, I.G. Nagibina</i> INTERPRETATION OF FILM DISCOURSE WITHIN THE FRAMEWORK OF CHINESE LINGUISTICS	107
<i>E.G. Ozdoeva, V.M. Dzhandigov, T.Sh. Sainaroeva</i> MEANS OF EXPRESSING QUESTIONS IN INGUSH	110
<i>V.P. Rubaeva, Z.N. Malieva, M.I. Balikoeva</i> THESAURUS OF TERMS CHARACTERIZING PHYSICAL CULTURE IN THE OSSETIAN LANGUAGE.	113
<i>F.K. Sagdeeva, R.T. Safarof, A.K. Bulatova</i> ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «SEMANTIC DERIVATION» AND «POLYSEMY»	116
<i>R.F. Fattakhova, L.G. Gilyazova, R.R. Shamsutdinova</i> FORMING PUPILS’ MOTIVATION UNDER TEACHING TATAR AS A STATE LANGUAGE	119
<i>Yan Kai</i> CULTURAL AND NATIONAL FEATURES OF THE TRANSMISSION OF EMOTIONS JOY, SURPRISE, FEAR IN THE RUSSIAN ORIGINAL FICTION AND CHINESE TRANSLATED TEXTS	122
ABSTRACTS	127

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

С.Н. Барашкова канд. филол. наук, С.Ф. Желобцова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра русской литературы 20 века и теории литературы,
Якутск, oso-06@mail.ru

**ТРАДИЦИИ «РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ИСТОРИИ»
В СЕМАНТИКЕ СЮЖЕТА РАССКАЗА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «АНГЕЛОЧЕК»**

В статье рассматривается поэтика малоисследованного рассказа Л. Андреева «Ангелочек» в контексте литературных традиций «рождественских историй». Выявляются особенности творческой индивидуальности, эстетики художнического манифеста писателя-философа рубежа 19-20 вв., продолжающегося находиться в центре полемической критики. Научная новизна темы статьи определяется необходимостью перечитать художественный текст и переоценить его с позиций философских размышлений писателя.

Ключевые слова: *рождественские истории, рассказ, Л. Андреев, поэтика, литературная традиция.*

Актуальность статьи определяется обостренным вниманием критики 21 века к литературе начала прошлого столетия, к именам неоднозначных, сложных художников слова [6]. В этой связи выбор рассказа Леонида Андреева интересен для рассмотрения авторской трансформации традиций западноевропейской литературы в русском материале. Следует отметить, что классик английской литературы Ч. Диккенс заложил основы жанра «рождественской истории» [3], которая ранее тематически проявилась в творчестве романтиков первой половины 19 в. Речь идет о сказке-новелле Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король» (1823) и новелле Г.Х. Андерсона «Девочка со спичками» (1835-1837), в которых доминирует романтическое двоемирие, когда маленькие герои оказываются в пространстве реального и ирреального, яви и сна. «Рождественские песни в прозе» (1843) [4] Ч. Диккенса положили начало другому, концептуальному использованию рождественской темы в социально-философском ключе. Именно в таком аспекте она развивается в русской психологической литературе, например, в рассказах Ф. М. Достоевского "Мальчик у Христа на елке", А. Куприна "Елка в капелке", А. Чехова "Мальчики" и "Ванька", Н. Лескова "Христос в гостях у мужика" и др. [5].

Л. Андреев занимает особое место в русской литературе 19- начала 20 в. как писатель-философ, последовательно критично интерпретирующий литературные традиции в специфической геолокации российского мира, аутентичной ментальности русского человека. Примечательно, что пять картин его пьесы «Жизнь человека», осмысленные автором как знаковые вехи от рождения до смерти «маленького человека», прослеживаются в сюжете рассказа «Ангелочек». Композиционно они воспроизводятся в кульминационных эпизодах одного дня мальчика Саши и его опустившегося отца. Экспозицией сюжетного движения становится приглашение бедного гимназиста на елку богачей Свечниковых, в доме которых когда служил учителем его отец, безнадежно влюбленный в свою ученицу Софью. Ожидание рождественского чуда вспыхивает в душе спившегося, измученного болезнью отца, который упрямится сына принять приглашение. Озлобленный, накануне выгнанный из гимназии подросток, пожалев родителя, нехотя соглашается. Писатель передает через поведение Сашки свое отрицание общепринятого ожидания «рождественского чуда», для мальчика важнее украсть для отца папиросы. В причинно-следственной логике психологических

поступков понятно агрессивное желание мальчика сломать елку. Заметим, что елка, введенная в художественный текст Ч. Диккенсом [4], была устойчивым образом-маркером в поэтике «рождественских историй». Смысловой контент образа в тексте рассказа Л. Андреева наполняется социальным содержанием («Елка ослепляла его своей красотой и крикливым, наглым блеском бесчисленных свечей, но она была чуждой ему, враждебной, как и столпившиеся вокруг нее чистенькие, красивые дети, и ему хотелось толкнуть ее так, чтобы она повалилась на эти светлые головки») [1]). Наблюдается протестное отрицание канонов восприятия елки как главного атрибута светлого праздника.

Андреев Л. отходит от стереотипа счастливого разрешения «рождественской истории». Финал рассказа прозаика не теряет социального напряжения конфликта маленького человека и общества. Мы согласны с утверждением Н. Михайловского, что пафос художественных поисков и опыт писателя («Г-н Андреев уклонился от изображения этого ужаса. И я думаю, что он поступил правильно: в деле "страшного" есть границы, переступая которые художник безнужно терзает нервы читателя, и все-таки ни на волос не усиливая правды поэтического воспроизведения жизни. А г. Андрееву дорога правда и, может быть, ему самому недешево обходится...» [7]) закономерен в своей трагической логике.

В семантике сюжета рассказа семейные ценности, которые проповедует Ч. Диккенс, также не утверждаются писателем-реалистом во внутреннем монологе Сашки, у которого при внешней видимости наличия семьи, нет личностного ощущения теплого и доброго дома. Даже вечно пьяная мать унижает сына, о чем свидетельствуют рисунки мальчика в тетрадах, где толстая и грубая женщина бьет скалкой худенького ребенка. Портрет становится главным изобразительным средством в передаче психосоматики подростка, потрясенного увиденной елочной игрушкой: «Но вдруг узенькие глаза Сашки блеснули изумлением, и лицо мгновенно приняло обычное выражение дерзости и самоуверенности. На обращенной к нему стороне елки, которая была освещена слабее других и составляла ее изнанку, он увидел то, чего не хватало в картине его жизни и без чего кругом было так грустно». [1] Автор дарует на мгновение униженному жизнью человеку защитника и хранителя, которого он приобретает вновь. Он не идеализирует мальчика из народа, говорящего грубым голосом, способного на жестокий поступок, но мастерски подчеркивает перемены в его внутреннем мире, когда все увидели портретное сходство мальчика и ангела. Л. Андреев-драматург включает в повествовательную структуру текста театральную мизансцену, в которой отчаявшийся ребенок падает на колени и просит ангелочка. Авторы статьи считают, что рассуждения Андреева-критика о роли героини пьесы Г. Ибсена многое объясняют в мотивации чувств Сашки: «Оно живет в нас, но вечно для нас самих остается символом, загадкой, тем, что мы чувствуем, но чего мы не можем определить и в словах передать другим». [2] Тезис находит подтверждение в заключительной части рассказа («Бесформенны, туманны были мечты Сашки, но тем глубже волновали они его смятенную душу») [1], подытоживающей философские смыслы размышлений писателя о губительной силе реальности.

Заключение

«Рождественское чудо», которое произошло в произведениях Гофмана, Андерсона, Диккенса [3], мировоззренчески отрицается русским писателем. Ангелочек, лишь на мгновение осветив мрачную жизнь персонажей, превратился в бесформенный кусок обыкновенного воска. Описание подробностей нищенского быта, запахов, звуков натуралистически фокусируется на бегущем таракане по стрекозиному крылышку ангела. Андреев художнически раскрывает трагические реалии и предчувствует драматическое будущее героя: «Ангелочек спустился с неба, на котором была его душа, и внес луч света в сырую, пропитанную чадом комнату и в черную душу человека, у которого было отнято все: и любовь, и счастье, и жизнь» [1]. Итак, из трех основных признаков «рождественской истории» (елка, семья, чудо), Л. Андреев в соответствии своему нигилистическому восприятию мира, сохраняет и по своему трактует лишь концепт «чудо». Опыт исследования приводит нас к следующим выводам:

1. Анализ поэтики рассказа «Ангелочек» Л. Андреева находится в стратегическом направлении современного литературоведения, реконструирующего тексты дореволюционной русской литературы. Рассмотрение художественного наследия в системе статей, писем писателя-философа позволяет расширить представление о его творчестве и преодолеть однозначность оценки критики.

2. Наблюдения за авторской трансформацией традиционного европейского жанра «рождественской истории» в сюжете произведения высвечивают переосмысление привычных компонентов (елка, семья, чудо) от неприятия до полного отрицания в соответствии с его философской позицией крайнего нигилизма и знания народной жизни.

3. Творческое кредо писателя-реалиста проявляется в доминантной сосредоточенности на психологии героя-подростка, углубленной социальной действительностью конкретной исторической ситуации в России конца 19 века. Убедителен выбор художественных средств, направленных на утверждение метафизической идеи о бессмысленности человеческой жизни.

Список литературы

1. Андреев Л. Ангелочек. <https://ilibrary.ru/text/2157/index.html> (дата обращения 8 января 2021).
2. Андреев Л. «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (статья о драме Ибсена) <http://andreev.lit-info.ru/andreev/articles/andreev/kogda-my-mertvye-probuzhdaemsa>. (дата обращения 10 января 2021).
3. Бондаренко М. Традиции «Рождественских повестей» Диккенса в русском святочном рассказе 1840-1890-х годов. // w.w.w.disscat.com. (дата обращения 10 января 2021).
4. Диккенс Ч. Рождественская песня. https://librebook.me/a_christmas_carol (дата обращения 10 января 2021).
5. Душечкина Е. Русская ёлка – История, мифология, литература. <https://libking.ru/books/sci-/sci-culture/461301-elena-dushechkina-russkaya-elka-istoriya-mifologiya-literatura.html> (дата посещения 11 января 2021).
6. Желобцова С., Сизых О. Контент теории и практика: учебное пособие по истории русской литературы XX века и нового периода. Часть I. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012.
7. Михайловский Н. «Рассказы» Леонида Андреева. Страх жизни и страх смерти. // Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. М., 1989. http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0210.shtml (дата обращения 8 января 2021).

10.01.01

Е.В. Канищева, Н.Н. Шлемова

Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
Институт медиа и социально-гуманитарных наук,
кафедра русского языка и литературы,
Челябинск, elena.12k@mail.ru, natalya-kundaeva@yandex.ru

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В работе представлены результаты исследования современной прозы русского зарубежья в аспекте христианской духовной традиции. На материале произведений, опубликованных в популярных русскоязычных зарубежных журналах («Новый журнал», «Крещатик», «Даугава» и др.), выявляются доминирующие христианские мотивы в прозе русского зарубежья рубежа XX – XXI вв.. Анализ репрезентативных текстов, апеллирующих к христианской тематике, выявил универсальные категории, указывающие на связь литературы метрополии и диаспоры.

Ключевые слова: *христианские мотивы, проза русского зарубежья, современная проза.*

В современной прозе русского зарубежья обнаруживается сильная связь с русской духовной традицией. Она проявляется в системе христианских ценностей, определяющей особенности национального сознания и воплощающейся в художественном творчестве русских писателей, живущих за пределами России. Опыт постижения истины, раскрытый в их произведениях, сопряжен зачастую с преодолением отчуждения и осознанием «причастности к духовной родине» [2].

Связь христианства и русской словесности подчеркнута понятием «духовный реализм», подразумевающим «опыт эстетического освоения духовной реальности» [3] в произведениях русских писателей. В литературоведении активно изучается феномен современной духовной прозы как форма постижения и репрезентации религиозных, нравственных истин (Н. В. Пращерук, И. С. Леонов), исследуются религиозные мотивы, образы в прозе эмигрантов первой волны (Л. Е. Зайцева, Д. В. Макаров, Н. В. Лау), в творчестве отдельных современных писателей (М. П. Абашева, Ю. Ю. Даниленко), в русской классической литературе (В. М. Гуминский, Ю. В. Лебедев).

В данной статье на материале прозаических произведений, опубликованных в популярных русскоязычных зарубежных журналах («Новый журнал», «Даугава», «Крещатик», «Гостинная», «Новый свет», «Эмигрантская лира», «Дружба народов», «Литературный европеец» и др.), исследуются христианские мотивы, составляющие концептуальную основу современной прозы русского зарубежья, которая в этом аспекте системно не изучалась. В качестве методологического основания выступает тематическая теория мотива, разработанная Б. В. Томашевским, В. Б. Шкловским. Материалом анализа стали прозаические произведения, в которых наиболее очевидно прослеживается ориентация на русскую духовную традицию, выраженная в мотивно-образной структуре текста. Зачастую библейские коннотации, сакральные образы, интертекстуальные знаки, восходящие к священным текстам, содержатся в заголовочном комплексе произведений: Н. Боков «Исцеление» («Новый журнал» №231, 2003), А. Свиридова «Сыновья Иова» («Новый журнал» №268, 2012), Л. Шифман «Ковчег Завета» («Литератур», 2006), В. Чембарцева «Армения. Письма с Ковчега» («Дружба народов» №8, 2016), К. Кривошеина «Всякое дыхание да хвалит Господа» («Новый журнал» №255, 2009) и др.

Центральным в прозе русского зарубежья становится мотив духовного пути, сопряженный с паломнической традицией. Целью паломничества признается «созерцание знаков Божественного человеколюбия», «приобщение к вместилищам Божественной энергии» [1], обретение веры и утверждение в ней. Так, в цикле Э. Михайлевой-Лейтаны «Неисповедимы

пути Господни» («Даугава» №3, 2000), состоящем из трех компонентов, демонстрируется путь духовного возрождения героини. Внутренняя пустота, безверие сменяются обретением смысла жизни через Бога. Этапы духовного путешествия связаны с чередой «случайных» чудес: встреча героини со священнослужителем – духовным наставником («Дорога»), посещение храмов, созерцание красоты икон, приобщение к таинству покаяния на исповеди в период Пасхи («Храм»), укрепление веры через познание истории святого Леонтия («Святой»).

Мотив духовного пути становится концептуально значимым в произведении Б. Роланда «Тихое путешествие (Очерк)» («Новый журнал» №280, 2015), представляющем многочастное повествование, герой которого уподобляется страннику, отправляющемуся в дорогу с целью познания истинной жизни. Перемещение героя в реальном пространстве соотносится с отречением от земного мира и погружением в сакральное пространство прошлого и вневременного, связанного с посещением мест, воссоздающих одухотворенный образ святой земли. Паломничество в данном случае выражается в устремленности к Горнему миру. Подобный путь проходит рефлексирующий герой произведения Г. Турьянского «Дневник православного эмигранта (отрывки)» («Литературный европеец» № 150, 2010). Вместе с сыном он совершает восхождение в горы, символизирующее «духовную вертикаль», путь от земного мира к небесному. Именно в этот момент герой испытывает восторг, вызванный познанием божественного замысла. Паломнический путь автобиографического героя достоверно описывается И. Беликовым в произведении «Крестный путь» («Крещатик» №67, 2001). Герой следует по маршруту, воспроизводящему путь Иисуса Христа на Голгофу и ставшему экскурсионным в современном Иерусалиме.

Мотив духовного пути неизменно сопряжен с образом странника, скитания которого связаны с поиском Бога, веры, истины. Такой тип героя маркирован в специфических заголовках произведений: Б. Рохлин «Заблудившийся пилигрим» («До и после» №10, 2006), «Странничек». Из цикла «По русскому северу» («Даугава» № 5–6, 1995). Мотив странствия в поисках Бога воссоздан в рассказе «Билет в святую землю» Н. Бокова («Новый журнал» №234, 2004). Главный герой, странник, живущий случайными податями, реализует главную жизненную цель – добраться до Иерусалима. Важной оказывается не точка прибытия, а сам путь испытаний, формирующий способность духовного созерцания, ведущий к осмыслению христианских заповедей. Мотив божественного провидения, случайного чуда (герой получает билет в святую землю) роднят текст с традиционными жанрами жития, хождения.

Мотив чуда как один из ключевых христианских мотивов реализуется также в многочастном рассказе С. Грабаря «Волхвы» («Крещатик» № 1, 2009). Библейский сюжет рождения Иисуса Христа осмысливается героем, познавшим истину («Счастье в вере в Него!») в момент созерцания золотого ковчега с мощами трех волхвов, находящегося в Кельнском соборе. Чудо как счастливая случайность и божественный знак становится основой сюжета произведений, восходящих к традиции рождественского, святочного рассказа. Маркером жанра выступает заголовочный комплекс: С. Шаманов «Друид. Почти святочная история длиною в год» («Гостиная» вып.97, 2018), О. Полствин «Рождественский рассказ» («Новый свет» №1, 2019), А. Гамзов «Молодо выглядите. Рождественская история» («Эмигрантская лира» №3, 2019).

Христианский мотив покаяния, связанный с примирением грешника с Богом, реализуется в произведении М. Казарновского «Записки схимонаха Агафона о делах прошлого времени, коим был он участником и свидетелем невольным» («Крещатик» №4, 2016). Исповедальная манера повествования, которое ведется от лица схимонаха XVI века, признающего свою греховность и открывающего тайну жизни, связывает текст с традициями житийной литературы («Житие протопопа Аввакума»). Исповедальная интенция реализуется в произведении В. Арро «Благо жизни. Записки бездыханного» («Крещатик» №4, 2018). Дневниковая форма отражает опыт жизнеосмысления человека, оказавшегося на грани смерти. Герой, находясь в больнице, вступает в диалог с Богом, духовно перерождается, познав истину: благо жизни – это чудо, высшая ценность, данная Богом.

В прозе современного русского зарубежья продуктивна тенденция обращения к житийному канону (Б. Херсонский «Рим номер четыре. Опыт духовной биографии» («Крещатик» №5, 2013), Ю. Сандулов «Воспоминания об архиепископе Феофане Полтавском» («Новый журнал» № 296, 2019), «Путь архиепископа Андрея: Слово на наречение» («Новый журнал» № 289, 2017). В произведении И. Легкой «Летающий архиерей. История одной семьи» («Новый журнал» №264, 2011) главным героем является епископ Роклендский РПЦЗ Иоанн (Легкий), акцентируются традиционные для агиографической литературы сюжеты и мотивы: испытаний, служения Богу и людям, предчувствия собственной смерти, рождения в религиозной семье, благочестивого детства, проведенного в церкви и др. При этом «Летающий архиерей» становится не только личной историей, но и историей Православной Церкви за рубежом.

Итак, христианские мотивы духовного пути, поиска высшей истины, паломничества, воскресения души, покаяния и исцеления, чуда, связанного с обретением и утверждением веры, эсхатологические мотивы составляют концептуальную основу текстов, анализ которых позволил выявить одну из тенденций развития современной прозы русского зарубежья – ее ориентацию на духовную христианскую традицию, определяющую жанровое своеобразие русской литературы, созданной за рубежом.

Список литературы

1. Гуминский В.М. Паломническая традиция в русской литературе путешествий // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Коллективная монография / Науч. ред., сост., предисл. Г.В. Мосалева. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – С. 77.
2. Зубарева В. Русское безрубежье. Полемические заметки // Дружба народов. – 2014. – № 5. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2014/5/russkoe-bezrubezhe.html> (дата обращения 24.12.2020).
3. Любомудров А.М. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной литературе // Вестник славянских культур. – 2008. – С. 113–120. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnyy-realizm-kak-otrazhenie-religioznoy-kultury-v-hudozhestvennoy-literature>.

10.01.01

О.А. Ковыршина канд. филол. наук

Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Институт филологии,
кафедра русского языка и литературы,
Липецк, kovirshinaolga@gmail.com

РАССКАЗ М.М. ПРИШВИНА «САШОК» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

В статье анализируется идейно-художественная специфика раннего рассказа М.М. Пришвина «Сашок». Особое внимание при интерпретации художественного текста уделено образам и темам, которые станут ведущими в творчестве зрелого писателя: теме детства, взаимосвязи природы и человека, образу «природного» человека.

Ключевые слова: художественное мышление, образ ребенка, архетип, «природный» человек.

Михаил Михайлович Пришвин по праву считается одним из уникальных художников XX столетия. Будучи человеком редкой одаренности, он уже при жизни заслужил славу природолюбца, проницательного знатока природы, талантливого детского писателя, натурфилософа и тонкого лирика. Последние десятилетия XX века прошли под знаком «открытия» Пришвина как оригинального мыслителя, чьи философские, историософские и эстетические взгляды заслуживают пристального внимания и изучения.

Примечательно, что писатель, принадлежащий к числу виднейших представителей русского неореализма XX столетия, пришел в литературу уже зрелым человеком в возрасте тридцати трех лет. Пройдя через сложные жизненные перипетии и накопив обширный фактологический материал, Пришвин оттачивал перо, публикуя статьи и очерки. Свой творческий путь он начал с рассказа «Сашок», опубликованного в 1906 году в детском журнале «Родник». Но эту первую вещь трудно назвать «проходной» или незрелой, потому что она вбирает в себя темы, которые будут волновать художника на протяжении всей его творческой жизни, а именно: взаимоотношения человека и природы, жизнь и смерть, нравственно-религиозные искания, детство, народный быт.

Рассказ «Сашок» дает представление об особенностях художественного мышления Пришвина и о специфике его писательского метода. Поэтому целью исследования стал анализ тех образов и тем рассказа, которые найдут отражение в зрелом творчестве писателя.

Для повествовательной манеры Пришвина характерна опора на каноны очерка: в основе произведения зачастую лежит рассказ о реально произошедшем событии или реально существовавшем человеке. Это объясняется сознательной установкой писателя, о которой идет речь в очерке «Охота за счастьем». М.М. Пришвин признается, что, «разбитый в своих надеждах написать сложную психологическую вещь», в конце концов «выдумал себе опыт описания просто каких-нибудь интересных фактов», а затем уже, научившись этому, хотел пойти «дальше в глубину» [3; т. 3, с. 14]. Художественные тексты писателя, начиная с ранних, большей частью основаны на личных впечатлениях и переживаниях. Так, «Сашок» связан с воспоминаниями Михаила Михайловича о детстве и елецкой родине – имении Хрущево.

Рассказ строится на приеме ретроспекции. Взрослый герой рассказывает драматическую историю, свидетелем которой он стал двадцать лет назад. В деревенском пруду затонул человек, и коллективные попытки определить точное место его нахождения, выловить несчастного неводом безуспешны. Его жизнь вот-вот прервется. Параллельно передаются

чувства и мысли ещё не повзрослевшего мальчика, находящегося «внутри» событий. Главный герой испытывает отчаяние, трагическое ощущение безысходности, узнав, что трагедия случилась с хрущевским птицеловом Сашкой, которого он хорошо знает. Девятилетний ребенок понимает, что теряет очень близкого человека: «И как же я любил Сашка!» [3; т. 1, с. 569] Сочетание детского и взрослого взглядов на жизнь определяет своеобразие индивидуально-авторского мировосприятия. М.М. Пришвин считает, что в каждом из нас живет ребенок, поэтому детские воспоминания, затерявшиеся в подсознании взрослого, способны произвести переворот и в душе, и в жизни человека.

В рассказ «Сашок» автор вводит реального персонажа – деревенского мужика-птицелова, спутника ярких моментов его детства. Этот образ, столь привлекательный для Пришвина, позже возникнет на страницах автобиографического романа «Кашеева цепь» (1922-1927) и в дневнике, датированном 1908 годом. Сашок (он же Гусек или Дедок) – носитель народной культуры, человек из глубинки, который обращает на себя внимание яркой индивидуальностью, чудаковатостью, непохожестью на других. В деревне его любят за беззлобный нрав, детскую доверчивость и наивность, за ту страстность, с которой Сашок предается любимому делу – охоте на птиц.

Пришвинский герой, девятилетний мальчик, воспринимает мир как волшебство, когда рядом с ним Сашок. В воображении ребенка этот простой деревенский мужик предстает то сказочным Дедом Морозом: «Сашок, весь в снегу, с белой от морозу бородой, тащит по коридору на холодную половину большую-большую елку» [3; т. 1, с. 569], то «таинственным лесным существом» [3; т. 1, с. 570], о котором рассказывала няня. Портретное сходство с мифическим лешим подчеркивается выразительной деталью: Сашок «весь зарос бородой, почти лица не видно» [3; т. 1, с. 569]. Традиционно хозяин леса наделяется недружелюбными чертами и неохотно жалует непрошенных гостей, но в рассказе именно Сашок вводит героя в природно-стихийный мир и приобщает к его тайнам.

Пришвинский герой, прототипом которого является сказочный властелин природы, «вписан в архетип лесного мудреца, учителя, знахаря» [1]. Сашок знает повадки птиц и зверей, понимает их язык, а в карманах деревенского мужика всегда обнаружится некая диковина: невиданный кузнечик или маленькая перепелка. Писатель обращается к архетипу волшебной сказки, в которой «учитель является из леса, живет в другом царстве, берет и уводит от родителей детей в лес» [4]. Герой вспоминает, как страстно хотелось мальчикам сопровождать Сашку на охоту и быть рядом с ним. В памяти встают сцены ловли самого голосистого перепела и отдыха на привале. Воодушевляясь, Сашок рассказывает своим спутникам истории, «ему и нам все интересно, от мельчайшего красненького паучка на коре старой липы до самых больших птиц» [3; т. 1, с. 570-571]. Такое общение сродни обряду посвящения-инициации, когда дети наделяются сакральным знанием, доступным лишь избранным. После ловли птиц они возвращаются домой через лес, где уже «темно, горят светлячки», но с Сашком мальчикам не страшно.

Показательно, что именно простой необразованный человек понимает подсознательное стремление ребенка к гармоничному природному миру. В итоговом пришвинском романе «Осударева дорога» такая же роль отводится лесному бродяге Куприянычу, который соблазняет подростка Зуйка покинуть строительство Беломорского канала и совершить побег в лес. На протяжении повествования Зуек сталкивается с разными людьми и постоянно колеблется, выбирая между правдой чекиста Сутулова, арестанта Рудольфа и ростовщика Волкова, однако именно Куприяныч увлекает героя за собой в мир, где нет власти и принуждения. В главе «Лесной оборотень», когда старик вечером неожиданно исчезает, подростку чудится, что тот превратился в филина и перелетает с ветки на ветку, пугая его. Пробудившись ото сна, Зуек остается один на один с природой и по следам Куприяныча вступает в волшебное царство Берендея. Перерождение личности Зуйка происходит наедине с природой.

Сашок из одноименного рассказа будет первым в ряду пришвинских «природных» героев, свободных от общепринятых поведенческих норм, живущих в гармонии с собой и окружающим миром. Он иллюстрирует мысль писателя о человеке «частичном» (цивилизованном) и «природном». Первый, видя в природе стихию, которую нужно усмирить и подчинить своим интересам, «действует так, будто нет бога, закона и вообще нет ничего, кроме человека – царя природы» [3; т. 8, с. 117]. Второй, подобно герою рассказа, слился с природой и живет, подчиняясь ее ритмам. Охотники, пастухи, крестьяне, представляющие тип «естественного» человека, непросвещённые, но мудрые люди, станут авторским идеалом. Таков Лувен из повести «Жень-шень», огородник Крыскин из повести «Мирская чаша», Исаак из очерка «Черный араб». На протяжении всего творческого пути М.М. Пришвин будет поэтизировать духовную связь человека с природой, видя в этом незыблемую основу человеческого существования. Подобная незримая связь наделяет его героев способностью переселяться «внутри природы, внутри того мира, о котором культурный человек стонет и плачет» [3; т. 1, с. 256-257].

Рассказчик сообщает, что по прошествии многих лет Сашок не изменил своим привычкам и все так же ловит птиц, охотясь за самой голосистой. Только сам герой, очевидно, уже отрешился от прежней жизни и, повзрослев, перестал быть человеком, максимально близким самой природе. Утратив связь с лесным царством, он занял позицию стороннего наблюдателя, утешаясь спасительной мыслью о том, что за перепелками «и ходить-то не стоит, только лапти трещь» [3; т. 1, с. 572]. Однако, следуя логике писателя, залогом полноценной и полнокровной жизни непременно является родство и единство личности и природного мира.

В дневнике 1908 года Пришвин выразит восхищение простотой и добротой хрущевского птицелова: «Вот человек, которого я люблю. Может быть, оттого я люблю его, что вижу в нем себя, как в зеркале, вижу свое лучшее, то, чем я хотел бы быть, что навсегда потеряно» [2]. Поэтичность восприятия окружающего мира, вера в человеческие возможности, в добрые начала, естественно заложенные в каждом, – эти особенности пришвинского мировосприятия найдут отражение в его первом рассказе «Сашок» и в последующем творчестве.

Список литературы

1. *Иванов Н.Н.* Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина: монография. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. – С. 74.
2. *Пришвин М.М.* Ранний дневник. 1905-1913. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007. – С. 46.
3. *Пришвин М.М.* Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982–1986. Примечание. С указанием тома и страницы в тексте книги цитируется это издание.
4. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – М.: Рипол Классик, 2013. – С. 82.

*10.01.01***А.Н. Тушев**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков в сфере международных отношений,
Казань, andpsy@yandex.ru

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

В статье сопоставляются эстетические взгляды Толстого, выраженные в трактате «Что такое искусство?», с воззрениями молодого В.Я. Брюсова, высказанными в статье «О искусстве». Присущая Брюсову установка на элитарность шла вразрез с принципиальной для Толстого мыслью о доступности понимания искусства. То, чем могут проникнуться лишь немногие не может являться настоящим искусством.

Ключевые слова: *Валерий Брюсов, Лев Толстой, литературная критика, русская литература, русский модернизм.*

В этой работе мы сопоставляем взгляды Льва Толстого и Валерия Брюсова на литературную критику. Наиболее полно эстетические воззрения Толстого были выражены в трактате «Что такое искусство?» (1897). Что касается Брюсова, то необходимо отметить, что речь в нашей работе идет исключительно о раннем периоде его творческой биографии. Свои эстетические взгляды молодой поэт сформулировал в программной статье «О искусстве» (написана в 1898 г., отдельное издания 1899 г.). Несмотря на то, что уже через несколько лет Брюсов критически пересмотрел многие из своих положений, статья представляет большой интерес как одна из первых попыток лидера символизма, каким был Брюсов, сформулировать основные эстетические постулаты этого литературного движения и подвести некий итог более чем пятилетнему присутствию символистов в русской словесности. С другой стороны, статья значима своими пересечениями со взглядами Толстого, на что Брюсов старался обратить внимание как читателей своей работы, так и самого писателя.

Трактат «Что такое искусство?» (1897) являет собой наиболее исчерпывающее высказывание Толстого по вопросам эстетики. Эта работа, занявшая пятнадцать лет, стала во многом реакцией на появление новых течений в искусстве, однако парадоксальным образом Толстой выступает с позиций не защитника старых догм и традиционных взглядов, но как бунтарь и ниспровергатель многовековых культурных предрассудков. Он предлагает собственную программу необходимого людям искусства, которое должно прийти на смену уже отжившим и не соответствующим состоянию современного человека и уровню его развития представлениям.

Что касается статьи Брюсова, то она не была должным образом прочитана современниками. Так, по словам ведущего исследователя творчества поэта С. И. Гиндина: «Быстрая смена тезисов-деклараций (среди них немало совпадающих со строками брюсовских стихотворений того времени) придала “Об искусстве” поэтическую сжатость и выразительность, но затруднила ее понимание по законам обычного “информирующего текста”. Это существенно ограничило аудиторию “Об искусстве” среди современников и скрыло широту и серьезность ее проблематики от позднейших исследователей» [2, с. 15].

Мы бы хотели обратить внимания на два аспекта, важных как для Толстого, так и для Брюсова, но на которые они смотрели совершенно различным образом.

Во-первых, это ключевая для эстетических воззрений Толстого категория доступности искусства. Здесь намечается принципиальный разрыв в концепциях двух литераторов. Так, Брюсов утверждает: «Общепонятность или общедоступность недостижима просто потому,

что люди различны» [1, с. 48]. Подобный взгляд абсолютно противоположен одному из главных положений Толстого, которое заключается в том, что истинное произведение искусства стирает все культурные и социальные различия и является понятным каждому. Если же человек не может его воспринять, то такое искусство не является подлинным: «Как только искусство высших классов выделилось из всенародного искусства, так явилось убеждение о том, что искусство может быть искусством и вместе с тем быть непонятно массам. А как только было допущено это положение, так неизбежно надо было допустить, что искусство может быть понятным только для самого малого числа избранных и, наконец, только для двух или одного – лучшего своего друга – самого себя. Так и говорят прямо теперешние художники: “я творю и понимаю себя, а если кто не понимает меня, тем хуже для него”» [3, с. 107].

Брюсов же утверждал, что поскольку искусство на современном этапе его развития еще во многом условно, то лишь человек самому причастному творчеству доступно подлинное его понимание: «Вполне же наслаждаются искусством только художники» [1, с. 48]. В этом пункте наглядно проявило себя модернистское восприятие творчества, где творца может судить только другой творец, а публика находится в положении профанов, которым недоступно то, что отрывито избранному кругу художников. Это идет вразрез с антиэлитарными взглядами Толстого об общедоступности искусства, которое должно быть ясно и открыто для каждого, а не оставаться достоянием узкого круга творцов: «Единственное преимущество того искусства, которое я признаю, перед декадентским, состоит в том, что это, мною признаваемое, искусство понятно несколько большему числу людей, чем теперешнее» [3, с. 107]. Принципиальная позиция Толстого состоит в том, что искусство не должно быть достоянием только лишь «маленького кружка людей» [3, с. 33].

Эта установка на антиэлитарность ключевое расхождение Толстого с эстетической идеологией модернистов. Проблема нового искусства по Толстому в его неспособности «заражать», оно рассчитано на слишком узкий круг ценителей. Обычные люди в силу его недоступности не могут им полностью проникнуться: «<...> искусство действует на людей независимо от их степени развития и образования, что прелесть картины, звуков, образов заражает всякого человека, на какой бы он ни находился степени развития» [3, с. 109]. Мысль Брюсова о том, что «венчают избранных не посвященные в тайны искусства, то слава чаще достается в удел менее достойным внимания, чьи произведения доступнее» [1, с. 48] кардинально отличает его от антиэлитарных положений эстетики Толстого.

Другим важным пунктом, демонстрирующим несовпадение в эстетических взглядах двух писателей, является их понимание значения, придаваемого художественной критике. Для Брюсова основная функция критики заключается в истолковании произведения, критик должен помочь аудитории понять незнакомый и новый для нее мир художника: «Задача художественного разбора (критики) помочь читателю, зрителю, слушателю; истолкователь искусства – проводник в новых мирах» [1, с. 49]. Он рассматривает критику как самостоятельный вид творчества и потому наделяет ее особым значением. И если наслаждение искусством, как считает Брюсов, полностью доступно только художнику, то и способность верного его постижения доступна лишь избранным: «Истолкователем художника может быть только мудрец» [1, с. 49].

Толстой же в свою очередь резко обрушивается на сам институт художественной критики с резко антиэлитарных позиций, объявляя критиков «извращенными и вместе с тем самоуверенными людьми» [3, с. 122]. Он отрицает надобность в «объяснении» искусства, поскольку истинное искусство не нуждается в истолковании: «Если произведение хорошо, как искусство, то независимо от того, нравственно оно или безнравственно, – чувство, выражаемое художником, передается другим людям. Если оно передалось другим людям, то они испытывают его, и мало того, что испытывают, испытывают каждый по-своему, и все толкования излишни. Если же произведение не заражает людей, то никакие толкования не сделают того, чтобы оно стало заразительно. Толковать произведения художника нельзя. Если бы можно было словами растолковать то, что хотел сказать художник, он и сказал бы

словами. А он сказал своим искусством, потому что другим способом нельзя было передать то чувство, которое он испытал» [3, с. 123]. Толстой отрицает не только необходимость критики, но и саму ее возможность: «Толкование словами произведения искусства доказывает только то, что тот, кто толкует, не способен заражаться искусством» [3, с. 123].

В таком отношении к художественной критике явственно проявился бунтарский дух Толстого, нападающего на признанные авторитеты и ниспровергающего кумиры. Толстовскую попытку подорвать значимость такого важного культурного института как критика вполне правомерно сравнить с его атакой на другие обладающие непререкаемым авторитетом общественные институты, будь то церковь, брак или государство. Эта своеобразная «критика» критика была лишь частью гораздо более глобальной попытки Толстого поставить под сомнение все то, что большинству его современников казалось несомненным, обнаружить те точки развития современной цивилизации, в которых она зашла в тупик. Эпатирующие публику декаденты в своей зависимости от внешнего авторитета критики не идут ни в какое сравнение с радикализмом Толстого.

Таким образом, в этом отношении становится заметной большая «традиционность» отдельных положений литературной позиции представителей новых течений. Они не сделали, подобно Толстому, попытку пересмотреть саму необходимость в таком феномене как критика, но начали заниматься созданием *своей* критики, противопоставляя устоявшимся в культуре представлениям собственное понимание искусства.

Что касается дальнейшей эволюции эстетических взглядов вождя русского символизма, то она не пошла в сторону указанную Толстым. Если в конце 1890-х гг. Брюсов настаивал на близости своих эстетических воззрений со взглядами Толстого, то к 1901 г. он значительно корректирует свои положения в сторону еще более радикального эстетизма и безграничной реализации творческой личности.

Список литературы

1. Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. VI. Статьи и рецензии 1893-1924. Далекие и близкие. – М.: Художественная литература, 1975. – 656 с.
2. Гиндин С.И. Валерий Брюсов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. Кн.2. С. 3-62.
3. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (юб. изд.): В 90 т. Т. 30. – М.; Л: ГИХЛ, 1951. – 606 с.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов, ²С.Г. Аксёнов, ²В.Д. Чистонов, ³В.Ю. Филиппов, ¹А.Т. Султанов,
³Л.Ю. Десяткина, ³З.Р. Крылова, ¹Т.Д. Юнусов, ³Э.Ф. Якуп

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,

³Бирский филиал Башкирского государственного университета

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЖУРНАЛИСТСКОЙ РАБОТЕ
В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ И СПОРТА СОТРУДНИКОВ ТРЁХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(БГМУ—УГАТУ—БИРСКИЙ ФИЛИАЛ БГУ)**

В декабре 2020 года в городе Уфа состоялся 22-й Съезд журналистов Республики Башкортостан (СЖ РБ). В отчётном докладе Председателя СЖ РБ А.Х. Давлетбакова отмечены три организации, которые привлекают к активной работе молодых журналистов из разных университетов, научной темой объединения является «медицина и спорт». Опыт работы трёх образовательных учреждений высшего образования БГМУ—УГАТУ—Бирского филиала БГУ по оздоровлению студенчества показал свою эффективность в период между республиканскими съездами журналистов.

Ключевые слова: журналистика, медицина, здравоохранение, общественное здоровье, спорт, физическая культура, университеты.

15 декабря 2020 года прошёл XXII съезд Союза журналистов Республики Башкортостан, предыдущий внеочередной XXI состоялся в декабре 2016 года и был посвящен принятию нового Устава СЖ РБ. СЖ РБ — один из самых крупнейших региональных отделений в России. В нём насчитывается 1616 журналистов, которые объединены в 81 местную организацию. В СЖ РБ работают семь межрайонных творческих объединений (МТО), которые осуществляют свою деятельность согласно Уставу РОО «Союз журналистов РБ» и собственных Положений. В составе Союза журналистов Российской Федерации СЖ РБ занимает 2-3 место по численности членов творческого союза. Среди членов Союза — 19 докторов наук, 59 кандидатов, 118 заслуженных работников культуры РБ, 87 заслуженных работников печати РБ, 19 заслуженных учителей РФ и РБ, 16 человек в разное время избирались депутатами Госдумы, Верховных Советов РФ и РБ, Госсобрания—Курултая РБ, есть народные артисты, художники, поэты, 58 человек являются членами Союза писателей РБ. Практически это «большая армия» творческих работников, которые связали свою жизнь с журналистикой в разных областях, но среди них много пенсионеров — 766, работающих соответственно — 850. Поэтому на данном этапе необходимо привлекать молодых журналистов, помогать им в приобретении навыков методики сбора, написания, редактирования статей. Задача творческих объединений — планирование публикаций в разных изданиях, особенно в журналах списка Высшей аттестационной комиссии (ВАК) [1, 2]. К большому сожалению, имея один из самых многочисленных творческих союзов Российской Федерации, в Башкортостане нет журналов ВАКа с шифром 10.01.10 — Журналистика.

В 2011 году был проведен Первый Международная научно-практическая конференция по истории медицины, физической культуры и спорту, посвященная 120-летию заслуженного врача РСФСР Н.Н. Байтерякова (выпускника медицинского факультета Императорского Казанского университета) и 90-летию профессора М.Б. Мирского, где произошло объединение журналистов трех образовательных учреждений высшего образования (Башкирского государственного медицинского университета — Уфимского государственного авиационного технического университета — Бирской государственной социально-педагогической академии (ставшей впоследствии Бирским филиалом Башкирского государственного университета), соответственно произошло объединение членов СЖ РБ профессора С.Г. Аксенова (УГАТУ), доцентов А.У. Киньябулатова (БГМУ), В.Ф. Усманова (БГСПА-БФ БГУ), В.Д. Чистонина (УГАТУ). За период с 2011 года было проведено 1 Международная, 23 Всероссийские и 7 Республиканских научно-практических конференций, на которых было представлено свыше 500 докладов, 1000 статей и около 20 монографий. В журналах списка ВАК («Казанская наука», «Казанский социально-гуманитарный вестник», «Дневник Казанской школы») опубликовано свыше 50 статей, только в журнале «Казанская наука» в данном соавторстве написаны 35 статей. На территории Башкортостана ежегодно объявляются республиканские конкурсы для журналистов – порядка 10 конкретной направленности. За прошедших четыре года СЖ РБ провел многочисленные конкурсы по самым разным направлениям, в их числе были, к примеру, такие, как - на лучшее освещение Года экологии в СМИ, реформирования ЖКХ, развития государственных языков и языков народов РБ, деятельности судов и судейского сообщества, профилактики наркомании и пропаганды здорового образа жизни, на лучшее освещение в средствах массовой информации мероприятий по баскетболу, проводимых в республике. Именно работа с молодежью, студенчеством стало приоритетом работы между членами СЖ РБ сотрудниками БГМУ—УГАТУ—Бирского филиала БГУ [3].

Несмотря на все его сложности и перипетии, впервые в истории определялись самые лучшие региональные союзы. В двадцатку таких организаций СЖ среди 85 субъектов страны вошел и Союз журналистов Башкортостана (из республик – таковых только две). Об этом объявили на XXIV форуме современной журналистики "Вся Россия — 2020", который проходил 19-25 сентября в г. Сочи. Среди лучших оказались и союзы соседних с нами Пермской, Свердловской, Челябинской областей.

В 2019 году в соответствии с Указом Президента РФ В.В. Путина «О праздновании 100-летия образования Республики Башкортостан» мы отмечали вековой юбилей БАССР, а также 100-летие народного поэта Мустая Карима. Ставилась цель привлечь внимание наших коллег к предстоящим грандиозным событиям, всестороннее информирование читателей, телезрителей, радиослушателей об истории, этнокультуре и традициях народов Башкортостана, его современном развитии и потенциале. Из заметных событий минувших лет - «Журфесты». Они собирают до 400 и более представителей федеральных, республиканских, районных и городских печатных изданий, телевидения, радио и интернет-сообщества, агентства «Башинформ». Основная тема одного из последних фестивалей - «Национальная пресса как инструмент сохранения языка, культуры, этноса».

В День Российской печати, в январе 2019 года, был открыт Клуб журналистов всех поколений по типу созданного на базе «Комсомольской правды». Эти встречи в Клубе показали, как нуждаются коллеги в общении друг с другом, в мероприятии приняли участие около 150 журналистов.

Безусловно, пандемия внесла значительные коррективы в работу всех средств массовой информации, в том числе и нашей рабочей группы сотрудников БГМУ—УГАТУ—Бирского филиала БГУ, но проведение Всероссийских научно-практических конференций по истории медицины, физической культуры и спорта, посвященные юбилейным датам образовательных учреждений высшего образования, заслуженным учёным, спортсменам, тренерам, педагогам, участникам Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и другим событиям, в дистанционном формате возможно, как никогда и не требует больших финансовых расходов.

Ежегодно наши коллеги участвуют в престижном конкурсе на премию Правительства РБ в честь революционера, партийного и государственного деятеля, много сил отдавшего становлению печати Башкортостана Шагита Худайбердина. В настоящее время в республике 109 лауреатов. Наша рабочая группа трижды участвовала в номинации на Государственную премию имени Шагита Худайбердина (к тому же он был военным фельдшером в годы Первой мировой войны, что сближает его с нашим направлением работы) в 2016, 2019 и 2020 годах. Перспектива работы нашей творческой группы журналистов нацелена на подготовку и встречу 90-летия Башкирского государственного медицинского университета и Уфимского государственного авиационного технического университета в 2022 году, в 2024 году – празднование 450-летие добровольного вхождения Башкортостана в состав России. Невозможно данную работу представить без вовлечения молодых журналистов наших образовательных учреждений высшего образования, поэтому в работу над каждой статьей привлекаем студентов [4].

Выводы: 1) Создание творческой группы членов СЖ РБ трех образовательных учреждений высшего образования БГМУ—УГАТУ—Бирского филиала БГУ на основе освещения профилактики наркомании и пропаганды здорового образа жизни имеет хороший результат в период между съездами СЖ РБ (опубликовано 35 статей в журналах списка ВАК).

Список литературы:

1. Тулупов В.В. Региональная журналистика: сегодня и завтра / Вопросы теории и практики журналистики. 2013. - С.78-92.
2. Киньябулатов А.У., Аксёнов С.Г., Усманов В.Ф., Сафаров Р.Э., Рахматова Ф.Б., Минязева Л.Ф., Перминова В.А., Усманов Э.Г., Юсупов И.Р. Вклад в журналистику России медицинских работников (анализ энциклопедии "Журналисты России. XX-XXI") / Казанская наука. 2020. № 2. С. 21-23..
3. Киньябулатов А.У., Аксёнов С.Г., Чистонов В.Д., Демаева А.Р., Усманов В.Ф., Сафаров Р.Э., Перминова В.А., Норматов Р.Р., Рахматова Ф.Б. Организация деятельности секции молодых журналистов в медицинском университете / Казанская наука. 2020. № 7. С. 25-27.
4. Киньябулатов А.У., Аксенов С.Г., Усманов В.Ф., Шуваева Л.Г., Хузиахметова Л.Ф., Якуп Э.Ф., Газизова А.З., Кругликова В.С., Закиров И.М. Роль журналистики на современном этапе в развитии медицины, физической культуры и спорта Башкортостана / Казанская наука. 2019. № 11. С. 29-31.

10.01.10

А.К. Малаховский**РЕПЕТИЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ США
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье рассматриваются различные направления журналистики США периода первой мировой войны. Автор приводит конкретные примеры, иллюстрирующие как прогерманскую, так и пробританскую точку зрения, а также высказывания ведущих американских политических деятелей, сформировавшие внешнеполитический курс США. Делается вывод о том, что США не удалось в полной мере реализовать роль лидера западного мира в ходе первой мировой войны.

Ключевые слова: *первая мировая война, президент В. Вильсон, Комитет Крила, роль глобального лидера.*

Сегодня, когда более ста лет нас отделяют от окончания первой мировой войны, мы видим линии геостратегического напряжения, отчасти весьма напоминающие обстановку, предшествовавшую первому глобальному конфликту. Зададимся целью рассмотреть ряд мнений, высказывавшихся в прессе и в политикуме США в годы первой мировой войны, когда эта страна дебютировала в качестве глобальной державы.

Долгое время президент США В. Вильсон удерживал страну от вступления в первую мировую войну. Уже в августе 1914 г. в послании конгрессу он провозгласил нейтралитет США в европейском конфликте. Он мотивировал этот тем, что страна является многонациональной, состоящей из европейских эмигрантов, имеющих относительно конфликта за океаном разные точки зрения [5, р. 8-9].

Американская пресса в этот период занимала выжидательную позицию, хотя ряд изданий газетного магната У.Р. Хэрста подвергли критике позицию Вильсона, требуя немедленного вступления в европейскую войну. К этому времени Хэрст, не раз пытавшийся добиться политического успеха, утратил доверие американских избирателей, которых смущали его богатство и экстравагантный образ жизни, и перешел в своеобразную постоянную оппозицию к Белому дому.

2 апреля 1917 г. президент США В. Вильсон выступил в конгрессе. Значительная часть речи была посвящена широкомасштабной и преступной «войне подводных лодок», развязанной Германией. Вильсон охарактеризовал, как преступление против человечества [8].

6 августа 1917 г. США официально вступили в Первую мировую войну, к которой в стране многие отнеслись с большим недовольством и подозрением, поскольку здесь были очень сильны изоляционистские и пацифистские настроения.

Вслед за этим 13 августа президент страны Вудро Вильсон своим исполнительным указом учредил Комитет Крила (Creel Committee on Public Information). Во главе комитета, куда также вошли министр обороны страны и министр военного флота, был поставлен журналист-демократ Джордж Крил. В короткий срок была собрана мощная организация, а точнее рекламное агентство, куда были привлечены лучшие творческие и научные силы страны. Комитет немедленно начал широкомасштабную кампанию, с целью убедить американцев в необходимости оказания срочной помощи Франции и Англии в кропопролитной войне, в первую очередь финансовой поддержкой. Дело в том, что конгресс, помня, что В. Вильсон ранее публично клялся, что Америка не будет участвовать в войне, отказался выделять финансы для того, чтобы «спасти мир для демократии». [8]. В этой связи Крилу было поручено сделать все возможное, чтобы убедить простых американцев покупать облигации военного займа.

Затем Белый дом в административном порядке принял жесткие меры, направленные против любого рода организованных антивоенных выступлений. Эти шаги прежде всего заделали левые силы, газеты и журналистов, профсоюзы, пацифистов и т.д. Кроме того, в средствах массовой информации была введена строгая цензура, пресекавшая критику действий В. Вильсона и его военного кабинета [10, p. 112-114].

Простые американцы до вступления США в войну мало знали о положении дел на Западном фронте, хотя порой в демократических газетах появлялись интересные материалы. Прежде всего следует начать с книги *America and the World War*, которую опубликовал бывший президент США Теодор Рузвельт, лауреат Нобелевской премии мира 1906 г. Она представляет собой сборник, составленный из статей, ранее напечатанных Рузвельтом на эту тему в ведущих американских изданиях. Рузвельт призывает руководство США в лице В. Вильсона меньше думать о Германии, в связи с тем, что в Америке проживает значительное число выходцев из этой страны, а помнить, что интересы страны в большей степени связаны с Англией [7].

В этом контексте примечательна статья «Милитаризм и демократия в Германии» известного нью-йоркского журналиста Освальда Гаррисона Вилларда, опубликованная в журнале *Scribner's Magazine* в феврале 1915 г. Виллард, отец которого владел влиятельными газетами *The Nation* и *The New York Evening Post*. Виллард отталкивался от распространенных среди германской интеллигенции взглядов, что милитаризм является основой демократии, без которого немыслимо независимое государство. Он быстро приходит к выводу, что в армии, как и в германском государстве, можно обнаружить как демократию, так и автократию. Демократия наблюдается в окопах, где представлены солдаты, охватывающие все слои населения, там можно увидеть товарищество и т.д. Однако правит всем высокоорганизованная и дисциплинированная автократия. Начиная с самых высших ее институтов, генерального штаба, наследного принца и самого кайзера, армия является привилегией классов, которым все, что пахнет демократией, кажется анафемой. Ее фундаментом являются крупные землевладельцы, юнкера и аристократия, как и в случае с тронem. [9].

В 1916 г. еще один известный американский журналист Джон Рид публикует свою книгу «Война в Западной Европе», в которой он рассказывает о своих впечатлениях от поездки по континенту, где он находился с перерывами, начиная с августа 1914 г. до середины 1915 г. Он описывает положение в Греции, Италии и России, так как на Западный фронт ему не удалось проникнуть [6]. Это произведение в определенной степени можно рассматривать, как подготовительный этап к его знаменитой книге «Десять дней, которые потрясли мир», вышедшей в 1919 г.

Примечательно эссе крупнейшего американского публициста, критика и издателя немецкого происхождения Г. Менкена «Людендорф». Автор на основании фактов, изученных в Берлине, где он находился до того, как стороны начали военные действия, раскрывает американцам, кто является ключевой фигурой в германском военном истеблишменте, а также в чем разница между фельдмаршалом Гинденбургом и генералом Людендорфом. Он подчеркивает, что Гинденбург выходец из аристократических кругов, а Людендорф пробился в начальники генерального штаба исключительно за счет своих боевых заслуг и оперативного ума [3].

К этому времени экономическое и финансовое положение Англии резко ухудшилось. Военные затраты привели к тому, что золотые запасы, которые использовались для предоставления займов другим странам Антанты, истощились. По мнению Томаса Ламонта, одного из ближайших сотрудников нью-йоркского банкира Дж. П. Моргана, США, снабжавшие союзников золотом, к этому времени были в состоянии перехватить у Англии лидерство в качестве крупнейшего валютного кредитора мира [2].

Таким образом, мы убедились, что в политической журналистике США периода первой мировой войны до введения военной цензуры весьма широко были представлены как прогерманская, так и пробританская точки зрения. Политический правящий класс США начинает примеривать на себя роль глобального лидера, которую в годы президентства В. Вильсона реализовать не удалось. Двадцатью годами позже, в ходе второй мировой войны, СМИ США и их политический истеблишмент в полной мере осуществили свои намерения лидерства западного мира, впервые возникшие в рассматриваемый период.

Список литературы

1. *Ellewood C.A.* Making the Wolrd Safe for Democracy//The Scientific Monthly. Vol.7, No.6, pp. 511-524.
2. *Lamont T. W.* The Effect of the War on American Financial Possition //Annals of the American Academy of Political and Social Studies. – N.Y.: Sage Publication, Inc. in association with the American Academy of Political and Social Studies. Vol. 60, American Interests as Affected by the European War. 1915. – P. 1-5.
3. *Mencken H.L.* Ludendorf//The Archive of American Journalism. H.L. Mencken Collection. URL:<http://nebula.wsimg.com/7217dfa976d8e2ed7c80ced05b575e02?AccessKeyId=94861742399A59C7B18A&disposition=0&alloworigin=1> (дата обращения: 03.12.2020).
4. *Mock J.C, Larson C.* Words That Won the War: the Study Of the Committee on Public Information. Princeton University Presss, 1939. – 232 p.
5. President Wilson's Declaration of Neutrality. 19 August 1914//Digital History ID 3889. URL: https://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook.cfm?smtID=3&psid=3889 (дата обращения: 03.12.2020).
6. *Reed J.* The War in Eastern Europe. – N. Y.: Scribner, 1916. – 458 p.
7. *Roosevelt T.* America and the World War. – N. Y.: Scribner's Sons. 1915. – 298 p.
8. Transcript of Joint Address to Congress Leading to a Declaration of War Against Germany (1917). URL:<https://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=false&doc=61&page=transcript> (дата обращения: 02.12.2020).
9. *Villard O.G.* Militarism and Democracy in German//The Great War as Interpreted in Magazine Writings, 1914-1918. URL:<http://www.jfredmacdonald.com/worldwarone1914-1918/german-15militrism-democracy-germany.html> (дата обращения: 03.12.2020)
10. *Walworth A.* Woodrow Wilson. Third Edition. Book Two. World Prophet. – N. Y.: W.W. Norton & Company Inc., 1978. – 454 p.

10.01.10

А.К. Малаховский

ПРЕССА НОРТКЛИФФА: РЯД АСПЕКТОВ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается информационная и пропагандистская деятельность лорда Нортклиффа, одного из крупнейших владельцев прессы Великобритании. На примерах деятельности газет Нортклиффа показывается его позиция в системе отношений с британским политическим истеблишментом в период первой мировой войны. Делается вывод о слиянии интересов Нортклиффа и британской политической элиты.

Ключевые слова: первая мировая война, лорд Нортклифф, «Дейли Мейл», «Таймс».

Сегодня мы являемся свидетелями обострения информационных войн, одним из активных участников которых является Великобритания. Одним из первых удачных примеров ведения Великобритании пропагандистских кампаний являются действия британской печати в годы первой мировой войны. Данным обстоятельством определяется актуальность избранной нами темы.

Великобритания вела широкомасштабную пропагандистскую кампанию в годы первой мировой войны. Одним из тех, кто в течение многих лет готовил англичан к войне с Германией был лорд Нортклифф, владелец лондонских газет «Таймс» и «Дейли мейл». Этот издатель, выбившийся из среднего класса в бароны прессы ценой своих усилий, талантливый журналист, незаурядный предприниматель, манипулятор общественным мнением и жесткий полемист играл по собственным правилам. Он часто бывал несдержанным, обладал трудным характером и, тем не менее, добивался поразительных результатов [5].

Нортклифф, через свои массовые газеты, уже с конца XIX в. открыто проводил джингоистскую пропаганду, отвечавшую интересам британского империализма, в чем его поддерживали, когда это бывало им выгодно, другие ведущие лондонские издатели [4, р.30].

У Нортклиффа существовала многочисленная сеть иностранных корреспондентов различных национальностей, особенно отличалась в этом плане «Дейли мейл», имевшая свое парижское издание. Эти журналисты незамедлительно информировали своего шефа обо всех нюансах международной политической жизни [7, р. 46-47]. К числу лучших из них принадлежал Валентин Уильямс, работавший в Берлине. Знаток Германии, журналист со связями, он полгода находился при штабе фельдмаршала Джона Френча. Затем на этот пост пришел Китченер, после чего цензура стала невыносимой. В. Вильямс присоединился к армии и в должности лейтенанта участвовал в кровавом побоище на Сомме, был тяжело ранен, награжден Военным крестом. Опубликовал несколько книг о своем военном опыте [8].

Именно благодаря Нортклиффу и его прессе на островах выкристаллизовалась идея о неизбежности скорой войны Англии с Германией. Либеральная печать за это Нортклиффа яростно критиковала. Широкую известность получил памфлет известного журналиста А. Гардинера на эту тему [3]. Взгляды Нортклиффа часто не совпадали с курсом лондонского истеблишмента, поскольку он был «черной костью», «выскочкой», независим в суждениях, что никак не добавляло ему популярности в Лондоне, особенно в Форин офисе.

Премьер-министр страны Ллойд Джордж отмечал, в одном из своих меморандумов коллегам, что печать искажала реальную картину происходившего, рассматривая как исключительное событие любой даже самый незначительный успех английской армии. Ее метод был несложен. Любое тривиальное событие, которое приносило армии Китченера успех, газеты подавали заголовком в половину колонки и описывали на всю полосу. С другой стороны, о серьезных неудачах, свалившихся на русскую армию, сообщались в информации, набранной мелким шрифтом... Таким образом, страна не знала подлинных фактов о положении на Западном и Восточных фронтах [2].

Нортклифф и его пресса, в первую очередь газета «Дейли мейл», несмотря на противодействие премьер-министра Г. Асквита, предприняли все усилия, чтобы сделать обязательным призыв в английскую армию. Причем сначала этот закон коснулся неженатых, а затем и тех, у кого были семьи. В результате цвет британской нации оказался во Франции в окопах, и сотни тысяч англичан различного возраста остались навечно лежать в чужой земле.

Среди тех, кто сравнительно свободно работал на Западном фронте, был полковник Чарлз Репингтон, военный корреспондент лондонской «Таймс» (1904–1918). Некоторые статьи Репингтона были настолько острыми, что цензура, которую, как правило, осуществляли старшие офицеры военной разведки, блокировала эти материалы [2, р. 10].

Он был хорошо знаком с военным министром лордом Китченером, который до определенного момента отвечал на вопросы журналиста при условии, что в статьях «Таймс» на него не будет ссылок, а также с фельдмаршалом Джоном Френчем, главнокомандующим экспедиционными силами в Европе [6, pp. 20-27, 35, 40]. Именно благодаря последнему, Репингтон узнал, что королевская артиллерия испытывает недостаток в снарядах тяжелого калибра, взамен используя шрапнель, из-за чего армия несла катастрофические потери от германских обстрелов.

В итоге 25 мая 1915 г. в газете появилась редакционная статья под заголовком «The Tragedy of the Shells; Kitchenere's Grave Error». Начался политический кризис, который потряс правительство и военный кабинет. Нортклиффа называли предателем, рекламодатели отказывались работать с газетой, закупленные экземпляры которой сжигали возмущенные британцы [2, р.123 -126]. Тем не менее издатель был уверен в своей правоте и отдал приказ перепечатать статью на этот раз в лондонской «Таймс».

Этот политический скандал, получивший название «Shell Crisis» или «Battle of Shells», необычайно укрепил авторитет и влияние Нортклиффа, бывшего до сих пор кумиром джингоистов. После этого случая Репингтону было запрещено появляться на Западном фронте.

В результате вышеупомянутого кризиса премьер-министр лорд Асквит был вынужден уйти в отставку. Было учреждено министерство вооружений (Minister of Munitiones), который в 1915 г.г. несколько месяцев занимал либеральный политик Давид Ллойд Джордж, затем ставший премьер-министром (1916–1923). Производство вооружения было взято под прямой контроль государства. Это значительно укрепило мощь британской армии и, что самое главное, резко сократило потери личного состава на фронте. С той поры в Великобритании авторитет Нортклиффа, как в военных, так и в политических вопросах не подвергался ни малейшему сомнению.

По приказу Нортклиффа, который всегда выступал против цензуры, ежедневно в действующую армию направлялось 10 000 экз. газеты «Дейли Мейл». Он также выработал план, в соответствии с которым военнослужащим предлагалось за соответствующий вознаграждение, писать статьи о своих фронтовых впечатлениях.

Ненависть Вильгельма II и немецкой прессы к Нортклиффу, который открыто призывал приступить к бомбардировкам германских городов, выражалась в призыве «Strafe Northcliffe!» (Покарай Нортклиффа!). Предпринимались попытки покушения на его жизнь [1, р. 15]. В частности, его дом на побережье в Кенте бомбили с аэроплана и обстреливали из корабельных орудий. Однако эта акция успеха не принесла.

В июне 1917 г. Нортклифф по просьбе премьер-министра Ллойд Джорджа отправился в США в качестве главы британской военной миссии (British War Comission). Цель его командировки заключалась в том, чтобы обеспечить военные поставки, за которые Лондон платил золотом, необходимые для экспедиционного корпуса в Европе, где война все более обострялась.

Медийный магнат возвратился домой в ноябре 1917 г., оставив за океаном отлаженный аппарат опытных помощников, которые продолжили дело. В Лондоне Ллойд-Джордж предложил Нортклиффу возглавить «Бюро военной пропаганды» (War Propaganda Bureau), на что барон прессы дал свое согласие. Таким образом, Нортклифф стал одним из магнатов прессы, олицетворявшим слияние британского политического истеблишмента и крупного предпринимательства от журналистики в годы первой мировой войны с целью организации пропагандистских кампаний в условиях военных действий.

Список литературы

1. Carson W.E. Northcliffe. N.Y.: Dodge Publishing Co., 1918 - 484 p.
2. David Lloyd George. War Memoirs. Vol.1. – L.: Odhams Press Limited, 1938. – P.250. Roosevelt T. America and the World War. – N. Y.: Scribner's Sons. 1915. – 298 p.
3. Gardiner A. The «Daily Mail» and the Liberal Press. A Letter to Lord Northcliffe by A.G.G. and a Reply to «Scoremongering». – L.: Daily News, 1914. – 16 p.
4. Harmsworth A.Ch. W. Newspapers and their Millionaires with some further meditations about us. L.: Associated Newspapers Ltd., 1922. – 32 p.
5. Pemberton M. Lord Northcliffe. –N. Y.: G.H. Doran, 1923. – 276 p.
6. Repington Ch. C. The First World War Diary. 1914-1918. Vol.I. – L.: Constable and Company, Ltd., 1927. – 364 p.
7. Thompson J.L. Politicians, Press & Propaganda. Lord Northcliffe & and the Great War. 1914–1919. Kent. Ohio. The Kent State University Press, 1999. – 336 p.
8. William G.V. With Our Army in Flanders. – L.: E. Arnold, 1915. – 414 p.

10.01.10

М.С. Штейман канд. филол. наук

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Кафедра литературоведения и журналистики,
Елец, shteiman.marina@mail.ru

И. ТУРГЕНЕВ-ПУБЛИЦИСТ (К ВОПРОСУ О ТЕМЕ ДВОРЯНСТВА В «МАЛОЙ ПРОЗЕ» ПИСАТЕЛЯ)

В статье рассматривается отношение Тургенева к решению главного вопроса пореформенной России середины 19 века – отмене крепостного права. Акцентируется внимание на философско-нравственных и общественно-политических взглядах писателя, для которого личность является главным носителем культуры и человеческих идеалов в обществе. Подчеркивается мысль, что со временем отношение писателя к роли и судьбе русского дворянства постепенно менялось, что нашло отражение в публицистике и художественном творчестве.

Ключевые слова: *крепостное право, дворянство, Россия, реформа, славянофилы, крестьянство, самодержавие, культура.*

И. Тургенев принадлежал к старинному роду служилого дворянства и верно увидел, что русское дворянство как единое сословие сформировалось в 17 веке, выступив носителем демократических устремлений в противостоянии тогдашней аристократии – боярству. В России переворота, подобно французской революции 18 века, не случилось. Тем не менее борьба шла не на жизнь, а на смерть (вспомним историю Смутного времени), но дворянство выстояло и победило. Однако за полтора столетия в стране многое изменилось. И уже не боярство, а дворянство стало привилегированным аристократическим сословием. Представители старинных родов, не умея и не желая приспособиться к новым социально-экономическим условиям, ушли в оппозицию. Среди них оказался и род Тургеневых. У декабристов, Пушкина, Тургенева и проч. была убежденность в том, что опорой демократизма в новых исторических условиях в стране выступает старинное дворянство. По их мнению, именно оно было способно вывести Россию из кризисного состояния и повести к новому расцвету. Разумеется, Тургенев наблюдал расслоение дворянства, вероятно, именно потому и «оглядывался» в историю, желая возрождения былого величия демократической части русского дворянства. Здесь мы наблюдаем точку пересечения во взглядах Тургенева и славянофилов, центральной идеей которых было сохранение дворянства как сословия в патриархальном единении с крестьянством.

Вопрос о дворянстве писатель связывает с вопросом реформирования в стране. В 1842 году Тургенев, будучи на службе в канцелярии по крестьянским делам Министерства Внутренних Дел, подготовил официальную записку «Несколько мыслей о русском хозяйстве и о русском крестьянине». Уже тогда молодой писатель понимает, что крестьянская реформа в России изменит и крестьянина, и дворянина. Он убежден в том, что взаимоотношения крестьян и помещиков должны строиться только на законодательной основе и дворянство должно остаться земледельческим сословием. Автора записки волновало будущее дворянства в не меньшей степени, чем будущее крестьянства. Обосновывая важность преобразований, Тургенев подчеркивает: «...наши дворяне и наши крестьяне одного и того же племени; говорят одним языком, у тех и других один и тот же склад лица; правда, много наших дворян происхождения иностранного – татарского, литовского и т.д., но они явились в Россию *выходцами*, не победителями, принимали нашу веру, наши обычаи, и уже дети их были чисто русскими» [5, с. 420]. Это чрезвычайно важная мысль, ибо русское дворянское сословие формировалось иначе, чем европейское. В этой связи Тургенев утверждает равенство в правах человека «от рождения» между дворянами и крестьянами. Эту мысль позже он последовательно разовьет в «Записках охотника» и «Дворянском гнезде».

Несомненный интерес представляет неоконченная статья И. Тургенева о дворянстве. Писатель работал над ней в конце 1858 года. Это было время интенсивной подготовки к крестьянской реформе. Большая часть дворян приняла в штыки реформаторские устремления Александра II. Главным аргументом противников преобразований было то, что отмена крепостничества погубит и экономику России, и само дворянское сословие. Крепостная зависимость крестьян составляет, по их мнению, главную опору дворянства как привилегированного сословия. Такая реакция со стороны консервативного дворянства была закономерной, т.к. значение этой реформы для России трудно переоценить. Она бескровно осуществила в стране то, что Французская революция в жестоких битвах с конца 18 столетия совершала практически в течение полувека.

Статья Тургенева начинается с обозначения глобальной для страны проблемы: «Всякий согласится с нами, что готовящиеся преобразования в отношениях помещиков к крестьянам неизбежно повлекут за собой ряд других изменений в государственной и общественной жизни» [6, с. 282]. В этой фразе таятся глубокий смысл и понимание того, что Россия находится в ожидании неизбежных перемен. Именно это заставило писателя взяться за перо и высказать свои суждения на актуальную тему. Далее Тургенев переходит к характеристике русского дворянства: «...в настоящее время все в России дворяне осознают <...> неизбежность изменения их быта. Дворяне через пятнадцать, двадцать лет будут уже не нынешние дворяне» [6, с. 283]. При этом автор не считает, что дворяне перестанут быть привилегированным сословием: «...право освобождения от телесного наказания. Право на известные преимущества в службе, получения чинов и др. должны со временем распространиться по всем вероятностям и на остальные сословия...» [6, с. 284]. Однако это не означает, что у дворян остается «только право владеть другим человеком». Тургеневская статья полемически направлена против подобного понимания «особенности» дворянского сословия. В этой связи автор излагает историю дворянства в России.

Тургенев отмечает, что «дворянство русское существовало до окончательного закрепощения крестьян» [6, с. 283], поэтому, по мнению автора, хотя и измененное, но все же дворянство останется привилегированным сословием и после отмены крепостного права. При этом особенность дворянства определяется весьма расплывчато: оно будет существовать «пока будет приносить пользу». Писатель указывает главное отличие русского дворянства от западноевропейского – это не владение завоеванной землей, а служение «земле», т.е. государству. Поэтому, подчеркивает писатель, отмена крепостного права в России необходима; она должна повлечь за собой возврат к прежним отношениям между крестьянами и дворянами и необходимость службы последних Отечеству, что составляет основную особенность дворянства как сословия. При этом, отмечает автор, дворянин не должен отрываться от земли, его прямая обязанность – хозяйствовать на ней. Подобная точка зрения Тургенева не во всем совпадает с воззрениями славянофилов, однако косвенная перекличка с этим направлением все же обнаруживается.

В связи с тем, что дворяне и крестьяне первоначально были равноправны в отношении к земле, крепостничество в стране, подчеркивает автор, «носит отпечаток случайности» и эта случайность порождена «неумением и недоразумением». В 1857 году, в опубликованном во Франции очерке «Записка о крепостном праве в России» [7], Тургенев указывает более конкретную причину: самодержавная форма правления в России. Через год в этом вопросе писатель намеренно идет на компромисс. Причин тому несколько:

- открытая оппозиция к самодержавию во время готовящейся реформы могла бы надолго «затормозить» давно ожидаемые преобразования, поэтому Тургенев целенаправленно заявляет о сотрудничестве с властью;

- российская цензура (в отличие от французской), разумеется, не могла пропустить в печать подобное откровение.

В неоконченной статье Тургенев пришел к важному выводу: русское дворянство всегда было двигателем прогресса, его главная заслуга перед Отечеством в том, что «оно служило делу просвещения и образования». Статья неожиданно обрывается после того, когда автор продекларировал, что европейское дворянство «упиралось, коснело, отставало», а «наши лучшие имена записаны на его (просвещения) скрижалях». Справедливо утвердив прогрессивную роль дворянства в России, Тургенев прервал дальнейшие рассуждения. До конца своих дней писатель оставался верен идеям Просвещения, но будучи энциклопедически образованным человеком, он не мог не понимать, что экономика дворянского имения не может опираться только на просвещение. Необходимо было показать экономическое значение дворянства. И в этот момент с Тургеневым, вероятно, произошло то же, что и с Гоголем: идеал пришел в противоречие с реальной действительностью. Логика экономического развития после отмены крепостного права должна была потребовать от дворянства либо «обуржуазивания» (т.е. превращения в товаропроизводителя), либо полной деклассированности. Таким образом, правы оказались те, кто утверждал, что экономика русского дворянского сословия полностью базируется на крепостничестве. И потому появление крепостного права в России оказывалось не случайностью, а закономерностью социально-экономического развития. Дворяне из служилых людей превращались в привилегированное сословие, а «арендуемое» поместье указом Петра I уравнивалось с вотчиной и переходило в наследуемую собственность. Его отмена тоже экономически закономерна, поэтому дело не только в просвещении и правах человека (хотя и это тоже имеет большое значение).

Отметим одно важное обстоятельство в тургеневской статье. Верно и весьма подробно изложив появление дворянства в России, в отличие от европейского рыцарства, автор при этом не придает особого значения тому, что в западных странах рыцарство сразу возникало как сословие, а в русских княжествах дворянство как особое сословие стало оформляться лишь к 17 веку. Об этой особенности дворянства в России в том же 1858 году обстоятельно рассуждает С. Соловьев в своих «Исторических письмах» [4], подчеркивая, что еще во времена Петра I людей по старинке различали, главным образом, не по сословному, как на Западе, а по родовому признаку. Соловьев развернуто демонстрирует историческую разницу между русским и европейским дворянством. В конечном итоге и Тургенев, и Соловьев (несмотря на полемику по отдельным проблемам) в вопросе происхождения дворянства в России придерживаются одной точки зрения. И оба мыслителя заостряют внимание на последствиях для дворян отмены крепостного права.

Тургенев уходя глубокими корнями в дворянскую культуру, уже выламывался из нее. Писатель строго следовал идее прав человека и отдавал индивидуальности приоритет перед государством. Для решения вопроса о перспективах крестьянской реформы в России необходимо было прежде решить вопрос о том, кто является собственником земли и что такое государство? Идея о демократическом дворянстве разбивалась о проблему собственности на землю, без решения которой невозможно развитие товарного производства и рынка. Как известно, именно необходимость формирования товарно-денежных отношений выступала доминирующей причиной отмены крепостного права в России. Тургенев до последнего оставался противником крестьянской общины. Он не осознавал (может быть, не захотел осознать), что земельные отношения в средневековой Руси, которые, по его мнению, уравнивают в правах человека дворян и крестьян, - это разновидность общинного землепользования. При этом истинным хозяином ее выступает верховный управитель.

Некоторые русские мыслители (в их числе декабристы) пребывали в убеждении, что реформы на начальном этапе возглавляет монарх. И когда российская экономика будет в должной степени реформирована, необходимо будет переходить к ограничению самодержавия – конституционному правлению. Многие славянофилы также придерживались этой точки зрения, господствующей идеей которых, как отмечалось ранее, было сохранение привилегированного положения дворянского сословия в российском обществе и экономике.

Тургенев, приняв эту идею, впоследствии понял, что прежде необходимо было решить вопрос о собственности на землю. Однако, если не царь и не государство будут земельными собственниками, если частью земли как единоличной собственностью должен владеть крестьянин наравне с дворянином, тогда невозможно будет сохранить политическую привилегированность дворянского сословия. Значит, дворянство должно трансформироваться. Но в кого и как, писатель не смог дать ответ на эти вопросы.

Полемическая статья о роли и судьбе русского дворянства так и не была закончена.

Список литературы

1. Бем А.Л. Мысли о Тургеневе // Бем А.Л. Письма о литературе. Прага, 1996. - С. 123-127.
2. Генералова Н.П. И.С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб, 2003. - 584 с.
3. Салим А. Тургенев художник, мыслитель. М., 1983. – 224 с.
4. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. — М.: Голос; Колокол-Пресс, 1993-1998.
5. Тургенев И.С. ПСС в 30 тт. Изд. 2. Соч. Т. 1. М.-Л., 1978.
6. Тургенев И.С. ПСС в 30 тт. Изд. 2. Соч. Т.11. М., 1983.
7. Тургенев И.С. ПСС в 30 тт. Изд. 2. Соч. Т.12. М., 1986. – С. 516-530.
8. Gerik Horst-Jurgen. Turgenjew. Eine Einfuhrung fur den Leser von heute Beitrage zur neueren Literatengeschichte. – Heidelberg. 2015. - Band 338. - 318 S.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК*10.02.01***Н.В. Атаманова**

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Брянск, atamanova2001@list.ru

**ЗВУКООБРАЗ ГУЛ
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
И ПОЭТИЧЕСКОЙ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

В статье исследуется семантическое своеобразие звукообраза гул в поэтических текстах Ф.И. Тютчева и А.К. Толстого в аспекте поэтической звуковой картины мира и традиций культуры русского народа. Репрезентация звукообраза в лексикографических источниках позволяет судить о семантической разноплановости лексемы и семиотической природе гула как звука. Поэтический текст углубляет и обогащает узואльное представление о гуле, семантика лексемы получает индивидуально-авторское осмысление и своеобразие.

Ключевые слова: *звуковой образ, поэтическая звуковая картина мира, гул, русская лингвокультура, Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой.*

В создании звуковой поэтической картины мира, выступающей одним из репрезентантов языковой личности художника слова, особую роль играют звукообразы, формирующие индивидуальное поэтическое мировидение и мировосприятие. Нередко среди значимых для поэтической системы звукообразов оказываются акустические образы, употребление которых связано с народными представлениями о жизни и культуре русского народа, его традициях. В этом плане неоспорима значимость таких звукообразов, как *колокольный звон, речь, крик, зов, пение, свист, шепот* и др. [7; с. 10]. В народном сознании каждый звукообраз наделен символическим смыслом, связанным прежде всего с культурными традициями того или иного народа. Так, в восточнославянской культуре вой собаки предвещает скорую смерть, скрип половиц в доме – «сообщение» домового [7; с. 3], свист выступает символом зла, лиха, беды, нечистой силы [6; с. 295]. Устойчивую символику русской культуры и быта, православной Руси приобрел звукообраз благовестного колокольного звона как неотъемлемой части жизни русского народа, значимого атрибута русского реального пространства и времени (как известно, по звукам колокола просыпались и заканчивали день, его удары означали важную весть или начало церковной службы, символизировали состояние одухотворенности и спокойствия) [1].

Современные лингвокультурологические источники позволяют говорить о существовании трех типов звуков: изначальном звуке, природных шумов, звуков, порожденных человеком. Древние славяне отдавали предпочтение звукам неясного типа, таким как *гул, шум, шепот, шорох, грохот*. Это было связано, вероятно, с тем, что нетоновые звуки, характеризующиеся слиянием звуков различного тембра, частоты, громкости и периодичности, нарушали покой и размеренность привычной жизни человека, пугали, отталкивали. Шум мог вызывать определенный эмоциональный настрой (шум дождя, вой ветра), иногда служил сигналом опасности (шипение змеи, шаги приближающегося врага) [2; с. 303].

Среди шумных звуков особое место в русской лингвокультуре занимает гул, характеризующийся как «протяжный низкий неглухой звук, издаваемый неодушевленными природными объектами или механизмами, или голосами людей» [4; с. 178]. О том, что шум и гул являются синонимичными взаимозаменяемыми звукообразами, свидетельствуют лексикографические источники. Так, в словарях русского языка находим следующие семантические компоненты лексемы гул: «длительный, отдаленный шум (часто от слияния многих разнородных звуков); гудение» [10; с. 475], «не вполне ясный, сливающийся шум» [9], «неясный сливающийся шум» [8], «отдаленный сильный, глухой шум» [11]. Более широкое толкование гула отражено в словаре В.И. Даля, который рассматривает в одном ряду с ним звуки разнородной тональности, такие как *звон, стук, отголосок*, давая при этом предельную адъективную, прежде всего пространственную и качественную характеристику гула как звука: гул дальний, глухой, звучный, зычный, раскатистый, шумный; гудящий [3; с. 406]. Семиотическая природа гула, его связь с народными представлениями о звуке как сакральном источнике отражена в иллюстративном материале к дефиниции лексемы (*Гул в трубе – душа покойника пришла*) [3; с. 406]. Согласно лингвистическим исследованиям, гул в синтагматическом плане – это всегда «долгий продолжительный, протяжный, нарастающий, мерный, ровный, странный, зловещий, легкий, сильный, слабый, отдаленный, нестройный, смутный, неопределенный» звук, источником которого могут быть как конкретные предметы (транспорт, город, мебель, люди), так и абстрактные понятия и явления (голоса, смех, недовольство, гром) [4; с. 176].

Узуальное представление о гуле дополняется и обогащается поэтическими текстами, в которых семантика лексемы получает индивидуально-авторское осмысление и своеобразие. По данным Национального корпуса русского языка, гул имеет 1508 вхождений в объеме поэтического корпуса [5]. Рассмотрим его употребление в поэтических контекстах XIX века на примере стихотворений Ф.И. Тютчева и А.К. Толстого.

В поэзии Ф.И. Тютчева звукообраз гул – неперенный атрибут ночного глухого времени. Это приглушенный, мерный звук, возникающий в пространстве «древнего родимого хаоса». Тютчевский ночной гул, в отличие от дневного шума, *чудный, волшебный, божественный* («*Над спящим градом, как в вершинах леса, Проснулся чудный еженощный гул*» <105> [14]) и в то же время *непостижимый*, т.е. недоступный пониманию, непонятный («*Откуда он, сей гул непостижимый?*» <105>), свидетельствующий «о существовании «слышного, но незримого» «бестелесного» мира» [12; с. 265]. Как видим, тютчевский гул, в отличие от его звукового представления в русской лингвокультуре, наделяется мелиоративной окраской.

Появлению гула предшествует преображение окружающей природы (сад «*объят негой ночи голубой*», «*таинственно... звездный сонм горит*», «*соседний ключ слышнее говорит*» <105>), изменение человеческой природы («*все во мне, и я во всем*» <109>).

Актуализация ночного гула, усиление его признаков почти всегда сопровождается постепенным угасанием жизненных стихий («*цвет поблекнул, звук уснул*» <109>, «*изнемогло движенье, труд уснул...*» <105>), т.е. связано с темой сна как в природе («*сладко дремлет сад*», «*сладко светит месяц*» <105>), так и человеческого сна («*И лишь дремотой забывался Гул ясенел и грохотал*» <108>).

Употребляясь для обозначения ночных звуков, тютчевский гул получает особое место в системе звукообозначений. Он как бы исключается из состава звуков: на смену уснувшему звуку приходит гул. Кроме того, в поэтических контекстах отсутствует указание на конкретные звуковые признаки гула. Поэт акцентирует большее внимание на признаках его эмоционального восприятия: гул чудный, непостижимый. Гул, оказываясь лишенным собственных звуковых признаков, соотносится со звуками окружающей природы. Так, он всегда возникает вверху, «*над спящим градом... в вершинах леса*», соотносясь со звуковыми образами либо высшей ступени мироздания («*Мотылька полет незримый Слышен в воздухе ночном...*» <109>), где слуховое восприятие вновь преобладает над зрительным, либо низшей («*Музыки дальней слышны восклицанья, Соседний ключ слышнее говорит...*» <105>). Возникая в верхней части тютчевской модели построения мира, гул приобретает в своей

семантике признак возвышенного звучания и используется для обозначения блаженных звуков.

Полисемантический характер лексемы *гул* в поэтических контекстах определяется различными синтагматическими отношениями, в которые она вступает. В своем основном для словаря значении она употребляется в тех контекстах, где источником звука-гула является природа. Семантические пространственные компоненты «длительный», «отдаленный», «сливающийся» акцентируются в сочетаемостном плане: *в дальний гул* <109>, *дальний гул* <108>, *стозвучный гул* <77>. Для усиления семантических признаков гула Ф.И. Тютчев использует градацию («*Гул ясенел и грохотал*» <108>, «*стозвучный гул, крик, вопль, порою громкий смех*» <77>). Сочетаемостные контекстуальные связи лексемы *гул* могут выражать качество звука (*чудный, непостижимый гул* <105>), его временную характеристику (*еженощный гул* <105>). Синтагматическое контактирование с наречием *глухо* способствует появлению в ее значении дополнительного признака «глухой звук», т.е. невнятный, незвонкий («... *глухо гул Встает окрест...*» <89>).

В поэтических контекстах социальной и общественной тематики лексема *гул* приобретает иные сочетаемостные возможности и теряет связь со звуковым обозначением, наделяясь незвуковыми семантическими смыслами. Так, сочетание *гул побед* <37> означает «отзвук славы» («*Еще гремит твоих побед Отзывный гул в колеблющемся мире*»), *гул молвы* <167> репрезентирует вести, слухи, т.е. приобретает связь с речевыми образами («*Не гул молвы прошел в народе, Весть родилась не в нашем роде – То древний глас, то свыше глас...*»), *севастопольский гул* символизирует воспоминание о раздорах по поводу положения России на Черном море («*И севастопольского гула Последний слышим мы раскат*»).

Иное восприятие гула наблюдается в стихотворных текстах А.К. Толстого. В отличие от тютчевской поэзии звуки гула здесь актуализируются в дневное время, символизируя житейскую суету дня с его бесконечным движением, заботами, народными празднествами и гуляниями. Гул, как и шум, наделяется атрибутивными признаками. В толстовской поэзии он «тревожный», «мучительный», «нестройный», при переходе от дня к ночи сменяется беззвучием («*смокнул гул*» (56) [13]) и состоянием душевного покоя, тишины («*Но только лишь один останусь я в тиши И суетного дня минует гул тревожный, Смирятся во мне волненье жизни ложной, Душа, как озеро, прозрачна и сквозна, И взор я погрузить в нее могу до дна*» (42)).

Примеры узуального толкования гула как неясного, глухого звука, издаваемого растительными объектами (*дубравный гул*), военными артефактами (*трубный гул*), церковными колоколами (*призывный гул колоколов*), дополняются эмоциональным восприятием звукообраза, помогающего в передаче состояния душевного напряжения, тоски (*нестройный гул сомнений и забот*). Особое место в системе звукообразов А.К. Толстого занимает колокольный звон. Его восприятие связано с пространственной характеристикой, стремительным движением ввысь («...*гул несетя колокольный От многохрамных городов... Звон медный несетя, гудит над Москвой*» (144)), эмоциональным действием («*Люблю пустынные дубравы, Колоколов призывный гул*» (305), «*Чудно улицы гудят Гулом колокольным*» (10)). Как видим, звуковые характеристики окружающей действительности способствуют наиболее глубокому и точному раскрытию мировосприятия поэта, его душевного состояния.

Таким образом, лексема *гул* как элемент русской лингвокультуры и звуковой поэтической картины мира полифункциональна, семантически насыщена, символически обусловлена. Тесная связь с народной культурой и традициями и индивидуально-авторское восприятие гула в контексте поэтического произведения позволяет говорить о гуле как об особом звукообразе.

Список литературы

1. Атаманова Н.В. Символическое восприятие образа колокольного звона в языке русской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. Тамбов: Грамота. – С. 19-22.
2. Атаманова Н.В. Семантическая оппозиция «звук-шум» в восприятии древних славян и поэтической картине мира XII-XX веков // Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике Российско-Белорусско-Украинского пограничья: Материалы международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 25-26 октября 2016 г.). Новозыбков: ООО «Новозыбковская типография», 2016. – С. 302-306.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М.: Рус.яз.-Медиа, 2005.
4. Лось А.Л. Проблема использования экспериментальной методики для исследования лексики, репрезентирующей аудиальную перцепцию // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 4 (63). – С. 174-179.
5. Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru/>
6. Плотникова А.А. О символике свиста // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Изд-во «Индрик», 1999. – С. 295-304.
7. Проценко Р.Я. Семантика звука в культуре восточных славян. Автореферат дис. ... канд. культурологии. М., 2013.
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: «Азбуковник», 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru>.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984 [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru>.
10. Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. / Под ред. В.И. Чернышёва. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965. Т. III. С. 475.
11. Словарь языка Пушкина: В 4 тт. / Отв. ред. В.В. Виноградов. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Т. 4. М., 1961 [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru>.
12. Толстогузов П.Н. Музыка: «в узах заключенный дух» // Толстогузов П.Н. Лирика Ф.И. Тютчева: Поэтика жанра. М.: «Прометей» МПГУ, 2003. – С. 264-270.
13. Толстой А.К. Полное собрание стихотворений в двух томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1984. Цитаты из стихотворений А.К. Толстого приводятся по данному сборнику. Номер стихотворения указывается в круглых скобках.
14. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1987. Цитаты из стихотворений Ф.И. Тютчева приводятся по данному сборнику. Номер стихотворения указывается в косых скобках.

*10.02.01***Н.В. Коврыгина**

Кубанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра современного русского языка,
Краснодар, kovrygina_nadezhda@mail.ru

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «КОСМОС» В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

В статье рассматривается оценочно-характеризующая и прагматилистическая специфика слов и выражений, обозначающих реалии космической темы и выступающих в качестве способа образной и аксиологической репрезентации концепта «Космос» в русской языковой картине мира. Существенное внимание уделяется анализу особенностей функционирования исследуемого концепта и ассоциирующихся с ним лексических единиц в различных дискурсивных образованиях на материале разнотиповых текстов. Сочетание методов дискурсивного, системного и контекстуального анализа позволило выявить определенные особенности реализации понятий космической тематики в бытовом, информационном и понятийном дискурсе, наметить перспективы исследования.

Ключевые слова: *концепт, типы дискурса, текст, языковая картина мира.*

Внимание современной лингвистики к вопросу изучения базовых лингвокультурных концептов и лингвокультурных смыслов обусловило появление новых исследовательских работ, посвященных данной когнитивной проблематике [2; 4; 5]. Несмотря на некоторые разногласия во мнениях о сущности концепта, в выделении его конститутивных признаков существует определенная общность: его принято считать синтезным ментально-вербальным образованием, в структуру которого входят понятийная, значимостная и образная составляющие [1, с. 32-33].

Актуальность анализа концепта «Космос» в различных дискурсивных парадигмах связана, во-первых, с недостаточной исследованностью данного концептуального понятия, во-вторых, с необходимостью системного анализа лексических, в том числе образных средств, значимых для репрезентации концепта «Космос» и имеющих заметные отличия в разных типах дискурса.

Особое внимание уделяется осмыслению и представлению образа человека в соотношении с системой космических понятий в бытовом, художественном и информационном дискурсе.

Проведенное нами исследование позволяет говорить о некоторых различиях в специфике репрезентации концепта «Космос» и связанных с ним понятий в представленных дискурсивных блоках, каждый из которых характеризуется собственными средствами внедрения концептуальных единиц в текст посредством различий в словесном оформлении. Системный и контекстуальный анализ показывает, что употребление единиц, связанных с понятием «Космос», существенно отличается в рассмотренных типах дискурса, в каждом из которых человек в рамках космической концептуальной парадигмы имеет особую лексическую реализацию.

Основной задачей бытового дискурса является повседневная коммуникация и решение возникающих в ней вопросов; в данном типе дискурса наиболее активная роль отводится адресату, который должен адекватно воспринимать информацию, продуцируемую говорящим; актуальными являются оценочные параметры коммуникативной ситуации. Можно отметить, что в бытовом дискурсе концептуальные космические понятия используются преимущественно для репрезентации человека, и всякий раз типичная

коммуникативная ситуация обуславливает смысловую интерпретацию. Например, разговор в ресторане: *Этот Миладинович, говорят, просто светило кулинарии. На предыдущее Рождество шопский салат на 50 человек за 6 минут приготовил.*; мать дома беседует с дочерью, укоряя ее: *Ты что, инопланетянка? Я тебя просила: быть дома в 10 часов вечера! А ты явилась на 2 часа позже!*

«Бытовое общение является естественным типом дискурса, органически усваиваемым с детства, и представляет собой генетически исходный тип дискурса», все остальные типы дискурса вторичны, производны [2].

Концепт «Космос» в художественном дискурсе характеризуется рядом особенностей, обусловленных авторским идиостилем, экзистенциальным осмыслением космических понятий и их творческой интерпретацией. Коммуникация является максимально открытой и развернутой, система понимания смысла напрямую диктуется не параметрами ситуации общения, а задается аксиологической системой автора и читателя.

В художественном текстовом пространстве наиболее частотными средствами выразительности, репрезентирующими человека в рамках концептуальных обозначений, ассоциирующихся с космосом и его составляющими, служат олицетворение, сравнение, эпитет и метафора. Некоторые авторы виртуозно продуцируют объемные и значимые фрагменты текста в виде развернутой метафоры, метафоры-сравнения и т.п. Реализуются различные способы сочетания тропов (метафора и сравнение, метонимия и метафора):

«...лучше всего я запомнил удививший меня своей поэтичностью пример: тяжесть висящей на цепочке гири заставляет часы работать; Луна – такая гиря, Земля – часы, а жизнь – это тиканье шестеренок и пение механической кукушки» (В.Пелевин);

«... хоть никакой души, конечно, у человека нет, каждая душа – это вселенная. В этом диалектика. И пока есть хоть одна душа, где наше дело живет и побеждает, это дело не погибнет. Ибо будет существовать целая вселенная, центром которой станет вот это...» (В.Пелевин).

Данные текстовые фрагменты из романа «Омон Ра» Виктора Пелевина иллюстрируют активное использование автором развернутых метафор, включающих в себя сравнения и олицетворения. Поскольку данное художественное произведение тесно связано с космической тематикой, то представляет собой богатый материал для анализа языковых средств и средств выразительности, используемых для репрезентации концепта «Космос»:

«...представил себе бытие огромного раскаленного шара, висящего, не опираясь ни на что, в ледяной пустоте, во многих миллиардах километров от соседних звезд, крохотных сверкающих точек, про которые известно только то, что они существуют, да и то не наверняка, потому что звезда может погибнуть, но ее свет еще долго будет нестись во все стороны, и, значит, на самом деле про звезды не известно ничего, кроме того, что их жизнь страшна и бессмысленна...» (В.Пелевин);

«...и вот теперь, повиснув в сверкающей черноте на невидимых нитях судьбы и траектории, я увидел, что стать небесным телом - это примерно то же самое, что получить пожизненный срок с отсидкой в тюремном вагоне, который безостановочно едет по окружной железной дороге» (В.Пелевин).

В анализируемых контекстах очевидно доминируют различные виды метафор, преимущественно развернутых, комбинированной структуры, со сложной образностью, удачно сочетающиеся в рамках художественного дискурса с яркими эпитетами, сравнениями, дополненные терминами и разговорными лексическими элементами.

Человеку в рамках художественного текста делегируются свойства, в той или иной степени относящиеся к космической сфере, при этом доминирует описание внутреннего мира человека:

«...но, поняв, что мира и свободы на земле не достичь, духом я устремился ввысь, и все, чего потребовал выбранный мною путь, уже не вступало ни в какие противоречия с моей совестью» (В.Пелевин).

В данном текстовом фрагменте с концептуальной единицей «земля» автор соотносит понятия, тесно связанные с духовными исканиями и душевным состоянием главного героя произведения, с поиском им своего рода внутреннего космоса на фоне внешнего.

Тексты, представленные в средствах массовой информации различного типа, характеризуют парадигму коммуникации в общественной сфере и изначально имеют совершенно иные цели и задачи, обусловленные спецификой привлечения внимания определенной аудитории, формирования мнений, убеждений и стереотипов.

Средства массовой информации, соотносимые с данным типом дискурса отличаются шаблонностью коммуникации, типизированностью, наличием клише и штампов, в том числе и в оценочных высказываниях о человеке, для привлечения массового внимания с использованием единиц, репрезентирующих понятия, относящиеся к концептосфере «Космос» (например, лексемы, с помощью которых может быть представлено описание известных людей, их качеств: *космический, звездный, космос, звезда, светило, солнце и т.п.*). В данном дискурсивном пространстве образные средства, задействованные в репрезентации космической тематики, используются, для характеристики и оценки человека как существа общественного, его социальных параметров и общественных связей [5].

Потенциальная полисемантическая слов в языке разнопланово реализуется при актуальном функционировании слова в тексте с учетом лингвистических и экстралингвистических параметров. Разнообразие языковых единиц и средств выразительности, репрезентирующих концепт «Космос» в русской языковой картине мира, делает необходимым дальнейший системный анализ значений, которые лексемы приобретают в различных типах дискурса.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. *Lumen naturale*. Аксиология интеллекта в языке. Москва, 2017. 294 с.
2. Карасик В.И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С.5-20.
3. Немыка А.А., Пешков А.Н. Термины в языке художественной литературы: теоретический, функциональный и лингводидактический аспекты / *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015, Т.7. № 5-2. С.250-253.
4. Пименова М.В. *Языковая картина мира: учебное пособие*. Кемерово, 2011. 114 с.
5. Фролова И.Е. *Человек в образных репрезентациях космической темы в русской языковой картине мира*: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

С.Н. Аверкина, И.А. Бекин

ФГБОУ НГЛУ им. Добролюбова,
кафедра зарубежной литературы и межкультурной коммуникации,
Нижний Новгород, averkina.svetlanalunn@mail.ru, ilya459@gmail.com

**К ВОПРОСУ О ФИКЦИОНАЛЬНОСТИ И ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ
В НОВЕЛЛЕ РОБЕРТА ВАЛЬЗЕРА «ПРОГУЛКА»
(ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Статья посвящена проблеме соотношения фикционального и нефикционального пластов в повести классика швейцарской литературы Р. Вальзера «Прогулка». Обращением к автобиографическому началу обусловлено выявление лейтмотивов текста, таких как «прогулка» и «заточение». Своеобразие реализации и актуализации данных мотивов в тексте рассматривается не только в тексте оригинала, но и на материале переводов повести на русский язык.

Ключевые слова: *фикциональность, нефикциональность, жанровое своеобразие, лейтмотив, переводческие трудности.*

Роберт Вальзер – классик швейцарской литературы XX столетия, создатель художественных текстов, эссе и микрограмм (особого жанра новелл). Вальзер – писатель с нелёгкой судьбой: начав свою литературную карьеру со значимых успехов, он остался непринятым современниками и закончил жизнь в клинике для душевнобольных. Роберта Вальзера часто называют «швейцарским Кафкой», что оправдано, ведь сам Ф. Кафка хорошо знал и высоко оценивал его произведения.

Новелла «Прогулка» (иногда критики называют её миниатюрой) описывает путешествие героя по улицам родного города, прогулку по лесу у Бильского озера, встречи со случайными прохожими; новелла охватывает всего лишь день, однако прогулка главного героя – это метафора его жизненного пути.

Автобиографизм литературного наследия Роберта Вальзера отмечается как отечественными, так и зарубежными литературоведами. Тем более велик для исследователя соблазн отыскивать всё новые и новые точки соприкосновения между художественным вымыслом и реальностью, создавая на основе этого научные гипотезы. Однако следует очень осторожно относиться к кажущимся очевидными сближениями. Они опасны и, напротив, уводят исследователя от глубинных проблем, занимавших писателя всю его жизнь – на этапе официального вхождения в литературу и в период его осознанного затворничества. В письмах и биографических записях Вальзер предупреждает своих читателей и немногочисленных при его жизни почитателей его таланта от поиска больших тем в его произведениях, замечая: «Великие общие человеческие идеалы никогда не увлекали меня, моя жизнь состоит из мелочей» [1. С. 5]. Погружение в малое, «внутренняя эмиграция» писателя выразилась не только в отходе от открытой артистической карьеры, но и в стремлении максимально сжать и сократить текст. Даже почерк писателя изменился до неузнаваемости: его можно расшифровать только с помощью лупы, а бумага, которую он использует в последние годы своей жизни – обрывки газет, рецептов, старых писем.

В дневнике Вальзер называет разработанную им манеру письма «карандашной системой», отмечая, что ходит с карандашом и блокнотом, тщательно записывая свои наблюдения. И действительно, на первый взгляд прогулка напоминает текст, скорее дневниковый, нежели художественный. В этом заключается искусная игра с читателем. Уже с первых строк автор

заявляет: «Я <...> выбежал из своего рабочего, или магического кабинета, чтобы поскорее очутиться на улице» [2. С. 66]. Герой покидает пространство художественного вымысла, намереваясь показать жизнь за пределами кабинета детально и без прикрас.

В своём эссе “Le Promeneur Solitaire” выдающийся австрийский писатель В. Г. Зебальд отмечает: <...> «с одной стороны Вальзер был обуреваем страстями, с другой – излучал жизнелюбие, авторское я в его произведениях теряется вовсе или прячется за толпой случайных персонажей; он всё время пишет об одном и том же, но никогда не повторяется». [3. С. 122]. По словам Зебальда это было продиктовано стремлением к осознанию глубины бытия и одновременно к краткости и минимализму, характерному для всей прозы Вальзера, что в известной степени составляет парадокс его художественного стиля.

В течение всей прогулки тщательнейшим образом записываются и отмечаются детали одного дня из жизни героя, по всем признакам напоминающего самого автора, но очевидно разнящегося с ним. Лирическому «Я» придаются обобщенные автобиографические черты писателя; перед ним ставятся задачи, которые сам Вальзер не может решить многие десятилетия. Герою же «Прогулки» это удастся. Хотя решение можно считать трагическим.

«Прогулка» Вальзера совмещает в себе идиллическое преклонение перед природой как мерой всех вещей, свойственное романтизму и чисто модернистскую интертекстуальность, многослойность текста. «Земную жизнь пройдя до середины», (в оригинале начало «Божественной комедии» звучит “nel mezzo del cammin di nostra vita”, - первое словарное значение глагола – *путешествие*) герой Вальзера оказывается в тени сумрачного гиганта Томцака – реального или воображаемого мучителя, источника страхов и творческого упадка. Героем овладевает страх, сковывающий его и загоняющий обратно в уединенную писательскую «келью». Данный конфликт становится смыслообразующим элементом и других произведений Вальзера.

В новелле «Прогулка» тема экзистенциального ужаса актуализируется с помощью ряда лейтмотивов. В рамках одной статьи обстоятельно поговорить о каждом из них не удастся, поэтому хотелось бы остановиться на двух, по нашему мнению особенно важных, как для отдельно взятой новеллы, так и для всего творчества Вальзера в целом, а именно мотивов «прогулки» и «заточения» (“Spaziergehn” и “Gefangenschaft”) и проследить, как они реализуются в переводе произведения.

На русском языке «Прогулка» существует в двух переводах; первый – советский, выполненный блестящей переводчицей Серафимой Евгеньевной Шлапоберской и опубликованный в 1987 году, второй – недавний перевод Михаила Шишкина, впервые появившийся в журнале «Иностранная литература» в декабре 2013 года и не так давно опубликованный издательством “Ad Marginem” отдельной книгой.

Первый перевод, думается, теперь известен немногим, зато второй породил новую волну интереса к творчеству Вальзера у читателей и исследователей. Дело в том, что М. Шишкин на сегодняшний день является одним из самых популярных в Швейцарии писателей. Выходец и СССР, германист по образованию, он проработал скромным школьным учителем, занимаясь писательской работой, скорее в качестве хобби. После переезда в Швейцарию Шишкин издал несколько произведений, сделавших его известным на Родине, а переводы текстов прославили его среди немецкоязычных любителей изящной словесности. Его называли «новым Набоковым». Однако этот титул не удовлетворил писателя. Шишкин продолжал удивлять публику интереснейшими работами – документальной прозой «Русская Швейцария», рассказывающей о пребывании известных русских деятелей культуры в разных уголках его новой страны проживания, он создал несколько романов уже на немецком языке, наконец, М. Шишкин взялся за перевод одного из самых «швейцарских» текстов, одного из самых загадочных авторов XX столетия. И к своему переводу написал предисловие-комментарий, слегка превышающий объем повести Вальзера. Можно предположить, что переводчик-писатель не может не вторгнуться в текст оригинала, привнося элементы собственной художественной системы. И здесь интересно сравнить несколько прецедентных фрагментов, связанных с главными мотивами повести, названными выше.

Мотив выхода из замкнутого пространства очень важен для автора, что реализуется практически во всех его текстах. Человек может свободно идти (а писатель – писать) лишь на улице. Концепт прогулки возникает в первом же предложении, а её предвкушение не менее важно для героя, чем она сама. Для наглядности составим сводную таблицу:

Оригинал [4]	Шлапоберская	Шишкин	Дословный перевод
<...> ich weiß nicht mehr genau, um wieviel Uhr, da mich die Lust, <u>einen Spaziergang zu machen</u> , ankam	Однажды утром захотелось мне <u>совершить прогулку</u>	<...> не упомяну уже, в котором точно часу, <u>охваченный внезапным желанием прогуляться</u> <...>	<...> я уже больше не знаю точно, в котором часу, мне <u>пришло желание совершить прогулку</u> <...>
<...> verließ das <u>Schreib-oder Geisterzimmer</u> , <...> <u>um auf die Straße zu eilen</u> .	<...> выбежал из своего <u>рабочего, или магического кабинета</u> , <...> чтобы поскорее очутиться на улице.	и, оставив <u>писательскую каморку, полную призраков</u> , <...> чтобы поскорее очутиться на улице.	оставил свой <u>[писательский] кабинет, вернее, кабинет с призраками</u> , чтобы поспешить на улицу.
Ich möchte aber bekennen, daß ich Natur und Menschenleben als eine ebenso schöne wie reizende <u>Flucht von Wiederholungen</u> anschau	я хотел бы заявить, что рассматриваю природу и человеческую жизнь как столь же последовательное, сколь и увлекательное <u>бегство от шаблонов</u> , и это явление нахожу прекрасным и благодатным.	но я хотел бы заявить, что рассматриваю природу и человеческую жизнь как <u>прекрасную и очаровательную вереницу повторений</u> , и, кроме того, признаюсь, что именно это явление воспринимаю за красоту и благо	но я хотел бы заявить, что я рассматриваю Природу и человеческую жизнь как прекрасное, сколь и увлекательное <u>бегство от повторений</u>
Anfügen will und kann und darf ich hoffentlich (da mir im Augenblick Neues und Gescheites nicht einfällt), daß ich eine höfliche, reizende Einladung von Frau Aebi in der Tasche mitrug. Die Einladekarte forderte mich ergebenst auf und ermunterte mich, punkt halb ein Uhr jedenfalls zum bescheidenen Mittagessen erscheinen zu wollen.	Поскольку в настоящую минуту ничего нового и умного мне в голову не приходит, <u>то, надеюсь, я вправе сообщить</u> , что в кармане у меня лежало приглашение, где <u>меня покорнейше просили</u> ровно в половине первого пожаловать к фрау Эби на скромный обед.	<u>Добавить к вышесказанному хочу, и могу, и имею на то, надеюсь, полное право</u> (поскольку ничего нового и умного в настоящую минуту все равно не приходит в голову), что в кармане моем лежало вежливое и чарующее приглашение от фрау Эби. <u>Пригласительная открытка покорнейше звала меня и побуждала</u> пожаловать ровно в половине первого на скромный обед.	<u>Добавить, надеюсь, я волен, могу и имею право</u> (так как в данный момент я не могу придумать ничего нового или умного), что у меня в кармане было вежливое, очаровательное приглашение от фрау Эби. Пригласительная открытка <u>великодушно просила и побуждала меня</u> пожаловать ровно в половине одиннадцатого на скромный обед.

Er starb jeden Augenblick und vermochte dennoch nicht zu sterben. Kein Grab mit Blumen gab es für ihn. Ich wich ihm aus und murmelte für mich: »Leb wohl, und laß es dir immerhin gut gehen, Freund Tomzack.«	Каждую минуту он умирал, но умереть так и не мог. Нигде не будет у него могильного холма с цветами. <u>Уступив ему дорогу,</u> я пробормотал про себя: <u>«Будь здоров и пусть тебе все-таки живется хорошо, друг Томцак».</u>	Каждое мгновение он умирал, но умереть все не мог. <u>Ему не суждено было упокоиться в могиле с цветами.</u> Я уступил ему дорогу и пробормотал себе под нос: «Прощай, дружище Томцак, и пусть тебе все-таки живется хорошо!»	Он умирал каждое мгновение, но всё-таки не мог умереть. <u>Для него нигде не было</u> могилы с цветами. <u>Я дал ему пройти</u> и пробормотал себе под нос: <u>«Будь здоров,</u> по крайней мере, пусть тебе живётся хорошо, друг Томцак».
Die Umstände hatten ihr befohlen, zu reisen, und sie war fortgegangen. Vielleicht würde ich sie noch rechtzeitig haben überzeugen können, daß ich es gut mit ihr meine, daß ihre liebenswürdige Person mir wichtig und daß es mir aus vielen schönen Gründen daran gelegen sei, sie glücklich zu machen und damit mich selbst; aber ich gab mir weiter keine Mühe mehr, und sie ging fort.	Обстоятельства вынудили ее уехать, и она <u>от меня ускользнула.</u> А ведь я наверно мог бы ее убедить, что у меня честные намерения. Я должен был успеть сказать ей, что моя привязанность к ней совершенно непритворна. <u>Было бы очень просто и единственно правильно откровенно признаться ей: «Я вас люблю. Все ваши заботы близки мне, как мои собственные. По причинам высокого и нежного свойства мне очень хочется сделать вас счастливой».</u> Но я больше не предпринял никаких усилий, и она уехала.	Обстоятельства вынудили ее уехать, и она <u>исчезла.</u> Возможно, я мог бы еще ее уговорить остаться, убедить, что я действительно люблю ее, что она <u>как близкий человек</u> мне очень важна и что мне по тысяче самых разных прекрасных причин необходимо сделать ее счастливой, <u>а значит, и меня</u> самого. Но я ничего не сделал для того, чтобы она осталась, и ее больше нет.	Обстоятельства заставили ее отправиться в путь, и она <u>удалилась.</u> Возможно, мне удалось бы своевременно убедить ее, что <u>я к ней благосклонен, что её любезная особа</u> важна для меня и что в силу множества прекрасных причин для меня важно сделать её счастливой, а <u>значит и себя;</u> но я более не прилагал никаких усилий и она удалилась.

Во втором переводе видим распространённое деепричастное словосочетание: «охваченный внезапным желанием прогуляться», которое отсутствует в оригинале. Выражение, очевидно, используется для того, чтобы сохранить присущий Вальзеру «канцелярский стиль».

Во втором примере интересна типично немецкая композита “das Geisterzimmer” (дословно «комната с привидениями»), которая уподобляется рабочему кабинету. Сама собой напрашивается аналогия с «готической комнатой Фауста». Немецкое “das Schreibzimmer” относится к нейтральным лексемам, в то время как в русском «каморка» («маленькая тесная комната, чулан») [5] очевидна окраска. Употребление такого варианта только подчёркивает желание поскорей вырваться на волю.

В третьем примере в переводе М.П. Шишкина снимается сема бегства, значимая для оригинала. Также автор играет на контрасте значений, используя причастие. Первое словарное толкование глагола *reizen*: „*etw. ist für j-n so interessant, dass er es tun od. haben möchte*“ [6. S. 917]. Подчёркивается именно значение «увлекательный, интересный».

Четвёртый пример в переводе Михаила Шишкина интересен тем, что почти полностью копирует синтаксическую структуру немецкого предложения, тогда как перевод С. Шлапоберской сглажен. Действительно, для русскоязычного читателя, непривычна сочетаемость неодушевлённого субъекта и активного действия («открытка звала меня и побуждала <...>») Однако, думается, такая стратегия перевода позволит иноязычному читателю в полной мере ощутить канцелярский стиль и несколько «одеревенелый» язык оригинала.

В четвёртом примере сема полного отрицания, передаваемая в немецком местоимением „*kein*“ по-разному выражается переводчиками. При внешнем сходстве значения эмотивность варианта Михаила Шишкина значительно выше и выражается эксплицитно, в то время как в немецком тексте она имплицитна.

В последнем примере оригинала интересен рамочный повтор глагола „*fortgehen*” – «уезжать, удаляться», опущенный обоими переводчиками. Интересно решение С. Е. Шлапоберской облечь мысли героя в прямую речь, что добавляет внутреннему монологу динамики, отсутствующей в оригинале. Оба переводчика вкладывают в уста героя признание в любви, тогда как в оригинале это выражено намного более тонко и изящно: *es gut mit jemandem meinen, ihre liebeswürdige Person*. Чувства любовь героя не выражены прямо; смысл передан в подтексте. Кроме того, последнее сочетание выглядит вежливо официальным оборотом из переписки. До конца герой Вальзера и его автор верны себе.

Отметим, что задачей статьи не было выявление наиболее удачного,

адекватного перевода. Примеры взяты исключительно с целью проследить отражение значимых мотивов оригинала в переводе, вариативное и инвариантное. Используются наиболее показательные примеры, так как при своём небольшом объёме «Прогулка» Вальзера охватывает значительное количество сюжетообразующих мотивов и оставляет пространство для новых интерпретаций. Наличие же нескольких переводов означает лишь возрождение интереса к Роберту Вальзеру, по словам всё того же Зебальда, «ясновидцу маленького», автору сложному и многомерному, что вселяет надежду на появление на русском языке дальнейших исследований и новых интерпретаций его произведений.

Список литературы

1. Вальзер Р. Помощник. Якоб фон Гутен. Миниатюры / Пер. с нем. С.Е. Шлапоберской. Москва: Художественная литература, 1987. 417 с.
2. Вальзер Р. Прогулка / Пер. с нем. М.П. Шишкина Москва: Ад Маргинем, 2013 г. 128 с.
3. Sebald W.G. Logis in einem Landhaus. Frankfurt am Main. Fischer Verlag, 2001. 324 S.
4. Walser R. Der Spaziergang // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/files/39247/39247-0.txt> (дата обращения 23.07.2020)
5. Толковый словарь русского языка под редакцией А. Н. Ушакова // Электронный ресурс Интернет: <http://www.gutenberg.org/files/39247/39247-0.txt> (дата обращения 23.07.2020)
6. Langenscheidt. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin und München, 2010. 1546 S.

*10.02.04***А.И. Артемьева, Л.М. Штейнгарт канд. филол. наук**

Сибирский Федеральный Университет,
институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации,
Красноярск, artanastasiia@mail.ru, kraslis@rambler.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В НЕМЕЦКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКЛАМЕ

В работе представлены результаты изучения функций прецедентных феноменов в рекламном дискурсе Германии на материале гендерно-ориентированной рекламы. Особое внимание уделяется выявлению персуазивной функции. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности применения прецедентных феноменов в гендерно-маркированной рекламе, а также неполнотой освещённости феномена гендерно-ориентированной рекламы.

Ключевые слова: *прецедентные феномены, персуазивная функция, гендерно-ориентированная реклама.*

Современная лингвистическая наука определяется в рамках антропоцентрической парадигмы, для которой характерно изучение языка через призму человека. Большое внимание уделяется изучению языковых единиц, особенно важных для определенного социума или целой лингвокультурной общности.

Исследование функций прецедентных феноменов не теряет свою актуальность. Актуализация прецедентных феноменов прослеживается особенно часто в рекламных текстах, которые опубликованы повсеместно, и на которые постоянно обращают внимание представители различных социальных групп.

Изучение теории прецедентности и прецедентных феноменов началось после введения термина «прецедентный текст» Ю.Н. Карауловым в 1986 году. Исследователь определил прецедентные тексты как значимые в когнитивном плане, регулярно воспроизводимые и хорошо известные для определенного социума тексты [3]. Таким образом, прецедентные феномены представляют собой явления, особо значимые для определенного представителя общности и актуализируемые в его речи.

Под прецедентностью, в свою очередь, можно понимать «такие свойства феноменов, как общеизвестность, их когнитивную значимость для той или иной языковой личности, или социума, постоянную возобновляемость в речи и реинтерпретируемость в других (невербальных) знаковых системах» [1: 16]. Из данного определения следует вывод, что прецедентность представляет собой сложный комплекс единиц, порождаемых в речи социума, для которого они несут определенную значимость в познавательном плане.

Традиционно к прецедентным феноменам относят прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентную ситуацию [4, 2002]. Стоит отметить, что определенный прецедентный феномен, являясь общеизвестным и признанным явлением, может быть интерпретирован по-разному. Это говорит о том, что все представители того или иного лингвокультурного сообщества воспринимают информацию, основываясь на своем личном опыте.

Помимо самих прецедентных феноменов ученые исследуют и их функции. В данной работе мы опираемся на классификацию функций прецедентных феноменов Г.Г. Слышкина, который выделяет следующие функции:

1) Номинативная функция (называет и вычленяет фрагменты действительности и формирует понятия о них);

2) Персуазивная функция (используется с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения);

3) Людическая функция (происходит при игровых апелляциях к концептам прецедентных феноменов. Она задает тональность коммуникации);

4) Парольная функция (выступает определенным кодом в системе опознавания «свой – чужой» и служит доказательством принадлежности говорящего к той же группе) [5: 85].

В настоящее время активно изучаются не только прецедентные феномены, но и различные виды дискурса и дискурсивной деятельности. Одним из видов институционального дискурса является рекламный дискурс, определяемый В.И. Карасиком как «завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечение внимания к объекту рекламы), сочетающее дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (паралингвистических и экстралингвистических) средств» [2: 123].

Рекламный дискурс по своим характеристикам выделяется тем, что любые элементы рекламного обращения являются тщательно отобранными. Главная задача рекламного текста – привлечь внимание реципиента и при этом быть привлекательным. Для достижения данного эффекта производители используют максимальное количество структурных элементов, поскольку они обуславливают целостность и логичность рекламы.

С лингвистической точки зрения изучение рекламных обращений важно для проведения гендерных исследований и наблюдений. Так, с помощью рекламы можно не только выявить гендерно-маркированную лексику, но и с помощью данной лексики повлиять на реципиента, относящего себя к мужскому или женскому гендеру. Гендерно-ориентированная реклама, таким образом, представляет собой рекламу, целевым потребителем которой предстает человек с точки зрения его принадлежности к существующему гендеру. В нашем исследовании мы опираемся на бинарное представление о гендере и берем во внимание потребителей-мужчин и потребителей-женщин.

Эмпирическим материалом для данного исследования послужили 125 рекламных текстов и 12 рекламных видеороликов, взятых из сети Интернет в период 2013-2019 гг. В качестве иллюстративного материала выступают три рекламных текста.

Рассмотрим первый пример (Рис.1) реализации персуазивной функции прецедентного феномена: рекламную кампанию пива «Astra». В рекламном сообщении «*Kein Astra, kein Spass*» («Нет «Астра» - нет веселья») можно вычленить прецедентное высказывание «*kein Spass*», являющееся коллоквиализмом («*keinen Spass machen*», «*die Arbeit macht mir keinen Spaß mehr*»). Данное высказывание имеет буквальное значение «скучно» или «не весело». Таким образом, в рекламе подчеркивается, что без продукции «Astra» участникам коммуникации не станет весело, поэтому с целью поднятия настроения, согласно рекламе, стоит приобрести указанный товар.

Данную рекламу мы относим к мужской, так как на переднем плане рекламного изображения представлен мужской образ. Кроме того, алкогольные напитки стереотипно рекламируются, в основном, для реципиентов-мужчин, следовательно, мы можем причислить вышеуказанную рекламу к мужской.

Обратимся к примерам реализации персуазивной функции прецедентных феноменов в женской рекламе. Так, в рекламе (Рис.2) косметического средства с омолаживающим эффектом от компании «OLAZ» «*Ihr Alter ist nur eine Zahl*» можно вычленить прецедентное высказывание «*Alter ist nur eine Zahl*» («Возраст – всего лишь цифра»). Стоит отметить, что данный прецедентный феномен является универсально прецедентным, так как он также встречается в русском (Возраст – всего лишь цифра) и английском (*Age is just a number*) языках. Таким образом, в комбинации с рекламируемой продукцией, побуждающим характером рекламы и персуазивной функции прецедентного феномена создается суггестивный эффект на потребителя, вследствие чего он будет более убежденным в покупке товара. Важно подчеркнуть, что данная реклама относится к женской, так как в ней содержится: женский образ, высказывание, чаще всего употребляющееся для женщин и

женщинами, а также сам товар, которым, согласно социальным представлениям и ролям, пользуется женское население.

Еще одним примером реализации персуазивной функции (Рис.3) может служить реклама компании «AEG», специализирующейся на машиностроении и технике для дома, «*Mein treuer Begleiter*». В рекламе указанного производителя присутствует прецедентное высказывание «*Treuer Begleiter*» («Верный компаньон»). Стоит отметить, что рекламируемый товар – пылесос, являющийся ярким примером домашней техники, и, согласно стереотипам, должен принадлежать женщине, так как одна из ее гендерных ролей – поддержание порядка и чистоты в доме. На рекламном изображении присутствует женщина-«домохозяйка», держащая рекламируемый товар, а рядом с ней сидит собака, к которой и должно было бы относиться прецедентное высказывание. Однако женщина смотрит именно на пылесос, чем дает понять, что данное высказывание относится именно к нему. Таким образом, реклама показывает большую ценность рекламируемого товара для женщины, представляя его в качестве лучшего и верного спутника в жизни домохозяйки.

Проанализировав случаи реализации персуазивной функции прецедентных феноменов в немецкой коммерческой гендерно-ориентированной рекламе, мы пришли к выводу, что данная функция прецедентных феноменов выражается реже, чем остальные функции. Всего 15% рекламных текстов (5) и 1 рекламное видео имеют в своем составе прецедентные феномены. Это можно объяснить тем, что коммерческая реклама сама по себе носит персуазивный характер. Ввиду этого прецедентные феномены, актуализирующиеся в данной функции, придают рекламному сообщению большую семантическую и прагматическую нагрузку, что может привести к сбою в декодировании сообщения. Необходимо отметить, что в 90% случаев прецедентные феномены являются прецедентными высказываниями («*aus Rippen erschaffen*», «*vor Freude an die Decke springen*», «*Kein Spass*», «*Natürlicher*», «*Alter ist nur eine Zahl*», «*Treuer Begleiter*»). Также следует подчеркнуть, что как в мужской рекламе, так и в женской количество выявленных прецедентных феноменов в персуазивной функции совпадает.

Рис. 1 – «Astra»

Рис. 2 – «OLAZ»

Рис. 3 – «AEG»

Список литературы

1. Завьялова Г.А. Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе (на материале английского и русского языков): дис. канд. филол. наук: 10.02.19. Кемерово. 2014. 185 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена. 2002. 477 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука. 1987. 261 с.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: МГУ, 2002. 257 с.
5. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia. 2000. 139 с.

10.02.04

А.А. Гасанова

Азербайджанский медицинский университет,
кафедра иностранных языков,
Баку, kamilaveliyeva@gmail.com

АНАЛИЗ ФИНАЛЬНЫХ ФОРМУЛ НА ОСНОВЕ АНГЛИЙСКИХ СКАЗОК

В рамках статьи анализируются финальные формулы сказок. Языковым материалом выступают английские сказки. Рассматриваются классификации финальных формул по различным характеристикам. Учитывая изложенный материал, автор предлагает свой вариант группировки данных элементов.

Ключевые слова: сказки, английский язык, финальные формулы, концовка.

Каждый народ мира в зависимости от своего мировоззрения, ментальных ценностей имеет своеобразное фольклорное наследие. Сказки в этой системе занимают особое место, поскольку в них отражаются мифология, быт, история и т.д. каждого народа. «Сказка – прозаическое, народно-поэтическое, устное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера, с установкой на вымысел, имеющее целью развлечение слушателей и отображающее национальное своеобразие народа. В языковом отношении сказка характеризуется обилием разнообразных традиционных формул, способных к варьированию, имеющих свое устоявшееся языковое выражение» [1, с. 14]. Композиционные характеристики сказок строятся по жестко заданной схеме, включающей в себя так называемые постоянные элементы. Данные элементы во многих исследованиях называются формулами. Эти формулы образуют каркас сказки и являются устойчивыми компонентами. Самые устойчивые композиционные позиции формул находятся в начале и в конце рассказа.

Н.М.Ведерникова понимает формулу как «поэтические штампы, часто повторяемые в пределах одного текста, которые используются волшебными сказками различных сюжетов» и определяет формулу как «структурно организованный отрезок повествования, закрепляющий определенный смысл в форме устойчивого стилистического оборота» [2, с. 62].

Н.Рошияну отмечал, что независимо от личности и одаренности сказителя он не мыслит вне традиции, формул должен исходить из традиционного стилевого фонда, созданного поколениями его предшественников [8, с. 9]. Термин «традиционные формулы сказки», предложенный Н.Рошияну, подразумевает прежде всего жанровую принадлежность текста. Н.Рошияну разделял все формулы на три большие группы: а) инициальные, б) медиальные, в) финальные.

Учитывая разновидность формул в каркасе рассказа, мы остановимся на анализе финальных формул. Финальные, или как их называют, заключительные формулы сказок в мировом фольклоре классифицируются и группируются по-разному по содержанию и соответствующей структуре. Известный русский фольклорист Н.Герасимов, пытаясь обобщить большинство классификаций, отмечает следующие группы финальных формул, которые можно применить к английским сказкам. Этими финальными формулами являются следующие: 1) формулы существования (т.е. формулы, указывающие, что герой в конце концов прожил счастливую жизнь); 2) формулы, обозначающие конец сказки; 3) формулы, утверждающие, что рассказчик вознаграждается; 4) формулы, указывающие на то, что состоялась свадьба [3, с. 25-26].

О.А. Плахова, развивая идеи Н.М. Герасимова, предлагает следующую классификацию финальных формул в сказках: а) формулы существования; б) формулы, подчеркивающие конец сказки; в) формулы «награды» рассказчика; г) формулы, указывающие на то, что что-то (подарок) было приобретено, а затем потеряно [7, с. 63].

Н.О.Иванова отмечает, что «заключительные формулы бывают следующих типов: 1) финальные формулы, обычно констатирующие благополучное завершение испытаний, счастливый брак; 2) финальные формулы пира; 3) финальные формулы возвращения главного героя домой; 4) финальные формулы, акцентирующие момент окончания сюжетного развертывания; 5) финальные формулы недостоверности, которые подчеркивают, что повествование — вымысел [5, с. 1261-1262]. Классификация финальных формул, который предлагает С.Д.Дядюн, немного отличается от вышеупомянутого: «1) обозначение счастливого бытия героев; 2) подведение итога отношений героев, наименование героев и совершаемое ими действие; 3) наказание злого героя; 4) награда доброму герою; 5) мораль, поучение» [4, с. 27]. Далее автор уточняет, что «концовки пятой группы также выделяются с семантической точки зрения, структура их может быть различна» [4, с. 29].

«Финальные формулы гораздо многочисленнее и разнообразнее, чем инициальные» [6, с. 60]. Учитывая эти классификации финальных формул сказок, мы попытаемся их анализировать на основе английских сказок:

а) Формулы существования, можно определить, как формулы дальнейшего существования героев сказки. Такие формулы означают, что герой сказки прожил долгую и счастливую жизнь после событий, рассказанных в сказке: *“Then Jack showed his mother his golden harp, and what with showing that and selling the golden eggs, Jack and his mother became very rich, and he married a great princess, and they lived happy ever after”*. (Jack and the beanstalk).

Большинство формул, дающих информацию о счастливом конце или существовании, которые мы встречаем в английских сказках, характеризуются абсолютным присутствием таких слов, как “happy”, “happily”, “happiness”: *“And they lived happy all their days”* (Nix Nought Nothing).

В английских сказках встречаются и поэтические формы формул «существования»: *“They lived happy, And so may we, Let's put on the kettle, And have a cup of tea”* (“The Pottle of Brains”// English folktales).

Следует отметить, что некоторые из финальных формул, которые часто используются в английских сказках, звучат таким образом: «их больше не беспокоили», «они их больше не видели», «они больше никому не причинили вреда». Например, *“No foxes ever troubled them again, and they are still living happily in the little house with the green door and the green shutters, which stands on the hill”* (The cock, the mouse and the little red hen). Такие финальные формулы мы тоже можем отнести к данной группе, т.е., как финальный формул счастливых концов. Но надо учесть, что эти формулы не означают то, что существует после события, а скорее того, что события, рассказанные в сказке, в дальнейшем не будут повторятся. С этой точки зрения их невозможно охарактеризовать как абсолютные формулы счастливого конца или существования. В случае с английскими сказками также можно приравнять финальные формулы, указывающие на то, что рассказанное событие забыто, с финальными формулами, подчеркивающие конец сказки.

б) Финальные формулы, подчеркивающие конец сказки: лаконичные формулы типа *“That’s all”* (Вот и все) встречаются и в английских сказках. Такие финальные формулы по семантической окраске могут быть разными.

в) Свадебные формулы: в английских сказках финальные формулы по этой группе встречаются редко: *“She and the Irishman recognised each other, and were married, and had a great wedding that lasted for a year and a day”* (The Blue Mountains). Как видно из данного примера, финальной формулой выступает выражение «for a year and a day» (год и один день). Завершение большей части сказки свадьбой зависит от широкого значения свадебной семантемы у англичан. По этой причине завершение сказок свадьбой означает не только бракосочетание героев, но и сам этот обряд служит значением «наведение порядка»,

«торжество справедливости».

е) В сказках народов мира есть два типа формул, выражающих участие рассказчика в свадьбе или в торжестве. Такие финальные формулы выступают в качестве доказательства правдивости рассказываемой истории и в них рассказчик убеждает слушателя тем, что он сам тоже участвовал на этом торжестве, пировал вместе героями сказки. Н.Рошеяну отмечает, что такие формулы могут иметь следующие особенности: 1. Утверждение конкретного участие рассказчика в свадьбе; 2. Действия рассказчика во время торжества (кого он видел, с кем общался и т.д.) [8, с. 55]. Но в английских сказках такие финальные формулы встречаются крайне редко.

г) Финальные формулы со значением наказания: по сути, эти формулы означают уничтожение злодея, нечистой силы и других негативных персонажей. В английских сказках такие финальные формул не очень то разнообразны. Помимо формул с уничтожением врага героем или членами его семьи, более активными являются формулы побега, исчезновения, изгнания нечистой силы. В английских сказках формулы наказания сил зла обычно даются вместе с формулами счастливого конца (существования): *“Then they took her in their arms and kissed her, and said she should now be their daughter, for their son should marry her. But they sent for the hen-wife and put her to death. And they lived happy all their days”* (Nix nought nothing).

В английских сказках в качестве финальных формул также можно встретить обряд сжигание злых сил: *“Thus the old woman escaped a worse fate for the time being, but on being afterwards put on trial for bewitching a young woman, and making her spit pins, the above was given as evidence against her, and the old woman finished her days, like a martyr, at the stake”* (The Tavistock Witch). Такие виды наказаний, которые входят в английские сказки, можно считать отголоском средневековой инквизиции. Потому что в сознании инквизиторов сожжение было одновременно формой сурового наказания и способом очищения «грешной души». Если обратить внимание на английские сказки, то можно сказать, что разные типы финальных формул часто используются вместе. Помимо общепринятых в английских сказках формул, которые отражены в определенных классификациях, существуют также формы, которые сложно классифицировать по структуре и содержанию. Здесь мы можем встретить характерные для английского менталитета финальные формулы удовлетворительного содержания или поучительно-дидактического характера. К таким формулам можно отнести такие выражения, как *“and now you know that story”* (“вот теперь вы знаете эту историю”), *“for as we all now know”* (“теперь мы все знаем, что”), *“but if you want to find...”* (“если хочешь узнать ...”) и т.д. Например, *“And now you know that story to tell to your friends and family”* (A Story of Zennor); *“For as we all now know, people can get jealous and mean. The jingling, jangling of money does strange things to folk—not all folk, just some”*. (The Old Woman and the Fairy Folk) и т.д.

Как отмечала О.А.Плахова, «наряду со стереотипными финальными формулами, для англоязычного сказочного дискурса свойственны разнообразные в структурно-содержательном отношении и трудно классифицируемые концовки» [7, с. 63].

Обобщая исследования по анализу финальных формул на основе английских сказок, можно сделать следующие выводы: 1) финальные формулы в сказках связаны с древними ритуалами народа; 2) финальные формулы имеют дидактическое и моральное содержание; 3) финальные формулы могут прагматично выразить переход от прошлого к настоящему; 4) финальные формулы могут содержать информацию о рассказчике.

Таким образом, некорректно рассматривать финальные формулы только как поэтические выражения или определенный закономерность сказок. Эти выражения своими корнями опираются в мифологическое мировоззрение людей, отражая их убеждения, философию жизни, мировоззрение. Финальные формулы в сказках также имеют прагматические функции по отношению к слушателю (коллективу).

Список литературы

1. Абдуллабекова У.Б. Лингвофольклористическое определение понятий «сказка», «язык сказки» и «стиль сказки» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014, № 12 (42), ч. 3, с. 13-15.
2. Ведерникова Н.М. Из истории сказок. Москва: Наука, 1975, 162 с.
3. Герасимов Н. Формулы русской волшебной сказки. Москва: Наука, 1987, 52 с.
4. Дядюн С.Д. Зачины и концовки в хантыйских сказках // Вестник угроведения. 2013. № 4 (15). С. 24-30.
5. Иванова Н.О. Основные композиционные формулы волшебной сказки Дж.К.Роулинг «Гарри Поттер» // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 2-5. С. 1259-1263, с. 1261-1262.
6. Ким А.А. Языковые формулы хантыйского фольклора // Вестник Томского ГПУ. 2014. № 10 (151), с. 56-62.
7. Плахова О.А. Своеобразие финальных формул английской народной сказки // Вестник Сургутского ГПУ. 2011. № 4 (15), с. 61-65.
8. Рошьяну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 215 с.

10.02.04

¹Г.Р. Еремеева, ²Ф.Л. Ратнер, ³Р.Р. Бикбулатов

^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
Высшая школа иностранных языков и перевода,
кафедра иностранных языков,
кафедра теории и практики перевода,
Казань,

³Назарбаев Интеллектуальная школа физико-математического направления
Костанай, Казахстан,
guzeliksanova@rambler.ru, faina.ratner@yandex.ru, Bikbulatov_R@kst.nis.edu.kz

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА –ВЫНУЖДЕННАЯ, НО НЕИЗБЕЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Статья посвящена проблеме цифровизации образовательного процесса и перехода на дистанционный формат обучения. Проанализированы преимущества интеграции цифровых технологий в образовательный процесс, а также барьеры, присущие цифровым технологиям. Представлен собственный опыт авторов по применению образовательной платформы Microsoft Teams и предложены меры по ее использованию.

Ключевые слова: *цифровизация, образование, цифровые технологии, онлайн, дистанционное обучение, Microsoft Teams.*

Современные реалии показывают, что пандемия, затронувшая весь Земной шар, внесла в ход образовательного процесса ряд весьма существенных изменений. Наблюдается поворотный момент в системе образования, происходит уклон в сторону дистанционного обучения. В этой сложившейся обстановке необходимо проанализировать модернизацию цифрового освоения нового материала как необходимое и безусловное условие.

По данным Организации Объединенных Наций, внедрение цифровых технологий происходит быстрее, чем внедрение любых других инновационных разработок в истории человечества: всего за два десятилетия цифровыми технологиями удалось охватить около 50 процентов населения разных стран и преобразовать с их помощью общества [5].

Цифровизацию можно рассматривать как цифровой способ связи, записи и передачи данных с помощью цифровых устройств [6], как изменение парадигмы общения и взаимодействия друг с другом и социумом [3]. Цифровизация представляет собой не только перевод информации в цифровую форму, но и комплексное решение инфраструктурного, управленческого, поведенческого и культурного характера [2, с.17].

Традиционные методы контроля в большинстве своем обеспечивают контроль на основе итоговых оценок. Основные преимущества интеграции цифровых технологий в образовательный процесс заключаются в том, что преподаватель контролирует практическую эффективность учебного процесса; качество усвоения учебного материала; время, затрачиваемое студентом на решение того или иного задания; уровень понимания новой информации; сокращение так называемой бумажной работы. Кроме того, оценку выполненным домашним заданиям может дать сама компьютерная программа.

Обучающиеся также получают очевидные преимущества от внедрения цифровых технологий. Любой пропуск занятий, например, можно индивидуально проработать с материалом преподавателя, размещенном на «облаке» («cloud»).

В рамках заявленной темы имеет смысл проанализировать и другие преимущества цифровых технологий. В то же время исследования Университета Дарема (Durham University) показали, что не должно быть 100% преобладания цифровых технологий. Лучше всего данные технологии подходят тем студентам, которые медленно обучаются, и студентам с особыми потребностями. Наилучших результатов можно достичь, если цифровые технологии используются через определенные промежутки времени, примерно три раза в неделю, так как частое использование инновационных и, прежде всего, цифровых методов могут постепенно снижать скорость обработки информации учащимися. И, наконец, ученые подчеркивают важность проведения повышения квалификации для обучающихся, которые будут использовать цифровые технологии в своей работе, за счет семинаров [8, с. 72-80].

На первый план в образовании на сегодняшний день выдвигаются онлайн курсы, онлайн экзамены, электронные учебники, анимация, работа на разных образовательных платформах, цифровая административная деятельность.

К тому же онлайн курсы дают возможность пройти обучение по любому интересующему вопросу. Обучающийся может пройти курсы, проводимые высококвалифицированными профессионалами, в любой области образования, на любом языке, в реальном времени.

Цифровизация позволила также проводить онлайн экзамены, удобные как преподавателям, так и обучающимся.

Цифровые учебники, то есть электронные учебники и электронные тексты, предоставляют интерактивный интерфейс, в котором обучающиеся имеют доступ к мультимедийному контенту, такому как видео, интерактивные презентации и гиперссылки, позволяющие изучать новый материал не только в виде текста традиционного учебника.

Предлагая визуальное представление темы, учащиеся лучше понимают её концепцию в более понятной форме. Даже самые сложные темы могут быть представлены в упрощенном виде с помощью анимации. Технология 3D-моделирования позволяет визуализировать любую идею графическим представлением в 2D-плоскости, помогая решать задачи через творческий и неформальный путь.

В сложившейся ситуации не всегда образовательные заведения могут объединить всех обучающихся. Большим плюсом является использование образовательных платформ, таких как Zoom, Microsoft Teams и др. Это системы средств, поддерживающие использование цифровых процессов и ресурсов. Тем самым решается комплексная задача удовлетворения образовательных потребностей всех обучающихся. Участники команд на образовательных платформах извлекают также выгоду от взаимодействия друг с другом. В совместной деятельности они разрабатывают приложения, которые внедряются в учебный процесс и имеют ценность для самого образовательного учреждения [7, с. 340].

Все больше в учреждениях системы образования начинают преобладать цифровые системы, в том числе, для работы административного корпуса. Ведение учетных записей обучающихся, их посещаемость на онлайн занятиях осуществляется административными руководителями удобными компьютеризированными методами, что позволяет избегать «ручных» методов ведения записей.

Цифровизация широко применяется в современной школе. Электронные журналы позволяют видеть темы каждого урока, домашние задания и пояснения к ним, отметки, план занятий и будущие темы уроков, замечания по успеваемости и поведению. Большим плюсом данных журналов является круглосуточная доступность и прозрачность оценок. Цифровые библиотеки обеспечивают обучающимся широкий доступ к необходимым источникам без посещения самой библиотеки, что увеличивает количество прочитанных источников. Современную школу невозможно уже представить без проведения интерактивных уроков с помощью различных цифровых инструментов, а также «облачных» хранилищ информации. Широко применяются в учебном процессе интерактивные доски, позволяющие решить многие проблемы, в зависимости от предмета и необходимой потребности.

Но нельзя обойти вниманием и барьеры, присущие цифровым технологиям. Назовем некоторые из них. Во-первых, долгое использование экранов мониторов может привести к ухудшению зрения. Во-вторых, может появиться риск отрицательного результата, отсутствие творчества, снижение умственной активности, низкий уровень социализации, проблемы с физическим развитием [1, с. 91-92]. В-третьих, в будущем может сложиться такая ситуация, что обучающему не нужно будет рассуждать, добывать информацию, проводить анализ и синтез имеющейся информации. Достаточно просто иметь доступ к сети Интернет. Мы согласны с мнением о том, что произойдет неизбежное ослабление мыслительной деятельности [4, с. 186].

Цифровизация стремительно превратилась в глобальный тренд. В мире функционируют около 35 миллиардов устройств, что позволяет постоянно генерировать данные и обмениваться ими. Это значение приблизительно в 5 раз больше, чем население Земли. Все это демонстрирует глобальную вовлеченность в процессы цифровизации и, прежде всего, это касается учащихся школ и студентов колледжей и высших учебных заведений.

Вышеупомянутые инновационные тенденции цифровых технологий будут определять в будущем развитие образования с точки зрения глобализации и, как было сказано выше, повлияют на все стороны процесса обучения. В связи с этим последуют серьезные изменения в организации учебной деятельности, поскольку она не будет представлять собой типичную сегодняшнюю картину обучающихся и обучающихся, сидящих за столами, расположенными рядами. Внедрение инновационных цифровых технологий изменит не только форму обучения и инструменты, но и интерактивную среду в целом.

Таким образом, можно утверждать, что цифровизация в образовании оказалась эффективным методом экономии имеющихся ресурсов, например, онлайн платформы позволяют ограничить использование бумаги, сократив вырубку деревьев, то есть цифровизация образовательной индустрии в XXI веке оказывается неизбежным и надежным условием существования для общества, но следует учитывать ее барьеры применения.

Отметим, что дистанционное образование как совокупность форм обучения без физического контакта эффективно реализуется в Казанском федеральном университете (КФУ). КФУ использует Microsoft Teams как основную образовательную платформу онлайн обучения и взаимодействия со студентами.

Microsoft Teams дает возможность удаленно работать со студентами, которые находятся в других городах и странах, где, в том числе, разные часовые пояса.

Студенты имеют доступ к преподавателю 24/7 и возможность отправлять индивидуальные сообщения, тем самым обеспечивая более неформальный контекст общения. Студенты получают обратную связь от преподавателя по тому материалу, который они изучили самостоятельно, обеспечивая таким образом индивидуальный подход.

Наш анализ привел к выводу, что большинство студентов воспринимает дистанционный формат обучения, как необходимый и качественный для образования. Они понимают, что могут сделать многое, учась дома, особенно во время пандемии, когда риск заразиться в общественных местах весьма велик. В то же время им следует понимать, что их мотивация, самоконтроль и самоорганизация должны быть на высоком уровне.

Наш собственный опыт показывает, что любая онлайн деятельность обучающихся делится на две части. Одна – «работает» очень хорошо, другая – «остается» сложной задачей. К первой относится предоставление предметного содержания, а именно теоретического и лекционного материала, небольшими порциями, записанными на видео по 10 минут. Проведенный опрос и анализ показали, что студенты в этом видят плюсы, так как небольшой по объему видеоматериал позволяет смотреть его в любое удобное для них время, пересматривая несколько раз, использовать субтитры. С другой стороны, организация виртуальных лабораторий по некоторым предметам, например, по химии, физике, медицине, вызывает большие трудности.

Существенной, но очень важной проблемой онлайн обучения является взаимодействие студентов друг с другом. Обучение – это активная деятельность студентов, групповая работа, именно тот опыт, который приобретается в процессе взаимодействия. Студенты должны не только получать знания по предмету, но и изменяться как личности в процессе совместной работы в группах, уметь ставить цели и достигать их. Решая данную задачу, преподаватели КФУ организуют интерактивное взаимодействие студентов посредством видео звонков в Microsoft Teams. Например, создается банк вопросов по каждому модулю. Студенты получают различные вопросы, высказывают собственную точку зрения, совместно обсуждают их решение. При онлайн обучении эффективны также презентации. Демонстрация экрана в Microsoft Teams позволяет каждому участнику образовательного процесса видеть наглядное представление материала, слушать выступающего, задавать вопросы и взаимодействовать. Записная книжка OneNote для занятий предоставляют личное пространство для заметок студента и холст для совместной работы. Используя White Board, также осуществляется совместная работа, где у студентов имеется возможность одновременно осуществлять деятельность, определенную преподавателем.

Вопрос, который до сих пор остается открытым для обсуждения, это онлайн зачеты и экзамены. Подготовка к зачетам и экзаменам онлайн серьезно зависит от формы их реализации, то есть от того, какие требования предъявляются студентам. Например, устный экзамен и компьютерный тест потребуют разной подготовки, начиная, от заданий и заканчивая программными средствами поддержки. Если это зачет или экзамен в письменном виде, то легче всего это делать в виде задания, поскольку у заданий в Microsoft Teams есть возможность определять их как для отдельных людей, так и для всей группы. Потому преподавателю остается лишь создать вопросы и установить довольно короткий промежуток времени для их ответов. Именно определение и назначение даты и временного отрезка позволит ограничить выполнение заданий для контроля.

MS Forms предоставляет достаточно богатый арсенал возможностей, в том числе, для предоставления вопросов с множественным вариантом ответов (тестирование) и заданий, требующих письменного ответа.

Наш опыт убеждает, что при проведении онлайн зачетов и экзаменов возникают риски. Во-первых, нестабильный или отсутствующий интернет. Во-вторых, внезапное выключение электричества. В-третьих, недостающая аппаратура как на стороне студента, так и на стороне преподавателя. Экзамены и зачеты – это «прямые эфиры». Они проводятся в определенное время. И если возникают технические проблемы, то преподаватель должен уметь молниеносно реагировать, корректировать план и содержание работы. Представляется важным заранее продумать и согласовать с администрацией учебного заведения сценарии работы в случае «форс-мажоров»: дополнительные дни, резервные время.

Таким образом, образование в дистанционном формате, в частности, и цифровизация в общем – это вынужденная, но неизбежная реальность сегодняшнего дня. Вызов сегодняшнего образования позволяет тем не менее создать смешанное обучение высокой гибкости, где нет разницы между дистанционным обучением и обучением «лицом к лицу». На наш взгляд, важно не то, какая обучающая платформа используется, гораздо важнее, какую среду мы предоставляем студентам, какими обучающими материалами обеспечиваем, как вовлекаем в онлайн образовательный процесс и взаимодействуем. Фундаментальными остаются чувство общности и двусторонний процесс обучения и воспитания.

Список литературы

1. Абдуллаев С.Г. Оценка эффективности системы дистанционного обучения // Телекоммуникации и информатизация образования. – 2017. – N 3. – С. 85-92.
2. Введение в «Цифровую» экономику / А.В. Кешелава, В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А.В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А. Зимненко. – ВНИИГеосистем, 2017. – 28 с.
3. Марей А. Цифровизация как изменение парадигмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digitalization.aspx> (дата обращения: 02.11.2020).
4. Отекина Н.Е. Использование электронного учебного пособия в образовательном процессе // Инновационная наука: 2016. – №11. – С.185-187.
5. Последствия использования цифровых технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/un75/impact-digital-technologies> (дата обращения: 02.11.2020).
6. Цифровизация [Электронный ресурс] // Викисловарь. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/цифровизация> (дата обращения: 02.11.2020).
7. Eremeeva G.R., Martynova E.V., Zalyalova E.F. Digitalization in Education: Case Studies on the Implementation of Students' Developments in the Educational Process // Proceedings of the International Scientific Conference "Digitalization of Education: History, Trends and Prospects" (DETP 2020). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research. April 23-24, 2020, Yekaterinburg, Russia. – Atlantis Press, pp. 340-346.
8. Pearce N., Weller M., Scanlon E., Kinsley S. Digital scholarship considered: how new technologies could transform academic work in education. Vol. 16 (1). No. 1 (2010): Spring 2010. Special Issue, Part 2. – Pp. 72-80.

10.02.04

М.О. Жердева канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана (научный исследовательский университет)»,
Мытищинский филиал, космический факультет,
кафедра К5 «Лингвистика»,
Мытищи, _zherdeva@inbox.ru

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В предлагаемой статье рассматриваются лексические заимствования в древнеанглийский язык, основными источниками которых были латинский язык и кельтские диалекты. Все заимствования разделяются на определенные группы. Отмечены такие явления, как появление этимологических дублетов вследствие заимствования одного и того же слова в разные исторические эпохи или из разных языков-доноров, а также способ косвенного заимствования иноязычных лексем путем их калькирования. Среди топонимов с элементами кельтского происхождения выделены слова-гибриды с разными иноязычными компонентами. Немногочисленность иноязычных заимствований свидетельствует об активном использовании ресурсов родного языка для передачи новых явлений и понятий в жизни англо-саксов.

Ключевые слова: *лексические заимствования, кельтские диалекты, этимологические дублеты, язык-донор, калькирование, слова-гибриды.*

Лексические заимствования являются неоспоримым свидетельством языковых контактов разных народов и национальностей; поэтому их изучение всегда остается предметом пристального внимания специалистов в области филологии и истории. В настоящей статье предлагается остановиться на древнейших заимствованиях в английский язык на протяжении всего древнеанглийского периода.

Общеизвестным фактом является то, что древнеанглийский язык имеет в своем составе многочисленные заимствования только из двух источников – из кельтских языков и из латинского языка. При этом следует отметить, что некоторая часть латинских слов ранее была, в свою очередь, заимствована из греческого языка.

Среди латинских заимствований необходимо различать два слоя: 1) древнейший слой лексики – это слова, заимствованные англо-саксами еще на континенте до переселения на Британские острова (вероятнее всего, они пришли через кельтские диалекты, которые стали посредниками в процессе заимствования латинских слов); 2) второй слой – слова, относящиеся к науке (точнее, «учености»), к религии и церкви (это более поздний лексический слой – приблизительно 7 в.).

В словах первого – более раннего – слоя, которые имеются практически во всех древнегерманских языках (менее всего они представлены в древнескандинавских диалектах), ярко отражается огромное и разностороннее влияние римской цивилизации на материальную культуру, общественную жизнь и быт древних германцев.

В составе таких заимствованных лексем можно найти не только названия товаров, которые могли войти в язык при торговом обмене с германскими племенами, но и термины из области ремесла, военного дела и даже общественного и государственного устройства. Вполне вероятно, что такие слова были (особенно военная терминология) привнесены германскими наемниками, которые служили в римских легионах, или детьми и внуками германских вождей, которых римляне удерживали у себя (в римской империи) для обеспечения мира с воинственными германцами и которые получали воспитание и образование в римском обществе.

Среди этих заимствований след. слова: д.а. pund (Pound) <лат. pondō, д.а. ynse (Inch) <лат. uncia; д.а. mynet (Mint, Money) <лат. moneta; д.а. cēāpian (Cheapen) <лат. saurōnāri; д.а. cyrse (Cherry) <лат. ceresia; д.а. cȳse, cēse (Cheese) <лат. cāseus; д.а. cōc (Cook) <лат. cocus, coquus «повар»; д.а. disc (Dish) <лат. discus <греч. diskos; д.а. ciste, cest (Chest) <лат. cista «сундук, шкатулка», д.а. pīl «стрела» <лат. pīlum, также такие известные слова, как «wall, street, chalk, -chester/-caster < Lat. Castra, mill, copper, etc.».

Интересно отметить, что некоторые латинские слова могли быть заимствованы в более позднюю эпоху, в результате чего в английском языке появлялись пары этимологических дублетов: например, д.а. disc «блюдо» (совр. Dish) и современное слово disc «диск (метательный снаряд)», при этом оба слова восходят к одному и тому же латинскому этимону “discus”, заимствованному в разные исторические эпохи.

Аналогичным примером двух этимологически тождественных слов или этимологических дублетов являются английские существительные “mint” («монетный двор») и “money” («деньги»): обе лексемы восходят к одному и тому же латинскому слову “moneta”, которое следует перевести как «заботливая (или точнее – заботящаяся)». Данное определение относилось к богине Юноне Монете, которой был посвящен один из римских храмов, на территории которого находился монетный двор, где чеканили римские деньги. Вначале данное слово было заимствовано в древнеанглийский язык в форме “mynet” («монетный двор»), а после нормандского завоевания это же слово в форме “moneye” («деньги») через нормандский диалект французского языка адаптировалось в английском языке в период Средневековья.

Вторую группу составляют слова, относящиеся прямо или косвенно к религиозной сфере. В то время латынь была международным языком церкви и богословской науки для Западной Европы. При установлении связи с Римом вследствие принятия христианства латынь была введена и в Англии как церковный язык. Так появились следующие заимствования в древнеанглийском языке: например, д.а. bisc(e)op (Bishop) <лат. episcopus <греч. episkopos; д.а. cyrice, cirice (Church) <греч. kuriakón; д.а. enzel (Angel) <лат. angelus <греч. aggelos, а также «devil, clerk, Pope, mass, monk, master, toshrive, etc.» [1, с.136].

Латинское влияние проявилось и в том, что некоторые исконно английские слова были переосмыслены и приспособлены к выражению новых христианских понятий; так, например, слово д.а. ēāstron, первоначально обозначавший языческий праздник весны, приобрело значение «Пасха» (Easter). В других случаях были созданы кальки, передающие латинский термин путем буквального перевода: д.а. zōdspell (Gospel) «Евангелие» (т.е. «благая весть»), д.а. Brēnes (Trinity) «Троица», д.а. tunzol-cræft («астрономия», т.е. буквально «наука небесных тел»), д.а. dælnimend (= лат. Participium, «причастие», образовано от глагола д.а. “dælniman” со значением «участвовать, принимать участие»), д.а. nemnizendlic (= лат. Nominativus), д.а. wrezendlic (= лат. Accusativus). Помимо этих религиозных и грамматических терминов названия всех дней недели (кроме субботы) также являются кальками латинских слов, где вместо богов римского пантеона были использованы имена древнегерманских языческих богов. Единственным заимствованным из латинского языка днем недели была суббота – Saturday (из лат. «день Сатурна»).

Кельтские языки оказали на лексический состав английского языка довольно слабое влияние. К группе немногочисленных кельтских заимствований относят такие слова, как д.а. dūn «холм, дюна» (>Down), д.а. dun «бурый», д.а. binn (Bin) «ясли», и целый ряд кельтских элементов в топонимах. К числу несомненных заимствований из кельтских языков является слово д.а. īsern, īren (Iron), т.к. по данным современной археологии древние германцы вступили в железный век позже кельтов (в середине 1 тысячелетия до н.э.), причем они научились обработке железа, по-видимому, у кельтов. Следовательно, название железа было заимствовано древними германцами именно у кельтов.

Следует заметить, что в топонимике кельтские элементы, как правило, присоединялись к англо-сакским названиям, образуя слова-гибриды; при этом, как отмечают многие филологи, эти топонимические элементы кельтского происхождения были засвидетельствованы в церковных сочинениях и позже в глоссах, что дает право усомниться в источнике этих заимствований: были ли они сделаны из языка ирландских миссионеров, распространявших христианство на Британских островах, или из диалектов бриттов, населявших эту территорию до вторжения англо-саксов.

Отметим, что к заимствованиям в топонимике из кельтских диалектов следует отнести следующие наименования: “*caŋ*” – «скала» (встречалось только в нортумбрийских диалектах), второй компонент сложных слов – “*-cumb*” – «глубокая долина», “*torr*” – «высокая скала или холм» (встречается в юго-западной Англии), “*funta*” – «источник», и т.д.

Принято выделять среди слов-гибридов в числе географических наименований две группы: а) названия с кельтским + латинским компонентом: например, **Manchester**, **Winchester**, **Gloucester**, **Worcester**, **Devonport**, **Lancaster** (выделен кельтский компонент); б) названия с кельтским + германским компонентом: сравним, **Yorkshire**, **Cornwall**, **Salisbury**, **Penhill**, **Devonshire**, **Canterbury**, и др.[1, с.134]. Общепринятым является также мнение, что даже названия двух знаменитых рек – the Avon and the Thames – имеют кельтское происхождение.

К общеупотребительной лексике обычно относят немногочисленные слова кельтского происхождения такие, как д.а. “*broc(s)*” – «барсук», д.а. “*hoз(з)*” – «свинья» (некоторые авторы оспаривают его кельтское происхождение), д.а. “*mattoc*” – «мотыга», д.а. “*assa / assen*” – «осел / ослица», д.а. “*bannoc*” – «немного», д.а. “*bratt*” – «плащ». По мнению ряда филологов-германистов последние три лексемы были заимствованы у ирландских миссионеров.

В заключение следует отметить: несомненно, влияние римской цивилизации и латинского языка на диалекты древних германцев – в том числе и англо-саксов – было неизмеримо глубже и обширнее, нежели других языков (кельтских, прибалтийских, восточных). Количество слов греко-латинского происхождения в древнеанглийском языке составляет около 400 [2, с.185], по сравнению с основной массой словарного запаса – от 30 до 100 тысяч единиц – это не так много. Как замечает О.Есперсен в своей известной монографии “*Growth and Structure of the English Language*”, «неудивительно, что англичане узнали некоторые латинские слова, связанные с новой верой, но удивительно то (особенно в свете того, что сделали более поздние поколения), что они использовали ресурсы своего собственного языка в столь огромной степени, как это в действительности было» [4, p.28]» “*It is not astonishing that the English should have learned some Latin words connected with the new faith, but it is astonishing, especially in the light of what later generations did, that they should have utilized the resources of their own language to so great an extent as was actually the case*” (перевод автора статьи).

Поэтому представляется более важным то, что этот лексический слой заимствований охватывает самые разносторонние понятия в жизни древнегерманских народов, начиная от бытовых и хозяйственных наименований до богословских и ученых терминов. И эти полностью ассимилировавшиеся иноязычные слова в составе базового вокабуляра позволяют утверждать, что «основное ядро лексики языка, обогащаясь семантическим развитием исходных лексем и пополняясь неологизмами, в том числе и заимствованными элементами, обеспечивает преемственность различных периодов в истории каждого языка» [3, с.65].

Список литературы

1. *Расторгуева Т.А.* История английского языка. М., ООО «Издательство Астрель», 2003. – 348 с.
2. *Смирницкий А.И.* Древнеанглийский язык. М., МГУ им. М.В.Ломоносова, 1998. – 319с.
3. *Ярцева В.Н.* История английского литературного языка. М., Наука, 1985. – 248 с.
4. *Jespersen O.* Growth and Structure of the English Language. Read Books Ltd., 2016. – 278 p.

10.02.04

М.А. Кузина, канд. филол. наук, П.Д. Пастернак

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, kouzina-marina@yandex.ru, pd_pasternak1@student.mpgu.edu

ПОЛОЖИТЕЛЬНО И ОТРИЦАТЕЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПОДРОСТКОВОМ ДЕТЕКТИВЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ прецедентных имён, функционирующих в подростковых детективных романах Филиппа Пулмана «Рубин во мгле» (1985) и «Тень полярной звезды» (1988), показывает, что они являются элементами поля оценочности, выражая как стереотипные оценочные представления, так и авторскую субъективную оценку.

Ключевые слова: *детективный роман, подростковая литература, прецедентное имя, слово-реалия, коннотация.*

Первые публикации отечественных лингвистов по теории прецедентности появились в 1980-90-х годах (Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Ю.А. Сорокин и др.), а к концу второй декады XXI века было уже написано более ста диссертационных исследований по прецедентным феноменам в генетически и типологически разных языках. Основными рассматриваемыми проблемами являются: особенности использования прецедентных феноменов в разных функциональных стилях, переводческие трудности при передачи прецедентности в переводных текстах, соотношение прецедентности и интертекстуальности в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Справедливо отметить, что на настоящий момент прецедентность не изучена широко на материале детско-юношеской, в частности подростковой, литературы. Кроме того, жанр «подростковый детектив» начал детально разрабатываться только в последнее десятилетие, в частности в работах А.Б. Тажигалеевой «Детский детектив Е. Вильмонт как отражение одного из жанров массовой литературы современности» (2015), Д.С. Тыщук «Эстетика детективности в прозе для детей» (2017), М.В. Малыгиной «Жанровые традиции в «Скрипке неизвестного мастера» Нины Дашевской» (2018), О.В. Тихоновой «Жанр детского детектива как исследовательская проблема» (2019), С.Ю. Капковой «Характеристики детективного жанра в современной детской английской эксцентрической литературе (на материале произведений Дж.К. Роулинг и Р. Даля)» (2019), И.А. Ворончихиной «Сравнительно-сопоставительный анализ репрезентации концепта «ребёнок-сыщик» в англоязычном и русскоязычном детском детективе» (2020).

На основе вышеперечисленных исследований детской и подростковой литературы с детективной линией представляется возможным выделить характерные черты детско-юношеской детективной модели. В детективе с детско-юношеской целевой аудиторией редко расследуются криминальные дела; детективное расследование включает элементы приключения и игры (что свидетельствует о главенствующей роли приключенческой литературы и игры как основного вида деятельности детей, подростков); дети могут расследовать преступление сами или помогать взрослым сыщикам; в сериях книг с одним и тем же ребёнком-сыщиком и подростком-сыщиком зачастую чётко проработано взросление ребёнка (через развитие характера и становление жизненной позиции); большинство детско-юношеских детективов имеют счастливый конец и завершаются «моралью», что способствует познанию взрослого мира ребёнком; авторы детективов могут включать в них элементы других жанров (чаще всего фэнтези и научной фантастики); тексты детско-

юношеских детективов могут включать значительное число прецедентных имен с целью построения интриги, увлекательного изложения научных данных и исторических фактов, игры с читателем [2].

Большинство исследований проводится на материале следующих художественных произведений: «Приключения Калле Блумквиста» А. Линдгрена, «Эмиль и сыщики» Э. Кестнера, «Бронзовая птица», «Кортис», «Приключения Кроша» А. Рыбакова, «Серия книг о Нэнси Дрю» К. Кин, «Дом с привидениями», «Сокровища» и «Особые заслуги» И. Хмелевской, «Доктор Проктор и всё-всё-всё» Ю. Несбё, «Даша и Ко» Е. Вильмонт, «Великолепная пятёрка» Энд Блайтона.

Настоящее исследование проведено на материале двух романов тетралогии Филиппа Пулмана о шестнадцатилетней Салли Локхарт (Sally Lockhart), действие которого происходит в XIX веке в Лондоне: «The Ruby in the Smoke» (1985) и «The Shadow in the North» (1988): оба романа экранизированы соответственно Брайэном Персивалом в 2006 году и Джоном Александром в 2007 году. Также цикл включает романы «The Tiger in the Well» (1990) и «The Tin Princess» (1994) [6]. Несмотря на популярность его романов и пьес, отмеченных более, чем 10 премиями и наградами, академическое литературоведение проявляет к произведениям Филиппа Пуллмана фрагментарный интерес: Н.Ю. Филистова исследует нарратив сказки на примере 10 произведений, включая Дональда Биссета, Беатрис Поттер, Джозефа Якобса и Филиппа Пулмана в статье «Структурно-типологическая организация английских сказок» (2019).

Целью предпринятого исследования является оценка способности прецедентных имён – индивидуальных имён, связанных с известным текстом или ситуацией, которые в свою очередь могут считаться прецедентными, или имён-символов, указывающих на эталонную совокупность определенных качеств (по определению Д.Б. Гудкова) – выражать оценочность [1:73-75]. Анализ коннотативного аспекта прецедентных имён позволяет классифицировать их на экстенционально употребляемые прецедентные имена (актуализируются только номинативные свойства имени) и на интенционально употребляемые прецедентные имена (акцент делается на оценочные свойства имени) [1:73-75].

В материале исследования около одной трети всех отобранных примером прецедентных имён можно было бы охарактеризовать как эмоционально неокрашенные, однако в контексте они получают весьма неожиданную, небанальную окраску: «She vanished so swiftly and so completely that journalists of the time scented something as delicious as the lost continent of **Atlantis, or the Mary Celeste, or the Flying Dutchman**»; «He was transformed. Jim had described it, but Frederick hadn't really believed him; now he blinked in amazement to see the furtive, shadowy figure he knew become so dominating and powerful. He was wearing his chalk-white makeup – bizarre at first sight, but in fact a brilliant stroke, because it allowed him to be at various times sinister and comic and appealing – a skull, or a clown, or a **Pierrot**» [5]. В этих примерах из романа «Тень полярной звезды» прецедентные имена «Атлантида», «Мария Селеста» и «Летучий Голландец» регистрируются в словарях аллюзий в тематических группах «Дистанция. (Таинственное) исчезновение. Проклятие», однако автор нейтрализует негативную коннотацию с помощью положительно окрашенных «swiftly», «delicious»; а персонаж французского ярмарочного театра, выступавший с обсыпанным белой мукой лицом (что подчеркивается автором детектива), может интерпретироваться в разных ракурсах – и как хитрый, но притворяющийся простодушным слуга, и как неудачливый, отвергнутый и опечаленный любовник, что усложняется цепочкой эпитетов «sinister and comic and appealing» [3].

Оставшиеся 60-70% прецедентных имён имеют преимущественно негативную окраску. Эти интенциональные онимы восходят к Библии или имеют широко известное литературное произведение как прототекст: «“And he's being chased by someone, you say?” He says. “It's **Mephistopheles**. Mackinnon's sold his soul, and the devil's coming to claim it.”»; «“Who was the other person?” asked Sally. “An old woman who looked like **one of the witches from Macbeth**,”

he said. This allusion was lost on Sally; seeing her puzzlement, he went on, “Wrinkled, don’t you know, and hideous, and so forth.”» [4]. Те прецедентные имена, что могли бы иметь положительную коннотацию, часто употребляются в цепочке прецедентных имён, некоторые из которых меняют их изначальную коннотацию на противоположную: «Jim had taken to spending most of the weekend at Burton Street. Rosa had commandeered him at once for the Stereographic Repertory Company. He was **Oliver Twist**; he was a **Boy Standing on the Burning Deck**; he was **Puck**; he was a **Prince in the Tower**, with Frederick as an unconvincing **Wicked Uncle**» [4].

В анализируемых романах также значительно число слов-реалий, выполняющих функцию создания хронотопа (чаще) и характеристики персонажа (реже): сюжет романа «Рубин во мгле» разворачивается в Лондоне и Индии в XIX веке, что воссоздаётся автором при помощи 47 реалий-топонимов для локаций в Лондоне («Regent's Canal», «Rotherhithe», «West India Docks»), 16 реалий-топонимов для местечек, разбросанных по всем Британским островам («Ramsgate», «Chatham», «North Foreland») и 15 реалий-топонимов для обозначения мест за пределами родины Салли Локхарт («Lucknow», «Agra», «Oudh»).

Таким образом, регулярно воспроизводимые прецедентные имена в романах цикла о Салли Локхарт не только способствует более точному пониманию персонажа или ситуации посредством активизации номинативной функции и через выражение стереотипных оценочных представлений, но они также используются как средство выражения авторской субъективной оценки.

Список литературы

1. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т социального образования, 2007. – 207с.
2. Тихонова О.В. Жанр детского детектива как исследовательская проблема. / О.В. Тихонова. // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. – Тольятти: Издательство ТГУ, 2019. – С.113-119.
3. Lavrova N.A., Nikulina E.A. Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers. Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24. No 4. P. 831–857. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857
4. Pullman, Ph. The Ruby in the Smoke. New York: Random House, 2008. 230p.
5. Pullman, Ph. The Shadow in the North. New York: Scholastic, 2018. 320p.
6. Официальный сайт Филипа Пулмана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philip-pullman.com/home> (дата обращения: 20.01.2021)

*10.02.04***З.В. Маньковская канд. филол. наук**

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана (научный исследовательский университет)»,
Мытищинский филиал, космический факультет,
кафедра К5 «Лингвистика»,
Мытищи, mankovskaya57@mail.ru

**ЭПИГОНСТВО КАК ПРИЕМ ТВОРЧЕСКОГО ПОДРАЖАНИЯ
В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ**

В статье описываются результаты эксперимента, проведенного в Мытищинском филиале Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, по использованию эпигонства как приема творческого подражания в изучении иностранного языка. Подчеркивается творческий потенциал эпигонства в формировании лексической компетенции студента в вузе. Раскрываются возможности расширения словарного запаса студента за счет воспроизведения выделенной лексики в разных тематических, грамматических и лексических контекстах.

Ключевые слова: *эпигонство, творческое подражание, тематический контекст, комбинаторные возможности лексических единиц.*

В современной лингвистической литературе слова «эпигон» и «эпигонство» (от греческого *epigonos* рожденный после) имеют отрицательную коннотацию. Зафиксированные в словарях русского языка определения этих понятий можно суммировать следующим образом: 1) деятельность запоздалых последователей каких-либо направлений общественной мысли (в политике, литературе, искусстве), повторяющих отжившие идеи в другой культурной и исторической обстановке [1, 7]; 2) нетворческое следование литературным образцам, выхолащивание индивидуальных манер, механическое заимствование утративших былую оригинальность и содержательность приёмов, несамостоятельность и негибкость мышления [2, 4].

О негативном отношении к данному явлению можно судить по существованию словосочетаний, типа «жалкий эпигон» [5], или отрицательно заряженного глагола «эпигонствовать» со значением «копировать», «имитировать», «подражать», «петь с чужого голоса», что уподобляет «эпигонство» плагиату, который предполагает случаи умышленного присвоения авторства другим лицом.

Однако можно взглянуть на глагол «эпигонствовать» и с другой стороны, с точки зрения положительной оценки этого явления, поскольку он также означает действия, которые соотносятся с чем-то положительным в нашей картине мира, например, «перенимать», «равняться», «брать за образец», «идти по стопам». Ни для кого не секрет, что великие поэты, писатели и другие представители творческих профессий рождаются нечасто, все остальные – подражатели, то есть эпигоны. Можно назвать несколько примеров бунтарей/новаторов, которые нашли новые формы/стили/манеру в своей сфере деятельности. В поэзии В. Хлебников (рифма, стихотворный размер, белый стих), в литературе Э. Хемингуэй (телеграфный стиль), в киноиндустрии и театральном искусстве (новые сюжеты, новые способы подачи материала), в языке и словотворчестве (неологизмы). Развитие всегда происходит от старого к новому. Основоположников направлений мало, а есть их последователи, которые черпают вдохновение в работах мастеров и развивают имеющиеся идеи.

Одним из доказательств наличия положительной коннотации в слове «эпигонство» может служить работа Михаила Эпштейна «Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса)», в которой автор рассматривает понятие «эпигонство» в контексте оценок, связанных с ходом времени, с оппозицией «новое-старое», «развитие-преемственность», «новаторство-традиционность», соотнося современность с понятием «новомодный», а классику с понятием «эпигонство»[6].

Другим подтверждением наличия положительного оттенка в слове «эпигонство» могут быть музыкальное или литературное творчество. Ведь в музыке всего семь нот, но огромное многообразие музыкальных произведений. В литературе тоже практически одинаковый запас слов, которым располагает среднестатистический автор, а используется он для описания многочисленных сюжетов. Таким образом, важно не столько, *какие слова* мы употребляем, сколько, *как* мы их комбинируем.

Что касается обыденного языка, мы должны признать, что повтор и подражание являются неотъемлемой частью его существования и развития. Достаточно вспомнить использование штампов, клише, паттернов, калькирования, крылатых выражений, идиоматических выражений, репродуцирование которых имеет положительный результат. Как мы знаем, 100% новизна – это редкость. Чаще всего, как гласит известная пословица, отражающая мудрость и опыт предшествующих поколений, «новое – это хорошо забытое старое». Она подчеркивает связь подражания с традицией, поскольку используется в новое время, в новом месте.

В области образования эпигонство является возможностью учиться на лучших образцах жанра, при условии, что мы используем привычный и хорошо узнаваемый элемент креативно. Знакомый элемент помещается в новый контекст и приобретает самостоятельное звучание. Таким образом, эпигонство, как факт творческой переработки источника, может рассматриваться как положительное явление. Так клише и готовые штампы появляются в новых лексических, грамматических, синтаксических и смысловых контекстах. Происходит так называемая грамматическая адаптация новой языковой единицы к новому ситуативному контексту (новой языковой среде) и расширение её «лексической потенции» (термин Клементьевой Е.В.) [3].

Эпигонство как прием расширения словарного запаса обучаемого может положительно влиять на формирование его лексической компетенции, что было подтверждено экспериментом в группах 1-го и 2-го курсов МФ МГТУ имени Н.Э. Баумана направления подготовки 450302 «Лингвистика».

В данном эксперименте эпигонство трактовалось как «творческое подражание». Эксперимент был построен на следующих принципах: 1) введение изучаемого словаря в разные семантические связи; 2) подбор разных грамматических контекстов (глагол + существительное; существительное + прилагательное и т.д.); 3) изменение морфологического контекста (лексическая единица обозначает разные части речи); 3) применение приема подстановки (вариативный повтор).

Эксперимент показал, что известная лексическая единица вписывается/интегрируется в новый контекст, что позволяет избегать дословного повтора. Творческий аспект «эпигонства» отражается в том, что лексическая единица видоизменяется, приобретает новые краски и оттенки значения, уточняется её семантический объем, расширяются контекстуальные связи. Знакомые лексические единицы многократно воспроизводятся и приобретают новые свойства. При этом словарные единицы по-разному вписываются в контекст: 1) полностью сохраняется первоначальное значение словарной единицы; 2) проявляются её новые грани и возможности (то есть значение расширяется); 3) демонстрируются полисемантические возможности словарной единицы (многозначность); 4) словарные единицы приобретают оригинальность в новом контексте.

Для проведения эксперимента был выделен словарь (приблизительно 440 лексических единиц литературного английского языка, т.н. Лексический Минимум), затем отобраны публицистические статьи, классические и современные художественные произведения больших и малых форм, и их содержание было передано в сжатой форме с применением

отобранного словаря. При этом одни и те же словарные единицы использовались для разных ситуаций, иногда противоположных по содержанию.

Передача содержания литературных произведений в новой форме (т.е. с помощью отобранного словаря) научила студентов «читать между строк», интерпретировать художественные и публицистические произведения, а также новостные сообщения на основе вывода дополнительной информации в виде импликаций и пресуппозиций. Например, при передаче содержания литературного источника, студент должен был дать оценку поступкам героя произведения или его/её эмоционального состояния, исходя из анализа вербального языка, что требовало от него использования глаголов и прилагательных из Лексического Минимума. В произведении А. Кронина «Цитадель» студент получал информацию из оригинального источника о проблемах, с которыми сталкивался главный герой, и подыскивал в своём Лексическом Минимуме языковые средства для выражения собственной оценки.

В нижеприведенном примере дополнительная информация, выведенная студентом, представлена выделенными курсивом глаголами, существительными и прилагательными из Лексического Минимума.

“Andrew Manson starts working with all the fire of his ardent nature. When the typhoid epidemic begins to spread, he readily throws himself into the campaign. The local authorities don’t try to *mitigate* the situation and don’t adopt any measures to stop the epidemic, which *incenses* the young doctor. His colleague Denny suggests blowing up the old sewer which is the cause of the infection. Andrew feels it is a *dubious* undertaking and it will lead to *calamity*. It is a breach of the law which, if *divulged*, will bring them into the police court. Nobody will *exonerate* them of the responsibility and they may even be scored off the Medical register. Yet, for some strange and complex reason, Andrew can’t *retract* although he realizes that there are no prospects for him in this district” (based on Archibald Joseph Cronin, *The Citadel*, 1937).

Данная трансформация является результатом творческого преобразования или переосмысления оригинального текста, а не его буквальным повторением.

Другой аспект эксперимента, в котором подчеркивалось креативное начало студента, был связан с комбинаторикой словарных единиц и поиске новых сюжетов и контекстов для их использования. В рамках эксперимента студенты должны были вспомнить литературный сюжет, который может быть адекватно передан при помощи отобранной лексики. Таким образом, была продемонстрирована возможность группировать словарь по тематическому признаку.

Например, комбинаторные и тематические возможности глагола *relinquish* были представлены такими словосочетаниями, как *relinquish somebody/ one’s position/money/dream/contact/desire/hope*.

Andrew smokes to excess, loses weight but he doesn’t *relinquish his dream* (Archibald Joseph Cronin, *The Citadel* (1937).

When the application was granted, he *relinquished his contact* with friends from the Polish community (Jeffrey Archer, *Not a penny more, not a penny less* (1976).

Новые смысловые контексты сопровождались демонстрацией употребления грамматических форм глагола. Например, употребление в форме причастия I (*Relinquishing hope, she ended up throwing the pebble into a fire*) или с глаголом *will* в отрицательной форме для обозначения нежелательности действия (*The old man has fortitude and won’t relinquish his hope for a change*).

Эксперимент доказал студентам, что репродуктивное употребление одной и той же словарной единицы не является формальностью. Они обратили внимание на многозначность слов и зависимость их значения от контекста. Например, глагол *overwhelm* (подавлять, сокрушать, поглощать, переполнять, впечатлять) встречался в таких смысловых контекстах:

Never yield to force; never yield to the apparently *overwhelming* might (сокрушительная мощь) of the enemy [8].

Sameer was *overwhelmed* with irritation (переполняло возмущение) [9].

Таким образом, эпигонство как творческий прием подражания, может эффективно использоваться для введения и фронтального повторения лексики в бесчисленном количестве новых неожиданных контекстов и способствовать поддержанию интереса студента как промежуточного, так и продвинутого уровня к изучаемой лексике. Результаты эксперимента будут использоваться в учебном пособии Маньковской З.В. «Литературный английский язык» (для студентов гуманитарных направлений подготовки).

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова Режим доступа: URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=87557>
2. Большой энциклопедический словарь, Издательство: АСТ, Харвест, Астрель, Серия: Современная энциклопедия, 2008.
3. Клементьева Е.В. Адаптация иноязычных заимствований в русском языке// Историческая и социально-образовательная мысль, Филология и лингвистика, 2014, №5. – С.260-263.
4. Литературная энциклопедия в 11 томах / П. И. Лебедев-Полянский, А. В.Луначарский, И. М Нусинов, Переверзев В. Ф., Скрыпник И. А. - М., 1929—1939. Режим доступа: URL: <https://rus-literature-enc.slovaronline.com>
5. Толковый словарь русского языка Ожегова. Режим доступа: URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36286>
6. Энштейн М.Н., Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса)// Вопросы языкознания, 1991 , №6 (ноябрь- декабрь). – С. 19-33.
7. https://spiritual_culture.academic.ru/2484/Эпигонство
8. <https://www.goodreads.com/quotes/16489-never-give-in-never-give-in-never-never-never-in>
9. <http://winnowed.blogspot.com/2009/02/short-story-bias.html>

10.02.04

¹Е.С. Руденко канд. филол. наук, ²В.А. Тунникова канд. филол. наук,
²Л.В. Олифиренко

¹Донской государственный технический университет»,
кафедра «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация»,
Ростов-на-Дону, RudenkoElena1988@yadnex.ru,

²Ростовский государственный экономический университет,
кафедра «Иностранных языков для экономических специальностей»,
Ростов-на-Дону, vera-t19@yandex.ru, mila.olifa@mail.ru

ЭКФРАСИС В ЛИРИКЕ УВЕ БЕРГЕРА

Цель данной работы заключается в выявлении функций экфрасиса в творчестве Уве Бергера на материале стихотворения «Гравюра Дюрера». В ходе анализа привлекались данные искусствоведения и истории искусства, что обуславливается сложностью самого явления экфрасиса, находящегося на стыке двух семиотических систем. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что функция экфрасиса в данном стихотворении не сводится к описанию произведения искусства, экфрасис используется в качестве художественного приема, необходимого для формирования художественного образа.

Ключевые слова: *экфрасис, поэтическая интерпретация, культурный контекст, Ренессанс, социализм.*

Леонардо да Винчи беспокоила возможность превращения живописи в живописную поэзию, а Готхольд Эфраим Лессинг в своем эстетическом трактате «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии» стремился установить строгие демаркационные линии между поэзией и изобразительными искусствами. И тогда это было нужно, ибо соответствовало творческой практике времени – Лессинг боролся с классицистами, которые неправомерно перенесли из живописи «пластический принцип». Он говорил лишь о буквальной неперебиваемости языка поэзии на язык живописи, о несовместимости их пластики: «Итак, надо ограничить установившееся мнение, будто хорошее поэтическое описание всегда может послужить сюжетом для хорошей картины и что описание поэта хорошо лишь в той мере, в какой художник может в точности воспроизвести его» [4, с. 94].

Однако интегративное взаимодействие слова и изображения в различных родах, видах, жанрах искусства – интермедийность – свойственно современно культуре и мыслится как необходимое условие ее дальнейшего развития. Одним из примеров такого взаимодействия может служить экфрасис – словесное описание визуального произведения искусства.

Основной **целью** данного исследования является выявление функций экфрасиса в творчестве Уве Бергера (на материале стихотворения «Гравюра Дюрера»). Данная цель определила постановку частных **задач**:

1. проанализировать стихотворение с учетом его включенности в культурные контексты;
2. выявить языковые средства, трансформирующие описание произведения изобразительного искусства в авторское видение;
3. эксплицировать авторский замысел.

Научная **новизна** данного исследования заключается в том, что экфрасис в лирике Уве Бергера не являлся еще предметом специального научного рассмотрения.

Понятие экфрасиса не имеет однозначного определения. Например, Мишель Константины указал на бессодержательность понятия экфрасиса и «необходимость вернуться к античной традиции», когда «экфрасис был наполненным конкретным содержанием понятием риторики» [3, с. 30]. С позиции М. Рубинс, простейшая экфраза – «текст, описывающий

произведение искусства с помощью слов» [5, с. 46]. В данном исследовании мы придерживаемся определения М. Рубинс, но считаем нужным внести в него свои уточнения: описание в случае экфрасиса не есть воспроизведение, аристотелевский мимесис, подражание действительности. Мы разделяем в данном отношении точку зрения Р.Ю. Данилевского, который подчеркивает, что экфрасис, проходя через мир воображения, претерпевает существенные изменения: «... бесконечная область воображения выносит приговор экфрасису, обрекая его на заведомую неточность, недостаточность, односторонность, условность» [1, с. 41]. Но одновременно с этим в воображении – в мире энаргии по Лессингу – видится и спасение экфрасиса: «... спасение экфрасиса – союз с энаргией, которая способна обогатить его фантазией, интуицией, гипотезой» [1, с. 42]. Таким образом, воспринятое извне произведение искусства, творчески переработанное воображением, становится источником порождения новых культурных смыслов, отсылающих за пределы самого произведения искусства и за пределы дескрипции.

Уве Бергер (р. 1928) – известный поэт и прозаик ГДР, первый лауреат премии Иоганнеса Р. Бехера. Его поэзия посвящена «важным общественным проблемам: высокой власти искусства над людьми, новой родине, юности, омраченной войной (сам поэт пятнадцатилетним юношей был мобилизован и служил в зенитном расчете)» [2, с. 123]. При анализе стихотворений Уве Бергера важно учитывать его идейную приверженность коммунистическим идеалам.

В рамках данного исследования анализируется стихотворение У. Бергера «Гравюра Дюрера» из сборника «Лица»:

Holzschnitt von Dürer

*Mit klaren Augen, länger nicht erblindet,
betrachte ich den Schnitt, der vor mir liegt:
Erzengel, der die Drachenbrut besiegt,
die sich zu seinen Füßen greulich windet.*

*Der Himmel noch bevölkert mit Dämonen,
den lichten, finsternen der Eisenzeit;
darunter aber öffnet sich soweit
See und Gebirgsland, wo die Menschen wohnen.*

*Vision der Äcker, Schiffe, Häuser, Bäume,
glänzt heiter-selbstgewiß in mein Gesicht –
und geht durch mich hindurch und wirft ihr Licht
in ferne Zeiten, Erd- und Himmelsräume,*

*vor dem verblaßt der Englel groß und hart,
der Glaubensstreiter und sein Widerpart [7, S. 52].*

Данное стихотворение строится на атрибутированном (эксплицитном) экфрасисе, который «выступает <...> как эмблема, этикетка эпохи» [6], в данном случае эпохи Возрождения. «Битва архангела Михаила с драконом» (около 1497 — 1498 гг.) является одной из самых прославленных гравюр на дереве А. Дюрера из серии «Апокалипсис», иллюстрирующей Откровение святого Иоанна Богослова. Работа целиком проникнута религиозным мироощущением, которое и определяет характер композиционного решения: центральное место в композиции занимает изображение фигуры архангела Михаила и его Ангелов, воюющих против дракона (дьявола). Экфрасис содержит указание на эти фигуры: *Erzengel, Drachenblut, Dämonen*. Но автор в первой же строке стихотворения прямо указывает на то, что эти фигуры не вызывают у него эмоциональный отклик: *Mit klaren Augen, länger nicht erblindet, / betrachte ich den Schnitt, der vor mir liegt* [7, S. 52].

Экфрасис в данном случае условен, взгляд наблюдателя скользит по фигурам, изображенным на гравюре, лишь отмечая их присутствие. Словосочетание *mit klaren Augen* несет на себе важную смысловую нагрузку: автор смотрит на гравюру *ясными глазами* – глазами, с которых спала пелена обветшалых представлений о значимости религиозных ценностей в жизни общества. Во времена Дюрера серия «Апокалипсис» пользовалась большим спросом, поскольку жизнь той поры была проникнута ожиданием Второго Пришествия Спасителя и осуществления Апокалипсиса (1492 г. – т.е. 7000 г. по церковному календарю – завершал «Пасхалию»). Гравюра, помещенная в контекст иной эпохи – эпохи социализма – утрачивает свое идейное содержание и воспитательное значение, интерпретатор (поэт) «вмысливает» в нее то, что сообразно его мироощущению. Поворотным моментом в дескрипции, сигнализирующим смену фокуса авторского зрения, является вторая строфа: *Der Himmel noch bevölkert mit Dämonen, / den lichten, finsternen der Eisenzeit; / darunter aber öffnet sich soweit / See und Gebirgsland, wo die Menschen wohnen* [7, S. 52].

В этой строфе экфрасис строится на противопоставлении верхней части гравюры (смыслообразующей по замыслу А. Дюрера) и нижней. Верхнюю большую часть гравюры занимает изображение борьбы архангела Михаила и его ангелов с драконом и его ангелами (светлые и темные ангелы в стихотворении обозначены лексемой *Dämonen* – <...> ***Dämonen, den lichten, finsternen*** [7, S. 52]; данная лексема не обязательно предполагает присутствие тёмного начала, что следует из словарного толкования: [*böser*] ***Geist, Mittelwesen zwischen Mensch und Gott***) [8]. Сам архангел вонзил свое копьё в горло дракона и попирает его ногами; три других светлых ангела, из которых два вооружены мечами и щитами, а третий луком и стрелами, сражаются с темными ангелами, помогающими дракону. Эта часть гравюры изобилует множеством тщательно проработанных деталей, которые могут затруднить распознавание отдельных образов – в этом сказывается господство принципа *horror vacui* (страх пустоты). Эта сцена – смысловая доминанта картины, но поэт перемещает фокус читательского внимания на нижнюю часть гравюры, которую занимает пейзаж, где можно различить залив с кораблями, город, холмы, деревья – <...> *Vision der Äcker, Schiffe, Häuser, Bäume* [7, S. 52]. Здесь живут *люди*, и эта жизнь видится автору подлинной – такое истолкование полностью соответствует сориентированности социалистической общественной системы на человека. Эта подлинная жизнь сияет, изобилует светом, при этом поэт транспонирует световую лексику, которая традиционно связывалась с божественным началом, в иную сферу – сферу мирской жизни, тем самым переосмысливая изначально заложенные в гравюре эстетические ценности: *Vision der Äcker, Schiffe, Häuser, Bäume, / glänzt heiter-selbstgewiß in mein Gesicht – / und geht durch mich hindurch und wirft ihr Licht in ferne Zeiten, Erd- und Himmelsräume* [7, S. 52].

Поэт силой воображения преодолевает пространственно-временную ограниченность произведения искусства: от нижней части гравюры распространяется яркий свет, озаряющий времена, земные и небесные пределы (*Zeiten, Erd- und Himmelsräume*), сама же битва архангела Михаила с сатаной оттесняется на задний план.

Таким образом, ведущей функцией экфрасиса в анализируемом стихотворении является воздействующая функция, которая призвана акцентировать значимость жизни нового человека – строителя коммунистического общества. Описательная функция экфрасиса в данном стихотворении не реализована в полной мере, но отсылка к гравюре Дюрера как художественный прием необходима для создания визуализированного образа индивидуально-авторской рецепции, которая качественно выходит за рамки осмысливаемого содержания гравюры: возникает картина в картине, претендующая на самостоятельное существование, но неразрывно связанная со своим «смысловым инвариантом».

Список литературы

1. Данилевский Р.Ю. Лессинг: крах экфрасиса? // «Невыразимо выразимое»: Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте / Сост. и науч. ред. Д. В. Токарев. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 35 - 43.
2. Дымишиц А. История литературы ГДР. Наука, 1982. 542 с.
3. Константины М. Экфрасис: понятие литературного анализа или бессодержательный термин? // «Невыразимо выразимое»: Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте / Сост. и науч. ред. Д. В. Токарев. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 29 - 35.
4. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. М.: РИПОЛ классик, 2017. 350 с.
5. Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб.: Аккад. проект, 2003. 354 с.
6. Яценко Е.В. "Любите живопись, поэты...": экфрасис как художественно-мировоззренческая модель. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=427&Itemid=52 (дата обращения: 09.01.2021).
7. Berger U. Den Granatapfel ehren. Zwiebelzwerg Verlag, 2007. 137 S.
8. Duden Onlinewörterbuch. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 09.01.2021).

10.02.04

Н.А. Сигачева, А.Л. Короткова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков,
Казань, nsigacheva@mail.ru,
Университет управления «ТИСБИ»,
кафедра педагогики,
Казань, anuticc@mail.ru

ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ФИЗИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ

Актуальность проблемы определяется необходимостью повышения уровня научного и профессионального общения в области естественнонаучных дисциплин. В работе анализируется использование и перевод наиболее распространенных физических терминов в научной литературе на английском языке. Основным результатом исследования является выявление статистических данных об использовании физических терминов в англоязычных источниках информации. Результаты работы могут быть использованы студентами, преподавателями, а также исследователями английского языка в профессиональной сфере.

Ключевые слова: *научное и профессиональное общение, термины, английский язык, перевод.*

Специальная терминология – характерна для словарного запаса научно-профессионального текста, поскольку передача научных знаний невозможна без терминологии. В то же время, особенности научного стиля накладывают отпечаток на использование терминологии. Важно отметить, что перевод англоязычных научно-профессиональных терминов на русский сложен в силу его специфики. Активное развитие международного сотрудничества в области науки, появление новых терминов и необходимостью изучения и систематизации понятий и определений актуализирует тему исследования. Сказанное выше определило цель исследования - проанализировать особенности использования специальной терминологии в научно-популярном тексте на материале предметной области «Физика».

Для решения исследовательских задач использовались методы анализа, обработки, обобщения и систематизации научных данных, а также количественный и качественный анализ аутентичных статей из специализированных журналов. Теоретической основой исследования послужили работы таких ученых, как К.В. Михайлов [10], Л.Л. Кутина [8], Л.Р. Сакаева [14], Л.И. Борисов [2], М.А. Вайнштейн [4].

В настоящее время такая область науки, как физика обретает новые понятия и определения. Такие слова обычно объединяются в одно определение «термин». Лингвисты понимают под термином слово или фразу, которое является названием определенного понятия из какой-либо области науки, техники, искусства и т. д. Совокупность всех терминов, относящихся к определенной области, обычно называется терминологией, а наука, занимающаяся рациональной систематизацией терминов, называется терминологией. Термины, в отличие от слов, используемых в повседневной жизни, могут не иметь отношения к контексту. Они строго ограничены терминологической системой, которая используется в конкретной области или отрасли. Термин отличается от общеупотребительных слов своей прямоотой и не имеет эмоциональной окраски или условности. Однако в такой отрасли науки, как физика, обнаруживается, что термины поддерживаются символами и формулами. Исследователи классифицируют терминологию, исходя из принадлежности к разным сферам использования термина. В. М. Лейчик

утверждает, что необходимо разделить терминологию науки, экономики, техники, искусства, производства, социально-политические термины и термины массовой коммуникации [9]. С. В. Гринев-Гриневиц предлагает свою классификацию терминов: математические, биологические, спортивные, военные, ремесленные и другие [6]. Обобщенная классификация, предложенная В. М. Лейчиком показывает, что подгруппы терминов можно разделить на универсальные термины, уникальные термины и концептуальные авторские термины.

Углубленный анализ научных работ показал, что ученые рассматривают терминологию как отдельный и самостоятельный аспект, имеющий свой конкретный предмет, методы и структуру [8, 12, 14] как в теории, так и в прикладном аспекте. В то же время они указывают на мультидисциплинарный подход к изучению использования научных и профессиональных терминов. В данной работе наиболее интересны работы лингвистов, анализирующих лексико-лексикографические особенности англо-русского научно-технического перевода терминов [4]. Принимая во внимание точку зрения П. Ф. Бенитеса и С. М. Мартинеса [3, 11], которые приходят к выводу о несомненных когнитивных показателях, которыми обладают термины, согласимся с исследователями, что формирование и перевод терминологии в различных областях науки на английский и русский языки имеет свои особенности и трудности, для преодоления которых необходимо совершенствовать подходы и методы.

В данном исследовании рассматриваются термины, используемые в одной отрасли, образующие единую терминологическую систему. С. В. Гринев-Гриневиц определяет понятие терминологической системы как упорядоченный набор терминов, причем отношения между ними, отражают отношения между понятиями, называемыми этими терминами и являются устойчивыми [6]. На основании анализа исследовательских работ упомянутых авторов можно суммировать, что в настоящее время лингвистами представлено большое количество различных классификаций терминов, которые основаны на сфере их использования, предметной области, структуре содержания, категории обозначаемого понятия, хронологических характеристиках.

Исследование использования специальной терминологии проводится для выявления количественных показателей структурно-семантического деления терминов на материале научных текстов, представленных в Scientific American. Выбор этого журнала для определения принципов функциональной терминологии обусловлен тем, что в нем публикуются научные статьи в области физики. Принцип отбора из текстов статей основывался на семантике терминов и их соответствии научному направлению «Физика», а также их наличию в различных лексикографических источниках.

Для более детального изучения специальной терминологии, используемой в научных текстах англоязычных авторов, в исследовании используется метод количественного анализа пяти типов терминов различных систем классификации. Согласно количественному анализу, в структурной классификации выявленных терминов преобладают словесные термины, то есть термины, состоящие из одного слова (в основном, существительного).

Таблица 1 - Количественный анализ структуры терминов в научных текстах англоязычных авторов

Вид термина	Количество терминов	Процентное соотношение	Примеры
Термины-слова	49	55%	Anode
Термины-словосочетания	40	45%	Nuclear energy
Общее количество	89	100%	

Термины-слова встречаются в 49 примерах, что составляет 55% от общего количества проанализированных терминов. Несколько реже в анализируемых научных текстах используются термины - словосочетания различных структурных моделей. Эти словосочетания наблюдаются в количестве 40 единиц, что составляет 45% (см. Таблицу 1).

Таблица 2 - Количественный анализ семантики терминов в научных текстах англоязычных авторов

Вид термина	Кол-во терминов	Процентное соотношение	Примеры
Термины объектов	60	54%	Nuclear power
Термины процессов	29	26%	Electrical pulse
Термины физических явлений	23	20%	Biasing impedance
Общее количество	112	100%	

Объектные термины используются в исследуемых научных текстах в количестве 60 единиц (54%). Термины процесса являются вторым, наиболее часто используемым термином (26%). Третье место по количеству терминов занимает группа терминов, обозначающих физические явления (20%). Результаты количественного анализа представлены в таблице 2.

Выводы

Сравнивая случаи и особенности использования физических терминов, можно предположить, что выбор тех или иных вариантов физических терминов в англоязычных научных статьях обусловлен наличием ряда факторов:

- оттенок лексического значения, влияющий на интерпретацию научной информации;
- преобладающая частота использования одного термина в авторитетных источниках, что приводит к менее частому использованию другого;
- отсутствие влияния на интерпретацию информации;
- во избежание лексических повторов при написании статьи.

Количественный расчет показывает доминирующее положение объектных терминов в научных американских статьях (54%). Статистика также показывает, что термины-слова (49%) используются чаще, чем термины-словосочетания (45%).

Несмотря на актуальность теоретических и практических проблем перевода с английского на русский, по сей день существует значительный перечень проблем, которые сопровождают этот процесс, таких как структурные особенности специальных терминов и особенности перевода терминов. Кроме того, в настоящее время нет полного списка стабильных конструкций, которые следует использовать для перевода таких лексических единиц. Наконец, по мере того, как физическая терминология продолжает развиваться, она наполняется новыми и новыми терминами, для которых еще нет вариантов перевода, что также является проблемой для переводчика.

Список литературы

1. Баранова А.Р. Diachronic tree of computer terms /A.R.Baranova, K.F.Makayev, N.A.Sigacheva//Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. - 2019. - Vol.11, Is.8 Special Issue. - P.456-461
2. Борисова Л.И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода / Л. И. Борисова // Учебное пособие. М.: МПУ, 2001. - 208 с. - URL: <https://www.twirpx.com/file/1924307/> (дата обращения: 20.02.2019).
3. Бенитес П.Ф., 2020. Когнитивный сдвиг в терминологии и специализированном переводе. - URL: https://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/13039/1/MonTI_01_10.pdf (дата обращения: 12.04.20)
4. Вайнштейн М.А. Сравнительный анализ лексикографической терминологии на английском и русском языках. - URL: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/sopostavitelnyj-analiz-leksikografi> (дата обращения: 12.04.20)
5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностранных языков. Методическое пособие. Москва: ИД «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. - 416 с. - URL: <https://gigabaza.ru/doc/67469.html>
6. Гринев-Гриневиц С.В. Терминология. / С. В. Гринев-Гриневиц. - М.: Издательский центр «Академия», 2008. - 304 с. - URL: <https://www.twirpx.com/file/1290154/> (дата обращения: 27.03.2019).
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб.для ин-тов и фк. Иностр. яз. - М.: Высшая школа, 1990. - 253 с. - URL: <https://gigabaza.ru/doc/57872.html>
8. Кутина Л.Л. Становление физической терминологии в России / Л. Л. Кутина-Л.: Наука, 1966. - 288 с. - URL: <https://www.twirpx.com/file/2159700/>. (дата обращения: 06.03.2019).
9. Лейчик В.М. Терминология: предмет, методы, структура, 2007. - 3-е изд. /В. М. Лейчик. - М.: Издательство ЛКИ, 2007. - 256 с. - URL: <https://www.twirpx.com/file/835428/> (дата обращения: 27.03.2019).
10. Михайлова К.В. Особенности формирования физической терминологии на английском и русском языках. - URL: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/osobennosti-formirovanija> (дата обращения: 20.02.2019)
11. Мартинес, М. Терминологическая компетентность в области перевода. - URL: <http://lexicon.ugr.es/pdf/monterofaber2009.pdf> (дата обращения: 12.04.20)
12. Махлин Б.Ю. Тетрадь новых терминов №120. Англо-русский язык. Термины по атомной энергии / Б.Ю. Махлина. - М.: Бюро переводов ВИНТИ АН СССР, 1988. - 70 с. - URL: <https://www.twirpx.com/file/1779811/> (дата обращения: 27.03.2019).
13. Рябова Е.А. Теоретические аспекты изучения терминов / Е. А. Рябова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: языкознание. - 2009. - нет. 2. - Стр. 86-91. - URL: <https://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1131> (дата обращения: 27.03.2019).
14. Сакаева Л.Р. Особенности перевода терминов нанотехнологического дискурса / Л.Р. Сакаева, К.Р.Хуснутдинов (2019). Казанский лингвистический журнал. 2019. 2 (2): 54-66.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА*10.02.19*

¹Г.Г. Асхадуллина, ¹Д.Х. Хуснутдинов канд. филол. наук,
¹Р.К. Сагдиева канд. филол. наук, ²Р.Р. Галиуллин канд. филол. наук

¹Казанский федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра татарского языкознания,
Казань, domer1982@mail.ru,

²Набережночелнинский государственный педагогический университет,
кафедра русской и татарской филологии,
Набережные Челны, r.galiullin@mail.ru

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И ИХ СИМВОЛИКА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения национально-культурной символики чисел татарского языка, результаты исследования нумерологического кода культуры помогут выявить общее и особенное в языковой картине мира этнически разных, в то же время длительное время контактирующих народов. В татарской лингвистике изучение проблемы лингвокультурологического характера находится в стадии становления.

Целью статьи является описание лексико-семантических характеристик числовой символики в татарском языке в лингвокультурологическом аспекте. Понимания мира через призму чисел, анализ символики позволит проанализировать специфику их миропонимания, лучше понять законы человечества, свойственные лексической семантике, установить связь языка и культуры, рассмотреть и подчеркнуть реальную значимость числительных в диахронном и синхронном аспектах.

Ключевые слова: *числовая символика, семантическая структура, лингвокультурологический аспект, числовая модель, языковая картина.*

На современном этапе в языкознании все чаще и чаще активизируются исследования в лингвокультурологическом плане. Рассматриваются проблемы связи языка и культуры, языка и мифологии, языковая картина, национальный образ мира [1], лингвокультурная лексика [2; 3]. Язык рассматривается в разнообразных функциях, где он тесно взаимосвязан с менталитетом народа, духовным и материальным миром, народным творчеством, мифологией. Язык воспринимается как вербальный код и модель культуры, которая становится объектом изучения лингвокультурологии.

По словам Р.Р. Замалетдинова, главные составляющие национальной картины мира – культурные ценности, являющиеся фундаментальной категорией каждого отдельно взятого народа [2].

В лингвокультурологии татарского языка исследуются ценные языковые концепты духовной и материальной культуры. Концепты рассматриваются на основе обрядовой терминологии, тематической лексики. Изучается лексическая и языковая особенность фразеологических единиц, пословиц и поговорок татарского языка [5; 6; 7]. В татарской лингвокультурологии не решенным остается проблема выявления и описания содержания этнолексем с числовым показателем, где число содержит богатую языковую семантику, культурную символику.

Исследование прагматики числовой символики представляет ценные сведения о менталитете народа, демонстрирует возможности культурологического изучения языковых средств, раскрывающих сущность лексического значения числовых понятий.

Задача нашего исследования – выявить и интерпретировать символику чисел в русских и татарских сказках с помощью сравнительного анализа. Для анализа были выбраны числа, имеющие сакральное значение как в русском, так и в татарском языке – *бер* (один), *өч* (три) и *жиде* (семь).

Как показывают результаты исследования, числовой комплекс, формирует числовые представления татарского и русского народа в рамках национальной картины мира. Интересными представлениями о мире являются числительные *бер* (один), *өч* (три) и *жиде* (семь). Символичность этих чисел закреплена в духовной и материальной культуре, верованиях, обычаях и обрядах, заговорах, мифологических и космологических представлениях, фольклоре и языке народа. Числовые компоненты более продуктивны в идиоматике современного русского языка [7].

Л.Р. Гизатуллина в своих научных исследованиях отмечает, что «в разных частях земного шара люди независимо друг от друга пришли не просто к сходным, а к идентичным взглядам» [1].

Число *бер* (один) в татарском и русском языке имеет схожие характеристики в значении: один-единешенек, одинокий; самый лучший, совершенство; одинаковый, похожий друг на друга, схожие; когда-нибудь, однажды; один (-а, -и), некоторые и т.д. [4].

По частоте употребления в поговорках и широте охвата сфер употребления число *бер* (один) занимает лидирующее место среди чисел в татарском языке: *Бер бакчаның жимеше*. (Одного поля ягоды). *Жиде кат үлчә, бер кат кис*. (Семь раз отмерь, один раз отрежь).

Интересным для изучения является число *өч* (три). Данное число в татарском языке имеет глубокое символическое значение. Это число является составляющей частью представлений человека как самых сокровенных и общих (множественных) вещей. Исходя из этого число *өч* (три) находит широкое употребление в культурных традициях, обычаях и текстах народного фольклора. Так, мифологическими героями многих татарских сказок являются три брата, которые спасают трех дочерей короля, сражаются с трехглавыми змеями, драконами, путь-дорогу проходят за три месяца: *Өч ай дигәндә тауның аргы ягына төшеп житте*. (Букв.: Не прошло и трех месяцев, спустился на другую сторону горы). *Кыш көне өч эчлән кигәнче, бер тун ки*. (Букв.: Зимой лучше одеть одну шубу, чем три азяма). *Эчмәм дигән коедан өч айләнен су эчәрсен*. (Букв.: К колодцу из которого не хотел пить, три раза вернешься попить. Не плюй в колодец – придётся напиться) [3]. В национальном менталитете татар все делится на три. Это свойство запечатлено в пословице: *Еланны өчкә киссәң дә, чикерткалек хәле бар*. (Букв.: Даже разрезав змею на три части, у нее остаются силы кузнечика).

Число *жиде* (семь) в татарском языке, будучи заимствованным от общетюркского *yete*, *yetti* – семь, употребляется не только в значении цифры, но и в значении очень много, множество раз. В.З.Панфилов полагает, что тюркским числом *жиде* (семь) заканчивался подсчет, актуализирующая значение достижения. Поэтому оно имеет сакральный характер в представлениях народа [3].

По космологическим представлениям татар, земля и небо состоят из семи слоев. Отсюда и пословицы и фразеологизмы: *жиде кат күкләргә менү* (букв.: подниматься на седьмое небо (прыгать от счастья)); *жиде кат жир астында* (букв.: под семью слоями земли (за семью замками, на краю земли)).

Число *жиде* (семь) широко употребляется в татарских пословицах и поговорках: *Жиреннән аерылган жиде ел елар, иленнән аерылган үлгәнче елар*. (Букв.: разлученный с землей будет рыдать семь лет, разлученный с родиной будет рыдать до самой смерти). *Ләйсән суын жиде ел сакласаң, энҗегә әверелер, имеш*. (Букв.: если хранить воду первого весеннего дождя семь лет, она превратится в жемчуг) [3].

Жиде (семь) связана с категорией времени – год: *Бер эт үгезнең бер кабым ите төшөп калмасмы дип, жиде ел йөгегән, ди*. (Букв.: собака семь лет ожидала, пока не выпадет кусочек мяса быка); месяц: *Жиде айлык житез була*. (Букв.: семимесячный оказывается шустрым (до сегодняшнего дня существует поверие, что недоношенный ребенок бывает шустрее, чем другие дети); день: *Бәйрәм байга атнага жиде көн бәйрәм*. (Букв.: Байрамбаю

семь дней в неделю праздники; ленивому каждый день праздник); час: *Жидеда жиде сэгать суга*. (В семь часы быют семь раз) [3].

Семь – это самое сакральное число у всех народов. В культуре тюркских народов число семь играет большую роль, особенно в мифологии и в фольклоре: семь богов (со времен язычества), семь небесных сфер, семь богатырей, семь ворот. Семь символизировало целостность мироздания, опираясь не только на языческую, но и православную числовую символику. В целом число семь зачастую обозначает некую целостность, максимальное количество.

Наиболее часто компоненты семь и семеро используются в пословицах и поговорках, характеризующих отношение человека к труду. Так, в данной тематической группе выделяются пословицы, которые строятся на противопоставлении: меньшинство трудится – большинство бездельничает: *Жиде авылга бер ат*. (На семь деревень одна лошадь). Числительное семь в данном случае выступает как символическое значение, которое имеет значение большинства.

Семь – число совершенства природы, число конечного решения. Заимствованная поговорка из русского языка *Жиде кат улча, бер кат кис* (Семь раз отмерь, один аз отрежь) говорит именно о правильности конечного выбора.

Числа составляют основу символики. В числах присутствует функция выражения этнокультурного значения. Числовая модель выстраивается как фрагмент языковой картины мира, а значения закрепляются в фольклорных текстах народа (в мифологии, в языке), и, тем самым, является неотъемлемой частью духовной культуры народа. В контексте число теряет числовое значение и приобретает скрытое, сакральное, символическое, магическое значение. В татарском языке имена числительные в составе определительных конструкций несут лингвокультурологический потенциал, характеризуя тем самым особенности национальной картины мира.

Особый интерес представляют те результаты исследований, которые позволяют выявить специфическое восприятие обозначаемого ментального конструкта представителями национально-этнического сообщества.

Список литературы

1. Гизатуллина Л.Р. Нумерологические фразеологические единицы в английском и татарском языках: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. 170 с.
2. Замалетдинов Р.Р. Национально-языковая картина татарского мира: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.02 / Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН Респ. Татарстан. – Казань, 2004. 38 с.
3. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. 1-3 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 345 б.
4. Мугтасимова Г.Р. Лексика татарских народных пословиц (Устаревшая лексика, диалектизмы и русско-европейские заимствования): Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. – Казань, 2004. 187 с.
5. Файзуллина Г.Ч. Номинации человека в татарских народных говорах Тюменской области. – Казань: Отечество, 2016. 285 с.
6. Чернева Н.П. Семантика и символика числа в национальной картине мира (на материале русской и болгарской идиоматики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. 23 с.
7. Gizatullina A., Hayrutdinova G., “Figurative Potential of Russian Hydronyms in the Poetry of 19th – 20th Centuries”, Journal of History Culture and Art Research, 2017, 6(4), Pp. 489-496.

10.02.19

**Н.В. Возмищева канд. филол. наук, Г.Е. Поторочина канд. педагог. наук,
М.Н. Смирнова канд. педагог. наук**

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко,
кафедра иностранных языков и удмуртской филологии,
Глазов, natalymag@mail.ru, potorochina1959@mail.ru, dozentggpi@yandex.ru

О ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ РАБОТЕ С АУТЕНТИЧНЫМИ ТЕКСТАМИ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

В работе представлены результаты изучения проблемы формирования межкультурной компетенции посредством работы с аутентичными текстами различного типа на национальных языках. Подчеркивается необходимость принятия во внимание ряда моментов при работе с аутентичными текстами: лингвоконцептологического наполнения, аксиологического и лингвокультурологического подхода к переводу, учета особенностей современной системы ценностей этноса. Рассматриваются некоторые особенности аутентичных текстов разного типа.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, аутентичные тексты, исторические тексты, современные художественные тексты, современные нехудожественные тексты.

Актуальность темы данного исследования определяется возросшими требованиями, предъявляемыми к студентам-языковедам на современном этапе развития общества: они должны быть не только высококвалифицированными специалистами, профессионалами своего дела, но и уметь общаться с носителем иностранного языка, как в контексте своей профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни. Для этого требуется не просто знание лексики и грамматики языка, а именно культурное овладение иноязычным миром, а овладение межкультурной коммуникацией – межкультурная компетенция. Мы рассматриваем межкультурную компетенцию как совокупность личностных качеств, знаний, систем ценностей и отношений, способствующих созданию ценностно-смысловых, когнитивных, эмоционально-волевых и поведенческих результатов. Очень важно, таким образом, дать обучающимся четкое представление о мировоззрении носителей языка, их картине мира и наиболее актуальных аксиологических доминантах. Сделать это возможно посредством изучения аутентичных текстов. Мы определяем текстовую деятельность как специальным образом организованное осмысление художественно-эстетической, научной, публицистической информации с целью обнаружения в ней культуроведчески ценных данных, позволяющих проникнуть в глубинные смысловые пласты базовых культурологических концептов и сформировать систему отношений к проявлениям иной культуры [5, с. 28].

Изучением сложных отношений языка и мышления занимается такое направление современного языкознания, как когнитивная лингвистика. Объясняется бурный рост когнитивного направления признанием того факта, что между языком и реальным миром стоит человек, который воспринимает и осознает мир посредством органов чувств, создавая на этой основе представления о мире. На наш взгляд, адекватное представление о современной картине мира отдельной нации или социальной группы обеспечивается не только комплексным современным семантическим наполнением базовых культурных концептов, но и их историческим аспектом, изучением текстов национальной литературы различных периодов [1, с. 12 – 21]. Правомерность обращения к аутентичным текстам также объясняется тем, что подобные тексты отличаются особой информативностью, особенно если речь идёт об их лингвокультурном содержании. В текстах часто встречается

специфическая лексика, которая представляет для изучающих иностранный язык определенную сложность [5, с. 28 – 31]. Таким образом, интерес представляет также обучение аксиологическому переводу. Рассмотрим разновидности аутентичных текстов.

1. Исторический (не документальный) текст. Не подлежит сомнению, что в отдельных обществах (слоях общества) длительное время может преобладать определённый тип мировоззрения, что находит свое отражение, в том числе, и в создаваемых этносом текстах. Например, в эпоху Средневековья мышление характеризуется скорее как символическо-аллегорическое, нежели как причинно-следственное. Культура Средневековья имела визуальный характер, поскольку существовала постоянная потребность в зрительных образах [1, с. 56]. Ярким примером жанра, использующего яркие визуализации, является рыцарский роман. Признанным основоположником жанра классического рыцарского романа считается Кретьен де Труа, поэт из Шампани, которому принадлежат пять дошедших до нас произведений: «Эрек и Энида», «Клижес», «Ивейн, или Рыцарь со Львом», «Ланселот, или Рыцарь телеги», «Персеваль, или Повесть о Граале». В романах сверхличным идеалом, к которому стремятся герои, становится образ безупречного куртуазного рыцаря. Этого идеала очень трудно добиться, потому что он представляет собой сложный синтез, куда входят героическая доблесть, христианская любовь, рыцарская честь, куртуазное вежество, верность даме, защита слабых и обиженных. Мир испытывает героя, но не меняет его нравственных ориентиров, его позиции, его взгляда на действительность [4]. Специфика восприятия феномена рыцарства во многих отношениях определила пути развития европейской культуры и цивилизации, повлияла на формирование ментальности современных европейцев. Современные представления наших соотечественников о чести, доблести, благородстве также отчасти построены именно на аксиологических воззрениях представителей рыцарского этоса (социальной группы). Очевидно, что между культурами происходит непрерывный обмен информацией. Произведение становится объектом восприятия не только внутри той культуры, которой оно принадлежит, но и в иноязычных культурах. Именно поэтому так важно изучение аутентичных текстов в диахроническом аспекте.

2. Современный художественный текст перенимает у текста исторического представления о добре и зле и иных высших культурных доминантах. Авторы переосмысливают исконные культурные концепты и наполняют их новым смыслом, отчасти формируя новые культурные понятия. Поэтому при работе с современным художественным текстом особенно актуальна проблема обучения аксиологическому подходу к переводу. Можно выделить три основных вида перевода, используемых переводчиками: буквальный перевод, адаптированный к речи переводящего, синтезированный перевод, включающий в себя транслитерацию наименований и следование нормам языка с семантической логикой и красотой, вольный перевод, представляющий, скорее, результат личного творчества переводчика.

В качестве примера буквального перевода можно привести ранний любительский перевод цикла «Дюна» Фрэнка Герберта, где из-за буквальности и халатности переводчика терялось правильное восприятие текста. Так, слово «drugs» («лекарство, наркотик») было переведено как «друзья». Однако было бы ошибкой считать, что дело тут только в ленивости ответственного за перевод человека, поскольку тут прослеживается следование передачи на русский язык слов, непривычных для русскоговорящих людей. Это получается интуитивно в речи носителей языка, когда иноязычное заимствование изменяется при склонении по типу «друг-друзья» или «враг-вражеский». То есть, мы наблюдаем за «подгонкой» иноязычного текста при переводе под русские речевые особенности. Это пример слабого соприкосновения буквального и адаптированного вариантов перевода [2, с. 121].

Примером синтезированного перевода могут послужить варианты имён персонажей книг серии о Гарри Поттере. Разные переводы предлагают варианты имён самой различной степени буквальности и адаптационной работы, но чаще принимается вариант транслита как более подходящий содержанию. Так, существует версия имени Severus Snape – Северус

Снейп наравне с более понятной русскоязычному человеку формой – Северус Снегг. Такая разница в фамилии прослеживается из-за игры слов – она имеет параллели со словами «snake» (змея) и «snap» (резкое, отрывистое движение; злобная реплика; внезапное похолодание). Расхождения при переводе имени персонажа на русский язык разными переводчиками связаны с попытками сохранить эту игру слов [2, с. 123 – 124].

Тут можно отметить возможность совмещения разных представлений о переводах на русский язык художественных текстов, как с сохранением духа первоисточника, так и с приложением лучше воспринимаемых художественных приёмов без ущерба смыслу и идее произведения. Более всего это касается тех моментов текста, где используются фразеологизмы и пословицы с поговорками, принятые в иностранной речи, но не имеющих хорошо известных дословных синонимичных высказываний в речи русской. Например: безэмоциональное «I see» («ясно, понятно, я понял, вижу») может быть заменено разговорным сочетанием «Ясен перец», имеющим эмоционально-ироническую окраску выражения принятия к сведению какого-либо общеизвестного утверждения, что придаёт тексту яркую лексико-бытовую коннотацию. Русский язык имеет более поэтизированную и разностороннюю направленность, что усложняет его изучение представителями других народов, но позволяет более широко и свободно работать с переводимыми текстами. Именно поэтому буквальность перевода, хотя и полностью соответствующего содержанию исходного текста, воспринимается хуже, чем соответствующий духу произведения перевод, допускающий в отношении переложения текста на русскую почву некоторые вольности [2, с. 124 – 125].

В наше время так же широко распространена практика вольного перевода, когда произведение прозаического или поэтического формата меняет свою форму в некоммерческих работах переводчиков, пробующих свои силы в создании иных интерпретаций интересующих их текстов – так называемых «фанфиков» (от англ. «fan fiction» – произведения, написанные фанатами). В большей части случаев эти переводы лишь совсем немного опираются на исходный текст, предоставляя взгляды, проблемы и идеи, сильно отличающиеся от содержимого оригинального произведения [2, с. 125 – 126].

Таким образом, качество перевода художественного произведения зависит во многом от стиля языка переводчика и его индивидуальных понятий о значении произведения. При обучении переводу следует учитывать лингвокультурологические особенности языка оригинала и принимающего языка. Именно этот подход позволяет формировать межкультурную компетенцию изучающего иностранный язык студента.

3. Современный нехудожественный текст можно считать отражением современного облика этноса и культурных традиций нации. Особенно показательны в этом плане тексты газетных заголовков. Газеты навязывают людям какую-либо точку зрения так, что им верят. Более того, читатели начинают думать, что они сами пришли к тому или иному заключению, сделали выводы. Создание правильных заголовков и есть первая составляющая искусства управления. Далее мы рассмотрим заголовки крупнейшей немецкой газеты-таблоида «Bild» [3, с. 171].

«Martin Luther Deutschlands erster Popstar». («Мартин Лютер – первая немецкая поп-звезда».) Первый заголовок, и сразу же нам представляется целый букет особенностей: отсутствие глагола, т. е. использование эллиптической конструкции; разговорная речь и одновременно использование английского заимствования (pop-star); языковая игра и заголовок-загадка. Ниже написано: «Er veränderte die Welt, liebte die Frauen, mochte Wein und Gesang». («Он изменил мир, любил женщин, хотел вина и петь».) Данная фраза является завуалированным обращением к читателю. Суть состоит в том, что Мартин Лютер был обычным человеком, несмотря на его огромный вклад в историю Германии [3, с. 171 – 172].

«Heute brauchen wir die eiserne Kanzlerin». («Сегодня нам нужен железный канцлер».) Здесь присутствует оценочная лексика, в качестве заглавия выбран вид тематического заголовка, однако ниже под ним также присутствует цитата одного из политиков: «Keine neue Milliarden für Griechenland». («Нет новым миллиардам для Греции»). Данная газета

вышла перед саммитом в Брюсселе, где европейские лидеры хотели обсудить, будет ли продолжаться помощь Греции и каким образом. Газета пыталась жёстко навязать свое мнение общественности [3, с. 171 – 172].

«*Wir sind Papst!*». Номер, вышедший под этим заголовком, входит в число самых популярных за всю историю существования издания, риторическое высказывание основано на заявлениях «Мы», таких как фраза «Мы – чемпионы мира», которые часто можно услышать после завоевания Кубка мира по футболу. Заголовок является примером риторического стилистического устройства *totum pro parte* (целое вместо части) и предполагает особую идентификацию немецкого населения со «своим» папой Бенедиктом XVI. В кратком сообщении под заголовком в газете сказано, что Бенедикт был «первым немцем в священном кресле за 482 года». Заглавие было настолько популярно, что в 2015 году известная немецкая музыкальная группа *Saltatio Mortis* («Пляска Смерти») выпустила песню с таким же названием «*Wir sind Papst*» [3, с. 171 – 172].

Проанализировав заголовки газеты «Bild», мы можем заявить, что там используются разговорная и оценочная лексика, обращения, приёмы языковой игры, эллиптические конструкции. Такие заголовки оказывают сильное воздействие на умы читателей и управляют их сознанием. Таблоиды агрессивно навязывают свои идеи, именно поэтому они являются самыми массовыми и популярными изданиями [3, с. 172].

Отметим, что особенности мира идей и понятий, духовных интересов человека, отраженные языком, постоянно привлекают внимание исследователей. Особенный интерес в этом плане представляют аутентичные тексты на национальных языках, поскольку посредством изучения подобных текстов происходит формирование межкультурной компетенции – сложный процесс, являющийся неперенным условием карьерного роста специалиста в области иностранных языков. Для формирования межкультурной компетенции при работе с аутентичными текстами необходимо учитывать ряд моментов: лингвоконцептологическое наполнение, аксиологический и лингвокультурологический подход к переводу, особенности современной системы ценностей этноса.

Список литературы

1. Возмищева Н.В. Языковая репрезентация аксиологических доминант концептов «грех» и «добродетель» в художественной картине мира Средневековья: XII - XIV вв. [Текст] / Н.В. Возмищева. – дисс. на соискание науч. степ. канд. филол. наук. – Глазов, 2015 – 214 с.
2. Знобишин Д.В. Сложности при переводе и адаптации английских художественных текстов [Текст] / Сборник «Воспитание будущего учителя-исследователя». Сборник материалов по итогам научной сессии студентов «Традиции и инновации в педагогическом образовании». – Глазов: ГГПИ, 2019 – с.121 – 126.
3. Коробова Е.А. Искусство кричащих заголовков на примере жёлтой прессы в Германии [Текст] // Проблемы школьного и дошкольного образования: материалы X региональной научно-практической конференции «Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений» (электронное науч. изд. на компакт-диске). – Глазов: ГГПИ, 2019. – 7,00 Мб.
4. Косиков Г.К. История французской литературы: Учебник [Электронный документ] / Л.Г. Андреев, Н.П. Козлова, Г.К. Косиков, – 2002. – Режим доступа: <http://svr-lit.ru/svr-lit/srednie-veka-france-vozzrozdienie/index.htm> (дата обращения: 18.01.2021).
5. Смирнова М.Н. Использование аутентичных текстов при обучении переводу на занятиях по иностранному языку» [Текст] / Инновационные технологии и методы обучения иностранным языкам: сб. науч. ст. по материалам 8-й международной научно-практической конф. «Актуальные вопросы языковой динамики и лингводидактики в когнитивном аспекте» / М.Н. Смирнова. – Чебоксары.: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011. – с. 28 – 31.

10.02.19

М.Б. Давлатмирова д-р филол. наук

Российско-Таджикский (Славянский) университет,
факультет иностранных языков,
кафедра теоретического и прикладного языкознания,
Душанбе, davlatmirova.manizha@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ “ТАҚДИР” (СУДЬБА) В ТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящается рассмотрению реализации лексемы “Тақдир” (Судьба) в современном таджикском языке на материале текстов Национального корпуса таджикского языка XX и XXI вв. Данные Национального корпуса таджикского языка дают возможность выявить всевозможные словоформы, идиомы, метафоры, устойчивые сочетания слов с лексемой “Тақдир” (Судьба) современного таджикского языка.

Ключевые слова: лингвокогнитивистика, Национальный корпус таджикского языка, лексема “Тақдир” (Судьба), паремиологический фонд.

Важная особенность исследования концепта заключается в изучении и выявлении национальной специфики концепта путем применения различных методов и подходов исследования. Для этого необходимо определить репрезентацию исследуемого концепта в языке. Одним из эффективных методов выявления частотности использования слов, лексем, репрезентирующих исследуемый концепт является использование материала Национального корпуса языка.

В Таджикистане создание Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ) осознается как одна из актуальных задач компьютерной лингвистики. Поэтому в начале XXI века профессор Д.М. Искандарова в своих исследованиях неоднократно указывает на необходимость создания корпусов текстов на таджикском языке [2-4].

В настоящее время в НКТЯ входят произведения на литературном таджикском языке современного периода, изданные в XX и XXI вв. В корпусе представлены следующие жанры: проза, поэзия, драма, публицистика, научная и учебная литература, мемуарно-библиографическая литература, религиозная литература, политическая литература, юридическая литература и газетная публицистика [4, с. 28].

Для выявления и определения всех возможных репрезентантов концепта, существующих в современном исследуемом языке, необходимо провести исследования на материале НКТЯ, который дает богатый материал для анализа, путем которого можно выявить все возможные коннотации концепта, частотность использования слов, репрезентируемых концепт, семантическое поле, национальную специфику, а также ментальные особенности исследуемого концепта и выбрать ключевые слова для обозначения исследуемого концепта.

На основе лексикографических, семантических, ассоциативных данных был построен синонимический ряд макроконцепта «Судьба» в таджикском языке, а также было определено ключевое слово для выражения понятия «Судьба» в таджикском языке. Это слово “Тақдир”. Арабское отглагольное *тақдир* 1. Андоза намудан, киёс кардан, тахмин кардан “измерять”; 2. тассавур кардан, фарз кардан, пиндоштан “предполагать”; 3. қазо, қадар, сарнавишт “судьба, участь, удел, рок; предначертание, предопределение” в таджикском языке сохраняет исконные арабские значения [1, с. 68].

В данной статье мы проведем лингвокогнитивное исследование ключевого слова «Тақдир» (Судьба), опираясь на НКТЯ с целью выявления национально-специфических особенностей макроконцепта “Судьба” в языковом сознании носителей таджикского языка современного периода.

В ходе данного исследования для фиксации, описания и анализа лексемы «Такдир» использовался НКТЯ (<http://tajik-corpus.org>) [5], характеризующий таджикский литературный язык современного периода (XX и XXI вв.), отражающий особенности языка предшествующих эпох и язык современного носителя в текстах произведений различных жанров и стилей, что представляет собой национально-специфическую значимость и духовную культуру таджикского народа.

В результате поиска лексемы «Такдир» найдено 8518 словоформ в 1081 предложении, примерно в 336 документах. При лемматизации слова «*тақдир*» найдена суммарная частотность: 2532 в 707 документах. Словоформа “*Тақдири*” найдена 50594, 1833 предложений в 563 документах. На словоформу “*Тақдирро*” найдено 40 примеров, 40 предложений примерно в 34 документах.

Таким образом, для работы с корпусом были выбраны следующие специфические выражения, устойчивые сочетания, метафоры с национально-культурными особенностями: *Ба тақдир тан додан* “покориться судьбе”; *Тақдири талх* “горькая судьба”; *Дастии тақдир* «рука судьбы»; *Ҳадяи тақдир* “подарок судьбы”; *Тақдири пешонӣ* “судьба; начертанное на лбу”; *Тақдирсоз* “судьбаносный”.

Представленные сложные идиоматические выражения, опорные компоненты, связанные с толкованием макроконцепта «Такдир» (Судьба) в таджикском языке, являются частью паремиологического фонда таджикского языка.

Лексема “*Тақдирсоз*”: найдено 119 словоформ, 119 предложений примерно в 92 документах.

(*Дар ин давраи ҳассосу тақдирсоз қасам ёд мекунам, ки башумо сулҳ меорам!* «В это трудное и судьбоносное время, я клянусь, что принесу Вам мир» (Н. Абдучаббор А. 2017)). Данное сочетание слов широко употребляется в политическом дискурсе современного таджикского языка и показывает большую частотность.

В таджикской языковой картине мира широко применяются теологические ценности, которые указывают на высшую силу бога, которая предопределяет судьбу человека.

Метафора *Дастии тақдир* «Рука судьбы» - найдено 28 словоформ, 27 предложений примерно в 25 документах. (*Ин ҳадяи тўёнаи мост, ки дастии тақдир фиристодааст* «Это наш свадебный подарок отправленный судьбой» (Икромӣ Қ. 1957)).

Выражение *Тақдири бад* “Плохая, тяжёлая судьба” - найдено 18 словоформ, 18 предложений примерно в 16 документах. (*Тақдири бад доимо азобаи меод* «Тяжёлая судьба всегда мучала его» (Фараж 2018)).

Фразеологизм *Ба тақдир тан додан* “покориться судьбе”: найдено 14 словоформ, 8 предложений примерно в 7 документах. (*Саманд пай бурд, ки лоимкон аст, ба тақдир тан додан* *рост меояд* «Саманд понял, что невозможно что-то сделать, нужно покориться судьбе» (Туграл Сорбон 2009)).

Лексема *Тақдирчунбон* - найдено 10 словоформ, 9 предложений примерно в 9 документах. (*Меғӯянд, ки тақдирро тақдирчунбон лозим* «Говорят, что для судьбы нужен вершитель судьбы» (Ovozi Tojik 2018)).

Метафора *Тақдири пешонӣ* - найдено 9 словоформ, 9 предложений примерно в 8 документах. (Чунин будааст кори дунё... *тақдири пешонӣ* «Таково дело вселенной ... такова судьба...» (Сорбон 2009)).

Метафора *Оташи тақдир* “огонь судьбы”: найдено 9 словоформ, 7 предложений примерно в 5 документах. (*Чун хамираи нарм охир оташи тақдир кард* “Огонь судьбы смягчал его” (Сунбулкон Муродӣ А. 2018)).

Метафора *Ҳадяи тақдир* “подарок судьбы”: представлено 7 словоформами, 7 предложений примерно в 6 документах. (*Ишқи ту дар синаи ман ҳадяи тақдир буд* «Твоя любовь для меня была словно подарок судьбы» (Шерали Л. 2004)).

Устойчивое сочетание *Тақдири азалий*: найдено 6 словоформ, 6 предложений примерно в 5 документах. (*Шояд тарсу ҳарос аз тақдири азалий бошад, – афзуд Вардан.* «Возможно страх от неизбежной судьбы, – сказал Вардан» (Бароти А. 2006)).

Метафора **Тақдири талх** “горькая судьба”: найдено 3 словоформы, 3 предложения примерно в 3 документах. (*Ўро воқеаи нохушу тақдири талх гӯё мунтазир буд.* «Как будто его ждала горькая судьба и несчастный случай» (И. Тоҳирӣ Д. 2012)).

Подводя итоги исследования, отметим, что в таджикском языке метафоры, идиомы, устойчивые сочетания слов с лексемой «**Такдир**» играют важную роль в художественных, публицистических, научно-популярных, фольклорных, разговорных текстах XX – начала XXI века, зафиксированных в достаточном объёме в базе НКТЯ.

Таким образом, макроконцепт «Такдир» (Судьба) занимает важное место в традиционной культуре таджикского народа в его паремиологическом фонде, религии и философско-этической системе. В языковом сознании таджикского народа «Такдир» (Судьба) тесно связана с Исламом. Образуя на языковом уровне (лексика и фразеология) богатое семантическое поле, макроконцепт «Такдир» (Судьба) в таджикском языке и культуре характеризуется чертами структурной и типологической общности, имеющими динамику развития.

Список литературы

1. Давлатмирова М.Б., Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «Судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): дис... доктора филологических наук. – Душанбе, 2019. – 388 с.
2. Искандарова Д.М., Корпус Рудаки и его лингвистическая обработка// Материалы международной конференции, посвященной юбилею Рудаки. – Душанбе: РТСУ, 2008.
3. Искандарова Д.М., Актуальные проблемы языкознания в РТ: состояние, задачи. Перспективы// Материалы круглого стола “Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в РТ”. – Душанбе, 2011. С. 6 – 10.
4. Искандарова Д.М., Проблемы создания Национального корпуса таджикского языка /Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в РТ. – Душанбе, 2020. С. 26 – 39.
5. Национальный корпус таджикского языка. - <http://tajik-corpus.org>

*10.02.19***А.М. Емельянова канд. филол. наук, Л.И. Овчинникова**

Уфимский юридический институт МВД России,
кафедра иностранных и русского языков,
Уфа, aksme@yandex.ru, louisa_1990@mail.ru

ЭРГОНИМИКА Г. УФЫ: ВЫВЕСКА КАК ТЕКСТ

Статья посвящена изучению официальных наименований коммерческих объектов городского пространства г. Уфы. Авторы статьи исследуют городские эргонимы как один из видов текста. В работе представлен краткий анализ функций эргонима.

Ключевые слова: *вывеска, ономастическое пространство, русский язык, социолингвистика, текст, эргоним.*

Текст – многоаспектный объект исследования в языкознании. Внутренняя работа человека над текстом складывается в особые технологии, которые в последние годы все более привлекают внимание лингвистов, что обусловлено как социальными потребностями, так и логикой внутреннего развития самой науки.

Вывеска – это один из наиболее интересных видов текста, причём лингвистические исследования ее структурной организации лишь частично стали объектом научного исследования. В рамках данной статьи вывеска рассматривается как синоним эргонима. Под эргонимами понимаются единицы языка города, определяемые как названия отдельных предприятий: коммерческих, спортивных, объектов культуры и других деловых объединений людей [2].

Определяя параметры социолингвистического подхода к вывеске, необходимо учесть мнение о социолингвистике известного языковеда Ф.П. Филина, многие годы посвятившего изучению языка как общественного явления: «Язык – создание общества, и в нем всё общественно. Что же в таком случае нужно понимать под социолингвистикой? Пока что в этот термин вкладывается различное содержание, границы которого очень неясны. По-видимому, за ним нужно закрепить два значения: 1) изучение зависимости языка, его структуры от общества, иначе говоря, социальной обусловленности языковых явлений; 2) изучение общественных функций языка, его роли в обществе, воздействия на общество. Разумеется, оба эти значения тесно связаны друг с другом и составляют единый комплекс проблем» [4].

Учитывая, что эргонимы – это единицы ономастической науки, целесообразно вспомнить слова популярного ономатолога В.Д. Бондалетова о взаимодействии общества и языка. Вскрывая основные проблемы социолингвистики, он пишет: «До последнего времени социолингвистика более интересовалась языковыми контактами, языковой дифференциацией. Настало время расширить сферу социолингвистики: активная позиция людей... ставит перед лингвистами проблему постоянного и глубинного взаимодействия между языком и его носителями» [1].

Всё это ещё раз подтверждает, что взаимодействие между языком и обществом является актуальной проблемой социолингвистики. Социальная обусловленность языковых явлений, общественные функции языка, воздействие языка на общество – эти проблемы активно разрабатываются лингвистами в наше время, в связи с чем рассмотрение вывески с точки зрения социолингвистики актуально и своевременно. Конкретизируя центральные проблемы социолингвистики на данном объекте, можно определить параметры исследования эргонима-вывески с точки зрения социолингвистики: 1) социальная обусловленность вывесок; 2) функции вывесок; 3) воздействие вывесок на общество.

Социальная обусловленность вывесок-текстов предполагает рассуждение о многонациональности населения города, а также анализ социальных сфер.

Социальные сферы использования вывесок в г. Уфе очень разнообразны, что обусловлено, в первую очередь, полиэтничностью столицы Башкортостана: здесь проживает большое количество различных народностей: русские, башкиры, татары, украинцы, чуваша, марийцы, белорусы, мордва, евреи, немцы, другие национальности (список составлен согласно процентному соотношению в рамках переписи населения 2010г. – прим. автора) [3]. На указанных языках издаются республиканские газеты, еженедельники, называются клубы, ассоциации, телепередачи, а также магазины, кинотеатры, общества с ограниченной ответственностью и другие общественные предприятия.

В основном же наблюдаются вывески на башкирском и русском языках, причиной тому служат прочно установившиеся политические, культурные, экономические, производственные и прочие связи в течение долгого времени проживающих совместно башкир и русских, которых в Башкортостане заметно большее количество, чем остальных народностей.

Социальные сферы использования вывесок:

- 1) сфера хозяйственной деятельности (фирма «Мир», баня «Юындыр»);
- 2) сфера общественно-политической деятельности («Областной Совет Профсоюзов», ассоциация башкирских женщин «Ак калфак»);
- 3) сфера быта (кафе «Нэркес», магазин «Аккош», аптека «Табиб»);
- 4) сфера организованного обучения («Башкирский государственный педагогический университет»);
- 5) сфера художественной литературы (магазин «Китап» / «Книга»);
- 6) сфера эстетического воздействия («Башкирский государственный театр оперы и балета», художественная галерея «Сангат», театр «Нур»);
- 7) сфера обслуживания (ресторан «Тансулпан», гостиница «Ак Тау»).

В рамках данной статьи представлены примеры лишь части социальных сфер современности, однако вывеска охватывает их все. Среда общения также широка и разнородна, начиная с семейного и заканчивая общечеловеческим.

Несмотря на то, что сферы и среды находятся за пределами языка, они интересуют нас как конкретные условия непосредственного «местопребывания» эргонима-вывески. Знание социальных условий проливает свет на более глубокое понимание общественной сущности вывески и общественных условий ее функционирования и развития.

Исходя из выделенных сфер и сред употребления вывески, т.е. социальных условий существования, эргоним можно классифицировать следующим образом: по специфике товаров и услуг («Китап» (башк. книга), «Адвокаты», «Аптека 36,6»); по полу обслуживаемых покупателей («Батыр» (башк. богатырь, «Барби», «Гузель» (башк. красавица); по профессиональному составу покупателей («Товары для садоводов», «Табиб» (баш. Врач); по социальному положению покупателей («Дешевле не бывает», «Стиль Франции», «Экономка», «Леди Шик», «Лакшери»); по возрастному составу покупателей («Детский мир», «Ветеран», «Леди и Джентльмены»); по наличию хобби и увлечений («Игроман», «Чемпион», «Шахматист») и др.

Общественная сущность и назначение вывески сосредоточены в нескольких основных функциях:

- 1) номинативной – вывеска называет учреждение (торговый центр «Башкортостан», кафе «Ассоль», ателье «Азамат»);
- 2) коммуникативной – функции передачи сообщения, информации. Наличие у вывески этой функции определяется ее назначением. Вывеска – это посредник между спросом и предложением, между учреждением и потребителем, через которого происходит их общение. Сюда следует включить информативную функцию – вывеска сообщает о товарах, покупателях, услугах, владельце и так далее («Чайхана» – место, где пьют чай, «У Марата», «Мир джинсов», сауна «Юындыр» (баш. помой, умой);

3) рекламной – вывеска привлекает внимание потребителей («32 жемчужины», «Дешевле не бывает», «Заходи», «Айда»).

Дополнительно нужно обозначить экспрессивную (выражение сообщения), конструктивную (формирование сообщения) и аккумулятивную (накопление общественного опыта и знаний) функции.

Чтобы вывеска адекватно воспринималась и запоминалась реципиентами, нужно стараться не нарушать этих функций, придерживаться их. Например, вывеска «Арго» (магазин продуктовых товаров). Она выполняет одну функцию – номинативную, то есть называет учреждение. Эта вывеска не может привлекать внимание потенциального потребителя, сообщать ему необходимую информацию об учреждении, хотя могла бы (в случае, если бы это был, к примеру, магазин золотых изделий или качественных шерстяных – ведь «Арго» – это мифический корабль, на котором герой древнегреческого эпоса Ясон и его команда плавали в поисках золотого руна).

Подводя итог, необходимо добавить, что анализ вывесок Уфы, вскрывает ещё массу знаний о городе, о культуре, обычаях, предпочтениях, языке проживающих совместно народов. Наличие эргонимов на двух языках объясняется юридической необходимостью выполнять вывески на русском и башкирском: Ашхана / Столовая, Асык / Открыто, Ябык / Закрыто, Икмэк / Хлеб, Азык-Тулук / Продукты, Блинная / Каймакхана. Поэтому в столице Башкортостана огромную роль играет информативная функция вывески. Каждый русский Уфы легко понимает значение башкирских наименований и не растеряется перед входом в учреждения с вывесками «Балык», «Китаптар», «Чайхана», «Кош», т.к. знает, что это означает «Рыба», «Книги», «Чайная», «Птица». Русские и башкирские имена тесно соседствуют между собой: ателье «Азамат», «Гузель» и «Надежда»; магазины «Азалия», «Айгуль», «Лейсан», «Нафиса» и «Света»; парикмахерские «Гюльнара», «Зухра» и «Татьяна»; кинотеатры «Салават» и «имени П. Матросова».

Таким образом, посредством вывески можно увидеть глубокую связь между представителями разных народностей, и это подтверждает важность изучения вывески-текста. Эргоним несет большую социолингвистическую нагрузку, в этом его социальная, культурная, информативная заданность.

Список литературы

1. *Бондалетов, В.Д.* Социальная лингвистика[текст]: Учебное пособие для студентов пед. институтов. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с. – 107.
2. *Емельянова, А.М.* Специфика функционирования эргонимов в языке современного города: Монография. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2015. – 131 с. – С.19.
3. Национальный состав населения России в 2010 году [электронный ресурс] // Википедия: – свободная энциклопедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 18.01.2021).
4. *Филин, Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка [текст]: Монография. – М.: «Наука», 1981. – 330 с. – С. 154.

10.02.19

Н.В. Зененко д-р филол. наук, Л.П. Сон канд. экон. наук

Военный университет министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков,
кафедра романских языков,
Москва, zenenko@mail.ru, luciason@mail.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ VS ВИРТУАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

«Весь мир – театр, а люди в нем актеры», – В. Шекспир

Актуальным предметом современных научных междисциплинарных исследований становится человек/личность и его ментально-практическая активность. Отсутствие универсального толкования термина «личность» объясняется многогранностью данного понятия. Трансформационные процессы в информационном обществе рожают новые идеогаммы (виртуальная реальность, виртуальный образ, виртуальная личность), требующие дополнительной интерпретации. Для осуществления коммуникации в виртуальной реальности человек формирует совокупность виртуальных образов, подконтрольных его сознанию, которые и представляют некую виртуальную личность.

Ключевые слова: *антропоцентрическая парадигма, идеогамма, интернет-коммуникация, виртуальная реальность, виртуальный образ, виртуальная личность.*

Первая декада XXI века ознаменовалась становлением и упрочением антропоцентрической парадигмы в гуманитарных науках в целом и в лингвистике в частности.

Языковеды сосредоточили свое внимание на познавательных аспектах языка, центральным звеном в современных научных междисциплинарных исследованиях становится человек/личность и его ментально-практическая активность, поскольку сущность личности неотделима от языка. Кроме того, личность выступает в качестве связующего элемента современных гуманитарных наук.

Проблема личности остается одной из менее изученных антропологических проблем. Вполне понятно, что личность является доминантой не только в философских науках, но и привлекает внимание психологов, социологов, культурологов, лингвистов [Ю.С. Степанов (1975), Ю.Н. Караулов (1987), В.З. Демьянков (1994), В.Н. Телия (1996), Е.С. Кубрякова (2004), Е.М. Верещагин (2005), В.Г. Костомаров (2005), Н.В. Уфимцева (2012) и др.]. Понятие «личность» является одной из самых многогранных, и каждая наука трактует ее сущность по-своему. Этим объясняется отсутствие универсального толкования понятия «личность».

Предметом нашего исследования являются виртуальная реальность, виртуальный образ, виртуальная личность еще более проблемные области новых наук о человеке и о его ментально-практической активности. Совершенно очевидно, что новые идеогаммы [3], рожденные современным информационным социумом, требуют дополнительной экспликации.

Словосочетание «виртуальная реальность» представлено двумя лексемами. «Виртуальный» - от латинского «virtus», который имеет двойное толкование: реальный, возможный при определенных условиях и потенциальный. Лексема «реальный» – от латинского «realis» (существующий, отражающий реальное состояние, действительный) [2].

На первый взгляд, в словосочетании «виртуальная реальность» – два взаимоисключающих понятия: возможная реальность и фактическая реальность. Как понять сложившуюся лингвистическую дилемму? По нашему мнению, только личность, человек, который сегодня

находится в центре виртуальной реальности, где формируется его отношением к себе, к сообществу и к окружающему миру способен объединить эти два взаимоисключающих понятия. Таким образом, применительно к современному информационному обществу мы предлагаем определение виртуальной реальности как интеграции социально-экономической системы, относящейся к категории «реальная среда» и совокупности информационных массивов World Wide Web (WWW), которая относится к категории «виртуальная среда» в сознании человека – пользователя сети Интернет.

Словосочетание «виртуальная личность» также состоит из двух лексем: «виртуальный» и «личность» от латинского «personalitas» - социальный и психологический облик человека.

Изначально можно предположить, что протагонистом виртуальной реальности является виртуальная личность, интегрирующая в своем сознании реальную и виртуальную среду. Однако понятие «виртуальный» применительно к индивиду дает основания считать, что главным действующим лицом в виртуальной реальности все же остается человек, его личность, формирующая тот или иной виртуальный образ, транслируемый адресату. Именно виртуальный образ, который может быть полностью валентен или, наоборот, амбивалентен личности его создавшей, вступает в интернет-коммуникацию, развивает ее или детерминирует.

Таким образом, виртуальная личность – это совокупность виртуальных образов, сформированных человеком для осуществления коммуникации в виртуальной реальности и существующих подконтрольно сознанию человека их создавшего, и следовательно, готового их видоизменять в зависимости от цели и задач коммуникации.

Важно понимать, что виртуальная личность – это не робот, а человек, который создает свой виртуальный образ и осуществляет интернет-коммуникацию посредством компьютера.

Корни современного «интернет-спектакля» уходят в традиции Чикагской школы символического интеракционизма, которые продолжил американский ученый Эрвинг Гоффман. Концепция ученого основана на понимании сущности коммуникативных процессов как *театрального действия*. Э.Гоффман весьма подробно описывает стратегии общения людей в повседневной жизни. Ситуация общения, и это очевидно, складывается как система взаимно ориентированных и развернутых во времени акций и реакций. Приверженцы интеракционизма считают, что наиболее адекватной и часто исследуемой моделью таких ситуаций становится *игра*.

На сегодняшний день идеи ученого особенно актуальны: Интернет представляет собой своего рода виртуальный театр (виртуальная реальность), в котором актеры – участники интернет-спектакля, «надевают» самые разнообразные «маски» (создают виртуальные образы) в зависимости от той роли, которую им бы хотелось сыграть в момент «выхода на сцену» интернет-пространства.

Формирование виртуального образа для ведения той или иной коммуникации начинается с выбора виртуального имени, которое берет на себя нагрузку «первого впечатления», которое мы получаем о той или иной виртуальной личности.

В нашем исследовании в качестве интернет-платформы, где формируется виртуальное имя собственное (ВИС) мы избрали электронную почту, точнее адрес электронной почты, который представляет собой трехсложное слово, в котором помимо названия технического сервера и *собаки* также присутствует собственно сетевое имя пользователя, которому и отводится роль виртуального образа, и которое человек может неоднократно изменять в зависимости от формального или неформального стиля общения в Сети и т.д.

Исследование адресов электронной почты позволило сделать классификацию антропонимов (сетевых имен пользователей), изначально участвующих в создании виртуальных образов:

- **идентифицирующие личность отправителя/адресата (имя, фамилия):**
agustin_de@hotmail.com; dolores_sl@hotmail.com; cristina-garciagonzalez@hotmail.com;
elisabeth_ps@hotmail.com; alberto_ruyz@hotmail.com; josediazmarquez@hotmail.com;
francis_gomez_sanchez@hotmail.com и др.;

- **имя, фамилия, ник + дата рождения (возраст):** carmen-1990_18@hotmail.es; david_1990_7@hotmail.com; martaz_90@hotmail.com; sandra_1991_@msn.com; torralbo_1988@hotmail.com; laura_larika25@hotmail.com и др.;

- **топонимы (место жительства):** jesus_madrileno@hotmail.com; cordobesa_1806@hotmail.com; andres_galicia@hotmail.com; lucia_andalucia@hotmail.com; antonio_madrid_12@hotmail.com; peg_cordobesa@hotmail.com; alejandro_valencia@hotmail.com; marta_zaragoza@hotmail.com и др.;

- **зоонимы:** leona--20@hotmail.com; abejitaloka_3@hotmail.com; cesarleon87@hotmail.com; ardilla—16@hotmail.com; zorra_@hotmail.com; zebra_@hotmail.com и др.;

- **фитонимы:** amarosa11@hotmail.com; rosaloca999@hotmail.com; amapola@hotmail.com; tulipan20@hotmail.com; verdura_16@hotmail.com; cacto_@hotmail.com и др.;

- **самооценка:** amarosa16@hotmail.com; marta_loka_15@hotmail.com; rosaloca999@hotmail.com; cristin_super10@hotmail.com; gentile.691@hotmail.com; magnifik-747@hotmail.com; elparaiso_ejpc@hotmail.com; guapa_22@hotmail.com; caprichosa_22@hotmail.com и др.

- **комбинированные:** e.i_456@hotmail.com; p4kit0@live.fr; luna9sm@hotmail.com; jacs_1788@hotmail.com; nuria_v3@hotmail.com; kstiyo4@hotmail.com; tiniti.96@hotmail.com; pulido_779@hotmail.com и др.;

- **профессиональная деятельность адресанта/адресата; служебные:** admin@vkontakte.ru; dir.kaliningrad@sk-soglasie.ru; administration@corp.mail.ru; mmcxxi@comail.ru; info@twirpx.com; estudio.sampere@gmail.com и др.

Следует заметить, что предлагаемая классификация не является окончательной, поскольку на сегодняшний день в Интернете наблюдается рост числа пользователей, желающих создать виртуальный образ (образы) с целью принять участие в той или иной коммуникации.

Проанализируем более подробно отдельные виртуальные имена собственные (ВИС) с целью увидеть виртуальный образ, попытаться понять его сущность, а возможно, и цель, для реализации которой он вступил в *онлайн* коммуникацию.

Для нашего исследования представляется интересным рассмотреть следующие классификационные группы: *имя, фамилия, ник + дата рождения (возраст)*, *зоонимы*, *фитонимы* и *самооценка*. Остальные группы, такие, как например, *профессиональная деятельность адресанта/адресата; служебные* или *комбинированные*, либо весьма прозрачны и их виртуальный образ понятен, либо являются слишком сложными для их дешифровки без последующего анализа создаваемых ими текстов; либо остается просто довериться своему первому впечатлению, вызванного столь странными виртуальными образами.

Например, **ВИС – francis_gomez_sanchez@hotmail.com** расскажет нам о том, что виртуальное имя, присвоенное индивидом, с большей степенью вероятности валентно его имени собственному в реальной среде общения, что позволяет сделать вывод о том, что человек открыт к коммуникации, его виртуальный образ совпадает с реальным, не прослеживается ситуация *игры*. Это дает основания адресату возможность начать общение с **francis_gomez_sanchez** с перспективой дальнейшего развития виртуальных взаимоотношений как деловых, так и личных.

Виртуальные имена собственные (ВИС) из разделов **фитонимы** и **зоонимы** – это как правило, феминные антропонимы, например, **amarosa11@hotmail.com; amapola@hotmail.com; ardilla—16@hotmail.com; leona--20@hotmail.com; zorra_@hotmail.com**, в которых присутствуют названия цветов и животных: *роза, мак* (в испанском языке слово *мак* относится к категории женского рода), *белка, львица, лиса*. Безусловно, данные **ВИС** амбивалентны именам собственным индивидам, их создавшим. Это говорит о том, что виртуальная коммуникация начинается с формирования виртуального образа, и человек его создавший настроен на *игру*, в которой он хочет ощущать и позиционировать себя то нежной розой, то ярким маком, а возможно и игровой белкой, грозной львицей или даже ловкой и хитрой лисой.

Первичное восприятие подобного виртуального образа, транслируемого адресантом, не всегда может быть воспринято адресатом однозначно. Прежде всего, он обратит внимание на семантику **ВИС**, а значит и на желание отправителя приступить к виртуальной *игре*, при этом его индивидуальность будет скрыта виртуальным образом, созданным им самим.

Виртуальные имена собственные (**ВИС**) из раздела **самооценка** – это и феминные и маскулинные антропонимы: **cristin_super10@hotmail.com**; **magnifik-747@hotmail.com**; **marta_loka_15@hotmail.com**; **caprichosa_22@hotmail.com**, в которых прослеживается как положительная, так и пейоративная коннотация (*супер, великолепный, сумасшедшая, капризная*). Подобные **ВИС** также являются амбивалентными по отношению к именам собственным в реальной среде общения, а созданные таким образом виртуальные образы, вызывают серьезные вопросы у адресата о целесообразности вступать с ними в коммуникацию, безусловно, если сам адресат придерживается иных взглядов относительно всего многообразия виртуальных образов.

В рамках данной статьи мы рассмотрели формирование виртуальных образов только на одной, классической платформе – электронной почте, которой пользуются люди всей планеты, не зависимо от принадлежности к той или иной социальной группе. И тем не менее, нам удалось выяснить, насколько важен правильно сформированный виртуальный образ и, в частности, самый первый его этап – выбор виртуального имени собственного.

В современном интернет-пространстве существует огромное количество сетевых ресурсов, предоставляющих практически неограниченные возможности виртуальной коммуникации, где господствуют виртуальные образы, создаваемые индивидом, причем каждый человек имеет право на формирование сколь угодно большого количества виртуальных образов одновременно. И в этом, на наш взгляд, есть серьезная опасность снижения когнитивных способностей человека, поскольку постоянная игра в образы создает трудности, особенно при возвращении индивида из виртуальной реальности в реальную среду, его «выходу» из виртуальных образов, которые безусловно меняют психику человека.

Здесь уместно привести высказывание Т.В. Черниговской: «...мозг хранит всю информацию, мимо которой он прошел, унюхал, попробовал, выпил и так далее, все там лежит. Поэтому я постоянно говорю: нельзя читать глупые книги, общаться с придурками, слушать плохую музыку, есть некачественную еду, смотреть бездарные фильмы» [5].

Помочь решить проблему может язык, который выступает в качестве *щита* (С.Г. Тер-Минасова), ограждающего человека, его собственное «Я», в данном случае, от искушения присвоить себе какое угодно количество виртуальных образов языковыми средствами, которые, наоборот, по сути своей, призваны служить гармоничному развитию личности, а не развитию его виртуального образа, и что еще опаснее, виртуальной личности в виртуальной реальности [4]. Язык – это именно тот инструмент, который дает возможность человеку оставаться самим собой, оставаться личностью.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова – М., 1966.
2. Словарь иностранных слов [Текст] / Изд. 7-е. М., 1979.
3. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] / URL: <https://dic.academic.ru/>
4. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур [Текст] / С.Г. Тер-Минасова – М.: Астрель; Хранитель, 2007.
5. Черниговская Т.В. Коммуникация – не главная задача языка / Клайпедская организация российских граждан [Электронный ресурс] / URL: <https://www.sobaka.ru/city/science/84277>

10.02.19

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
кафедра романо-германской филологии,
Орехово-Зуево МО, ayakafedra@ggtu.ru

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СОКРАЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблеме дефиниции и структурно-семантической классификации сокращений в английском языке. Сокращение является одним из самых продуктивных способов пополнения словарного состава современного английского языка. Тестовые и терминологические сокращения – одни из основных семантических типов сокращений, которые структурно подразумевают деление по орфоэпическому и структурному типу.

Ключевые слова: *сокращение, словообразование, лингвистика, способ словообразования, слово, текст, термин.*

Значительное место в общей проблематике современных лексикологических работ занимают исследования лексических единиц, которые направлены на определение средств и способов обозначения в языке многообразных фактов объективной действительности, что обеспечивается при помощи различных словообразовательных средств языка. Наравне с традиционными способами словообразования, такими как словопроизводство и словосложение, стоят такие способы пополнения словарного состава, как заимствование, семантическая конверсия и сокращение, которые в настоящее время играют ведущую роль при образовании новых лексических номинаций понятий. Поскольку сокращение предоставляет возможность образовывать новые корневые слова и их элементы, то оно получает значительное преимущество перед другими способами.

Возникновение большого количества сокращенных лексических единиц в современных языках, несомненно, является одним из следствий научно-технической революции, породившей множество новых социальных понятий, которым нужно дать название и закрепить их в языке. Сокращение развивается наиболее интенсивно именно для наименования понятий в рамках новых, бурно развивающихся отраслей техники и науки: компьютерной техники, космонавтики, ядерной энергетики, радиоэлектроники. Это объясняет широкое распространение в англо-американской научно-технической и общественно-политической литературе сокращенных слов и словосочетаний. Однако такие понятия, как правило, очень громоздки и неудобны, что, естественно, провоцирует стремление передать их кратко [3, с. 56]. Данное положение подтверждает неоспоримый в современных лингвистических реалиях факт, что «особенностью современных языков является наличие тенденции к различного рода экономии» [5, с. 90].

Сокращение (shortening of words, abbreviation) – это морфологическое образование слов, при котором некоторая часть звукового состава исходного слова опускается. Этот способ в английском языке существует со второй половины XVIII в., но в настоящее время он играет очень важную роль, такую же, как словосложение или словопроизводство. Встречается очень большое количество разного рода сокращений, причем сокращаются не только отдельные слова, но и словосочетания.

Сокращение – это, конечно же, слово. Поэтому оно выступает в предложении в различных синтаксических функциях и оформляется морфологически по всем правилам английской грамматики (принимает притяжательный падеж и множественное число, используется атрибутивно).

Весомое количество сокращений обладает яркой стилистической окраской и бытует в профессиональной, газетной и обиходной разговорной лексике.

Сокращения делятся на две обширные группы:

1. текстовые сокращения. Их объясняют в самом тексте, либо в примечаниях. Как правило, без такого объяснения текстовые сокращения непонятны. Они являются «авторскими» и напрямую зависят от того, какой смысл в них вкладывается. Они могут стать общеупотребительными в тех случаях, если прошли процесс стандартизации применительно к той или иной языковой универсалии;

2. терминологические сокращения – это общеупотребительные синонимические краткие варианты стандартных терминов. Обычно они сразу понятны специалистам без объяснений. Большое количество терминологических сокращений первоначально появилось в виде текстовых сокращений, которые затем в процессе употребления укрепились в языке и стали общепринятыми.

В современном английском языке большое распространение получил инициальный тип сложносокращенных слов, то есть сокращения, которые образуются из начальных букв. И именно этот тип сокращений доминирует в настоящее время в количественном отношении.

Их можно разделить на две большие группы по орфоэпическому признаку:

1. они могут произноситься как сочетание алфавитных названий входящих в них букв. Например:

Y.C.L. (Young Communist League),

G.I. (government issue),

DC (direct current),

IBM (international business machine),

Cnd (campaign for nuclear disarmament),

GP (general practitioner),

BOAC (British Overseas Airways Corporation),

2. вторая группа инициальных сокращений произносится так, как если бы это были обычные слова, написанные такими же буквами. Например:

AIDS (Acquired Immune Deficiency Syndrome),

NAAFI (Navy, Army and Air Force Institutes),

EAGLE (Elevation Angle Guidance Landing Equipment),

OPEC (Oil Producing European Countries),

CAD (Computer-aided Design),

ROM (Read Only Memory),

WREN (Women's Royal Naval Service),

Получили довольно широкое распространение в английском языке, но не встречаются в русском языке, сложносокращенные слова, в которых первый элемент сокращается до одной буквы. Часто такие сокращения встречаются в военной и газетной лексике. Например:

V-neck,

X-card,

E-program,

Также можно выделить следующие типы сокращений:

а. буквенные сокращения:

TEWT (tactical exercises without troops),

BLC (boundary layer control),

б. слоговые сокращения:

delline (delete line),

Bignum (big numbers),

в. частичные сокращения, состоящие из буквы или слога и полного слова:

getpass (get password),

Liberals (Liberal party).

г. смешанные сокращения, состоящие из букв и слогов:

scific (scientific fiction).

fdisk (formatdisk),

netizen (internet citizen).

д. цифровые сокращения, состоящие из букв или слогов и цифр:

B-52 (B – bomber),

C-134 (C – cargo),

F-100C (F – fighter).

е. усеченные слова:

sis (sister),

caps (capital letters).

Активно используются буквенные терминологические сокращения как с алфавитным, так и со слитным произношением не только в письменной речи, но и в устной.

Интересно отметить следующее в отношении происхождения буквенных сокращений. Некоторые ученые считают, что первоначально буквенные сокращения образуются в письменной речи и лишь с течением времени начинают использоваться в устной речи. Но часто все происходит совсем наоборот. Сначала буквенное сокращение возникает в устной речи, а затем оно уже входит в состав терминологии. Например, сокращение *D. Z.* – *drop zone* – появилось изначально в жаргоне парашютистов, а затем в специальной литературе стало общепринятым.

Буквенные терминологические сокращения образуются при помощи сведения первых букв слов, из которых состоит сложное слово или словосочетание. Но иногда, чтобы приблизить сокращения к произносительным нормам английского языка, в состав сокращенного слова включаются и вторые буквы отдельных слов. Например:

Loran (Long Range Navigation),

Delrac (Decca Long Range Area Covering),

Следует заметить, что основную массу терминологических сокращений составляют буквенные терминологические сокращения. Такие сокращения в настоящее время очень распространены, и это объясняется стремлением кратко передать понятие в языке.

Список литературы

1. Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. – М.: АСТ, 2017. – 377 с.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учебное пособие / И.В. Арнольд. – 4-е изд., перераб. – М.: Изд-во «Флинта», 2017. – 376 с.
3. Василевская Е.А. Словообразование в русском языке / Е.А. Василевская. – М.: Просвещение, 2015. – 132 с.
4. Карацук П.М. Словообразование английского языка / П.М. Карацук. – М.: Высшая школа, 2003. – 302 с.
5. Кириллова А.В., Меренкова Д.Е., Шурупова М.В. Явление омоакронимии в современном английском языке // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2017. – №11. – С. 90–92.

10.02.19

Д.М. Искандарова д-р филол. наук

Российско-Таджикский (Славянский) университет,
факультет иностранных языков,
кафедра теоретического и прикладного языкознания,
Душанбе, diloroiskandarova@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С развитием компьютерных технологий в лингвистике стала очевидна необходимость создания корпусов размеченных текстов на различных языках. Создание Национального корпуса таджикского языка является научно значимой и неотложной задачей. В данной статье проанализированы возможности языкового корпуса при проведении лингвистических исследований.

Ключевые слова: языковой корпус, система поиска, разметка, лингвистические исследования, корпусная грамматика.

Национальным корпусом принято называть информационно-справочную систему на основе специальным образом обработанной («размеченной») электронной библиотеки, которая включает представительную и сбалансированную выборку текстов на данном языке [1]. Создание таджикского корпуса обсуждалось специалистами, начиная с 2000-х годов. Отдельные разработки в этой области были [7], однако по разным причинам не получили развития.

Мы в своих исследованиях неоднократно говорили о необходимости создания корпусов текстов на таджикском языке [2-4].

В январе 2019 года коллектив ученых кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета в сотрудничестве с российскими учеными (д.ф.н., академик РАН В.А.Плунгян и к.ф.н. А.П.Выдрин) начали работу над созданием Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ) [4].

Цель проекта - создание объемного корпуса, имеющего лингвистическую разметку (прежде всего грамматическую), пословный перевод и разработанную систему поиска не только по словоформе, но и по лексеме, переводу, различным признакам (грамматическим, морфологическим, синтаксическим, жанру текста и т.д.), а также возможность комплексного поиска, учитывающего сочетаемость языковых единиц и расстояние от одной единицы до другой, который существенно упрощает трудоемкий процесс сбора языкового материала.

В настоящее время в Национальный корпус таджикского языка (НКТЯ - <http://tajik-corpus.org>) [6] входят современные произведения на литературном таджикском языке, изданные в XX и XXI вв., объемом 22,1 млн. словоупотреблений. Доля автоматического разбора составляет 90,1%. В корпусе представлены различные жанры: проза, поэзия, драма, публицистика, научная и учебная, мемуарно-библиографическая, религиозная, политическая и юридическая литература.

Чтобы упростить ввод таджикских слов, имеющих особые символы, на сайте корпуса заданы сочетания клавиш для ввода таких букв (упрощенный метод ввода таджикских букв): й = и1; х = х1; қ = к1; ч = ч1; ў = у1; ғ = г1.

Ниже приводится снимок экрана, где показано, как слово *ҳозир* введено сочетанием клавиш х1. Вот как это выглядит при запросе:

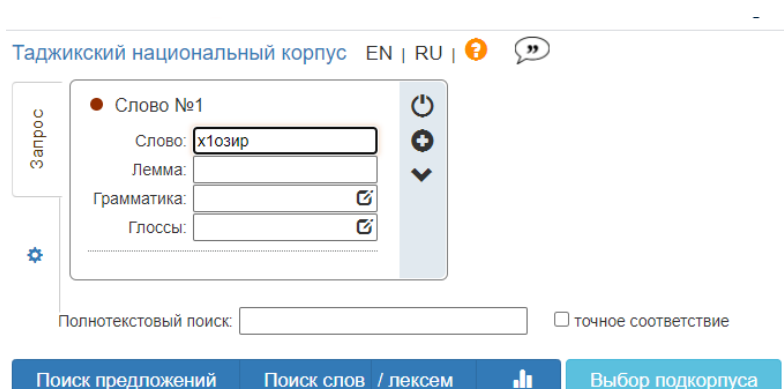

Рис. 1 – Введение в поисковом запросе слова *ҳозир* сочетанием клавиш x1

А так выглядят результаты запроса по поиску предложений:

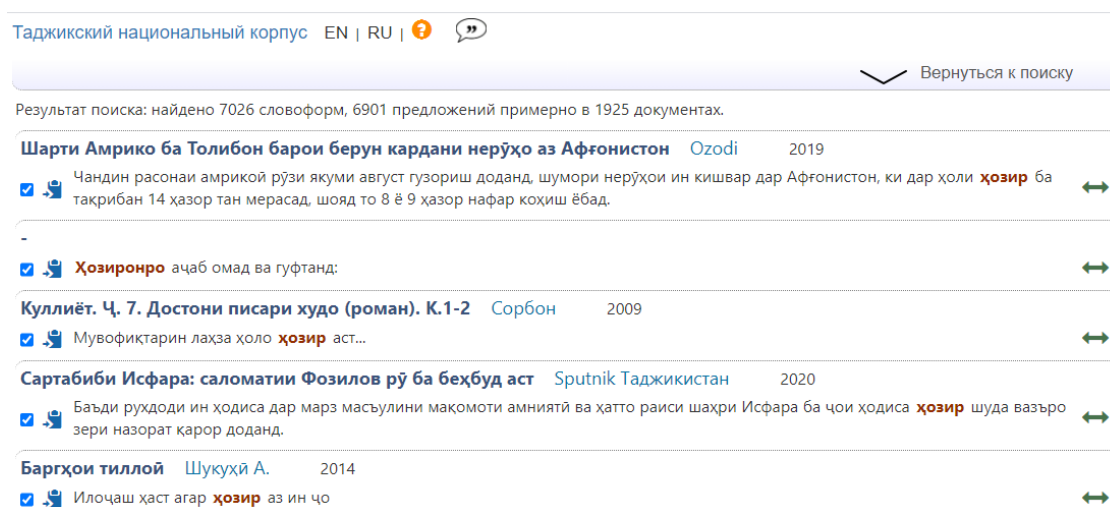

Рис. 2 – Результаты запроса по поиску предложений на слово *ҳозир*

Данная функция упростила ввод таджикских символов для пользователей, в какой точке земного шара они бы не находились, главное, чтобы им была доступна русская клавиатура.

В НКТЯ возможен пословный перевод, например, при наведении курсора на слово *ҳозир*, появился, не только перевод на английский и русский языки, но и грамматические характеристики слова :

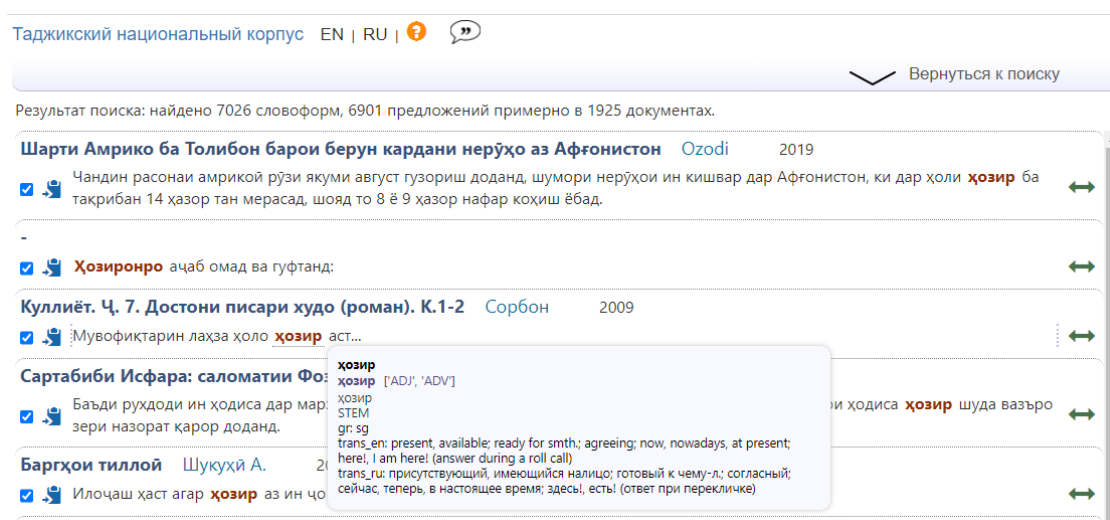

Рис. 3 – Перевод слова и его грамматические характеристики при наведении курсора

В 2021 гг. мы планируем включить в корпус тексты классической персидско-таджикской литературы IX–XIX вв. Существующий корпус современных текстов планируется расширить за счет включения новых текстов, а также усовершенствовать качество и количество автоматически разобранных слов.

Как известно, языковой корпус создается лингвистами для лингвистов. Следовательно, можно и нужно его использовать в качестве инструмента лингвистических исследований. Например, нам необходимо исследовать хабитуальность в таджикском языке. По списку грамматических признаков находим *hab* и нажимаем на кнопку поиска:

Search result: 2703 different words in approximately 278 documents found, total frequency: 148300.0.

word	lemma	grammar	freq	freq. rank / quantile	# sentences	# documents	search	statistics
медаравиду	даравидан	pst, 3, and, sg, V, hab	3	> 50%	3	3	Q	▬▬
мечунбониданд	чунбонидан	pst, 3, pl, V, hab, CAUS	10	> 15%	10	9	Q	▬▬
мемурданду	мурдан	pst, 3, and, pl, V, hab	3	> 50%	3	3	Q	▬▬
менаvistеду	навиштан	pst, 2, hon, and, pl, V, hab	1		1	1	Q	▬▬
меафзудӣ	афзудан	pst, 2, sg, V, hab	1		1	1	Q	▬▬
металабидам	талабидан	pst, 1, sg, V, hab	2	> 50%	2	2	Q	▬▬
мепарастиду	парастидан	pst, 3, and, sg, V, hab	1		1	1	Q	▬▬

Рис. 4 – Результаты запроса по грамматическому признаку хабитуальность

Примечательно, что кроме перевода можно проверить и статистику:

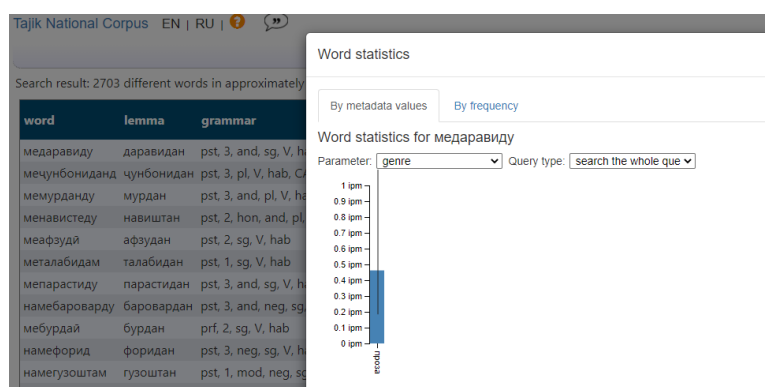

Рис. 5 – Статистические показатели по жанрам (поиск по грамматическим признакам)

Одной из задач, которую мы ставим перед собой на ближайшее будущее, является создание так называемой «Корпусной грамматики». Если быть более точными, на первом этапе исследования это будут скорее описательные статьи по грамматике, написанные на основе НКТЯ, которые послужат материалом для будущей корпусной грамматики. При этом главная особенность будет заключаться в последовательном использовании обширного массива корпусных данных. Подобный опыт может быть интересен как специалистам в области описательной лингвистики, тем, кто обращается к грамматическим описаниям таджикского языка в справочных целях, так и лингвистам-типологам.

Корпусная грамматика должна быть основана на грамматических описаниях языка, но от всех прежних описаний должна отличаться, прежде всего, стратегией обращения к языковому материалу, иначе говоря появление языкового корпуса позволит значительно увеличить количество языкового материала, к которому можно обращаться. Таким образом, НКТЯ может служить эмпирической базой исследования, причем становится возможным не только качественная, но и количественная (статистическая) характеристика описываемых фактов и явлений. При этом и количественные, и большинство «качественных» утверждений можно делать относительно этого массива данных и верифицировать им же, что сделает эти утверждения более конкретными и проверяемыми по сравнению с теми, которые

встречаются в традиционных грамматических описаниях); становятся доступными для углубленного изучения такие аспекты, как языковая вариативность, диахронические изменения, соотношения продуктивных и непродуктивных явлений и ряд других. Таким образом, можно описывать как морфологические, так и синтаксические особенности языка [5].

Таким образом, созданный корпус может быть использован не только лингвистами, но и всеми, кто изучает или преподает, а также ведет научные исследования в области таджикского языка. Характеристики корпуса позволяют пользоваться им исследователям, не владеющим таджикским языком. Помимо экономии времени на сбор надежных данных, корпус открывает новые возможности исследования языка (статистические исследования, диахронические исследования развития того или иного явления, исследование языкового явления по отдельным жанрам и т.д.), а также предоставляет возможность апробации данных, полученных в ходе полевой работы.

Список литературы

1. Владимир Плунгян. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки.- 2005. -№ 2 (23). URL: <https://strana-oz.ru/2005/2/zachem-my-delaem-nacionalnyy-korpus-russkogo-yazyka> (дата обращения: 18.12.2020).
2. Искандарова Д.М. Корпус Рудаки и его лингвистическая обработка: сб.ст.Материалы международной конференции, посвященной юбилею Рудаки.- Душанбе: РТСУ, 2008. - С.31-38.
3. Искандарова Д.М. Создание национального корпуса таджикского языка: проблемы и пути решения// Забон – рукни тоат. - Душанбе, 2013. – С.39-48.
4. Искандарова Д.М. Проблемы создания Национального корпуса таджикского языка// Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в РТ. - Душанбе: Персис,2020. - №1 (19). – С.26-37.
5. Материалы к корпусной грамматике русского языка: Глагол. Часть 1.- СПб.: Нестор-История, 2016. - 448 с.
6. Национальный корпус таджикского языка. URL: <http://tajik-corpus.org> (дата обращения: 18.12.2020).
7. Первые корпуса таджикского языка. URL: <http://www.termcom.tj/?menu=bases&page=index3&lang=toj> (дата обращения: 18.12.2020).

10.02.19

О.Г. Лукошус

Московский городской педагогический университет,
Институт иностранных языков,
кафедра методики обучения английскому языку и деловой коммуникации,
Москва, oksaluka88@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИНОНИМОВ С ПОМОЩЬЮ КОРПУСА СОСА

Статья посвящена семантическому анализу английских прилагательных *faithful*, *devoted*, *dedicated*. С помощью корпусного анализа (СОСА) автор раскрывает основные особенности, характеризующие каждую из исследуемых лексических единиц. Проведённое исследование позволило выявить сходные компоненты значения исследуемых синонимов, которые делают возможной замену одной лексемы другой в некоторых контекстах, а также раскрыть отличительные характеристики, делающие подобную замену невозможной.

Ключевые слова: семантика, корпус, семантический анализ, признак, СОСА.

Слова-синонимы традиционно представляют собой объект многочисленных исследований (например, в работах О.В. Афанасьевой [2], С.В. Мичугиной [4], [5], И.Н. Новиковой и др. [10]), однако, в силу своей сложности, являются не до конца изученными. Данная статья предлагает современный подход к описанию семантики слов, входящих в синонимический ряд с общим значением *преданный*, а именно английских прилагательных *faithful*, *devoted*, *dedicated*. Выбор синонимов обусловлен относительно частотностью их употребления, а также общим значением (*loyal* = *верный*, *преданный*) в синонимическом ряду.

Современный метод анализа основан на широком использовании возможностей данных корпуса СОСА с целью выявления дистрибуции, коллокации, и в дальнейшем – интегральных и дифференциальных признаков указанных единиц. Актуальность изучения данных признаков обусловлена часто встречающейся лексикографической неточностью описания слов.

Рассмотрим существующие лексикографические описания данных слов в словарях различного типа. В толковых словарях описания не представляются вполне убедительными – значение одного синонимов трактуется через другое (см. ниже подчёркнутые части определений). Например, Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) предлагает следующие описания исследуемых прилагательных: ***faithful*** 1) *staying with or supporting a particular person, organization or belief*; 2) *(of a wife, husband or partner) faithful (to somebody) not having a sexual relationship with anyone else*; ***devoted*** – *having great love for somebody/something and supporting them in everything*; ***dedicated*** – *working hard at something because it is very important to you* [9].

В Collins Dictionary находим следующее: ***faithful*** – *someone who is faithful to a person, organization, idea, or activity remains firm in their belief in them or support for them*. 2) *Someone who is faithful to their husband, wife, or lover does not have a sexual relationship with anyone else*; ***devoted*** – *feeling or demonstrating loyalty or devotion*; ***dedicated*** – *devoted to a particular purpose or cause* [7].

Как видно из толкований выше, в ряде случаев слова получают совпадающие определения. Совпадение определений означает, что слова имеют одинаковое значение, что, в свою очередь, предполагает возможность их взаимозамены во всех контекстах. Действительно, в ряде случаев взаимозамена вполне возможна – так, если в высказывании *Active until the end, she was an avid bridge and scrabble player, crossword aficionado, former tennis player, faithful reader of the New York Times and lover of the arts* заменить слово *faithful*

на его синонимы *devoted, dedicated* полученное высказывание будет корректным: *Active until the end, she was an avid bridge and scrabble player, crossword aficionado, former tennis player, devoted / dedicated reader of the New York Times and lover of the arts.* Однако возможность взаимозамены свидетельствует только о том, что описываемая денотативная ситуация допускает её различное осмысление. Более того, в ряде случаев взаимозамена невозможна, так как приводит к появлению неправильного высказывания. Ср., например, *7 Small Ways a Faithful Mother Can Make a Big Difference* (заголовок статьи в религиозном журнале) vs *Alexandrine, by contrast, was a devoted mother who tenderly raised her children and actively cultivated their cultural pursuits* (Александрина, наоборот, была **преданной**, любящей матерью, которая беспокоилась о культурном развитии детей).

Таким образом, несмотря на разнообразие словарей и лексикографических описаний, признаки, разграничивающие значения рассматриваемых прилагательных, остаются не выявленными. Иными словами, современные толковые словари не предлагают адекватного описания семантики рассматриваемых лексических единиц.

Современный семантический анализ предполагает следование определённому алгоритму (более подробно об этом см. в работах О.Н. Селиверстовой и О.А. Сулеймановой [6], а также в исследовании О.Г. Лукошус [3]). Рассмотрим те этапы, на которых релевантным представляется обращение к корпусу СОСА [8].

Этап сбора примеров употребления исследуемых лексических единиц в письменной и устной речи носителей языка. На данном этапе методом сплошной выборки был получен корпус примеров употреблений исследуемых прилагательных. Отметим, что СОСА, как и любой другой корпус, является удобным источником поиска аутентичных контекстов употребления лексических единиц и синтаксических конструкций.

CLICK FOR MORE CONTEXT

1	were his joy. You knew that he was a faithful husband and loved to spoil his precious wife, Becky. You knew that
2	a novel that is clean, uncluttered, and as faithful to the author's vision as one can imagine is possible. # The
3	an ironic way. I like how Lemony S. was faithful in including Beatrice till the end. # My fave " **26/6300;TOOLONG " parts
4	the offense on UK's third series, the Wildcat faithful saw that symbol come to life. On his first drive, Towles completed
5	have so very much to offer the world with your faithful witness and beautiful commitment to adopt! Don't get deceived into opposing our
6	precepts of the Church. I know other good, faithful Catholics who do not, despite the preaching of orthodoxy. That's a
7	me that my marriage is a demonstration of God's faithful and enduring love regardless of how many times we turn away. We Catholic
8	about that. The truth of the issue is that faithful Catholics need the support of the Priests, Bishops, etc and enforce our
9	in faith and trust God with the results of their faithful obedience. Peggy lives in Kenyon, MN on a hobby farm with her
10	just couldn't get the pictures to mean in a faithful way. The more the photographs sought the site of their historical trauma,
11	said to be carrying his child and cheating on his faithful wife Elizabeth, who has incurable cancer. # That was not a legitimate
12	as it does every year. " # The Lynah faithful take this very seriously and traditionally throw fish on the ice. # "
13	remorse for her unfaithfulness &; there she found the most faithful love she can surrender her life to. # That one step of faith
14	a disappointing two points, Liverpool is making the Anfield faithful nervous, as first-year manager Brendan Rodgers tries to right the ship. #
15	to the point FTS. The point being that Mum faithful witness used to buy her kids chrissie presents every year. And guess who
16	. By the way I bare no malice to the faithful so long as they refrain from influencing public policy to conform to their unsupported
17	not dynamic or large, but it was devoted and faithful to Christ and to the Scriptures. As a result, they were given
18	the One Who goes with you. He will be faithful to you. He will not leave you alone (Deuteronomy 31:6, NLV

Рис. 1 – Пример возможных контекстов употребления лексемы faithful

Индуктивное обобщение. Отобранные примеры могут распадаться на группы однотипных контекстов. В задачу исследователя на данном этапе входит выделение таких групп с фиксацией дифференциального признака, по которому одна группа противопоставляется остальным. Признак может не быть четко вычленим; в таком случае классифицируем дистрибутивные параметры слова, его левую и / или правую сочетаемость, валентность и элементы контекстного окружения. Полученная разметка материала (классификация) будет носить характер предварительной.

HELP	□ ?	CONTEXT	FREQ	ALL	%	MI	
1	☐	SERVANT	189	8764	2.16	10.77	
2	☐	CATHOLICS	85	13940	0.61	8.95	
3	☐	FRIEND	76	193149	0.04	4.99	
4	☐	FOLLOWERS	73	14374	0.51	8.68	
5	☐	SERVICE	66	194535	0.03	4.78	
6	☐	CATHOLIC	65	54006	0.12	6.61	
7	☐	HUSBAND	65	132681	0.05	5.31	
8	☐	COMPANION	59	12064	0.49	8.63	
9	☐	SERVANTS	54	8992	0.60	8.93	
10	☐	DOG	54	98915	0.05	5.47	
11	☐	FRIENDS	51	232402	0.02	4.15	
12	☐	CHRISTIANS	48	27463	0.17	7.15	
13	☐	WIFE	46	182420	0.03	4.35	
14	☐	DEPARTED	45	5345	0.84	9.41	
15	☐	CHRISTIAN	45	76909	0.06	5.57	
16	☐	WITNESS	42	34048	0.12	6.64	
17	☐	READERS	39	50748	0.08	5.96	

Рис. 2 – Пример правой сочетаемости прилагательного faithful (COCA)

1	□	TO	11195	25556015	0.04	4.50	
2	☐	HIMSELF	253	228728	0.11	5.83	
3	☐	MUCH	224	966837	0.02	3.58	
4	☐	EXCLUSIVELY	163	12960	1.26	9.34	
5	☐	ENTIRELY	127	49411	0.26	7.05	
6	☐	FANS	125	68732	0.18	6.55	
7	☐	HUSBAND	118	132681	0.09	5.52	
8	☐	THEMSELVES	117	188305	0.06	5.00	
9	☐	WIFE	113	182420	0.06	5.00	
10	☐	HERSELF	104	102303	0.10	5.71	
11	☐	FOLLOWING	99	153650	0.06	5.05	
12	☐	SOLELY	96	14237	0.67	8.44	
13	☐	FAN	96	48533	0.20	6.67	
14	☐	FATHER	81	299444	0.03	3.80	
15	☐	FAMILY	77	440921	0.02	3.17	
16	☐	FOLLOWERS	75	14374	0.52	8.07	
17	☐	CONSIDERABLE	74	20056	0.37	7.57	
18	☐	MOTHER	73	318693	0.02	3.56	
19	☐	MYSELF	52	183352	0.03	3.87	

Рис. 3 – Пример правой сочетаемости прилагательного devoted (COCA)

HELP	□ ?	CONTEXT	FREQ	ALL	%	MI	
1	☐	EACH	107	545561	0.02	3.12	
2	☐	HELPING	79	62015	0.13	5.82	
3	☐	MAKING	79	308126	0.03	3.51	
4	☐	TEACHING	53	84307	0.06	4.80	
5	☐	IMPROVING	39	20995	0.19	6.36	
6	☐	FINDING	30	74619	0.04	4.16	
7	☐	BUILDING	30	161897	0.02	3.04	
8	☐	PROVIDING	28	50206	0.06	4.63	
9	☐	KEEPING	27	67688	0.04	4.15	
10	☐	PROMOTING	26	18122	0.14	5.99	
11	☐	UNDERSTANDING	26	95220	0.03	3.60	
12	☐	STUDYING	25	27302	0.09	5.34	
13	☐	PRESERVING	23	6734	0.34	7.24	
14	☐	EXAMINING	23	13562	0.17	6.23	
15	☐	EE	22	2562	0.86	8.57	
16	☐	EXPLORING	21	13684	0.15	6.09	
17	☐	EXCEPTIONAL	20	9369	0.21	6.57	
18	☐	EXPLAINING	20	19216	0.10	5.53	

Рис. 4 – Пример правой сочетаемости прилагательного dedicated (COCA)

Обобщим сочетаемость исследуемых прилагательных *faithful* / *devoted* / *dedicated*:

faithful + N: *Christians, servant, Catholic, witness, man, love, ministers,*

devoted + N: *fans, husband, wife, father, mother, son, family, friends, followers, catholic, Christian.*

Ad. + devoted: *much, most, exclusively, entirely, considerably, primarily, specifically, nearly, little.*

dedicated + N: *people, detectives, staff, service, group, public, team, audience, teachers, volunteers, individuals, professionals, funding, time, teachers, students, employees, effort, bike, web, device, GPS, community, support, research.*

На данном этапе представляется возможным сформулировать предварительную гипотезу дифференциальных и интегральных признаков в семантике исследуемого синонимического ряда. Так, представляется возможным предположить, что прилагательное **faithful 1** вносит информацию о том, что X ведёт себя последовательно в своей привязанности / верности, выполняет строго все свои обязанности, что подтверждается частотным употреблением лексемы в религиозных контекстах. Например, *What is more, this is only a whisper away from primitive Christianity, which is kept alive by faithful worship, rituals and community practices* (Более того, это совсем не далеко от примитивного христианства, которое поддерживается преданным поклонением, ритуалами и практикой общин). Религиозный подтекст отчётливо проявляется во внутренней форме прилагательного. Будучи производным от существительного *faith*, соответствующее прилагательное восходит к латинскому *fides* «доверие, вера» от *fidere* «доверять». Согласно определению, данному в Библии, вера (*faith*) в целом представляет собой уверенность / убежденность в том, что определённое утверждение верно. Основные сопутствующие представления в семантике прилагательного соотнесены с доверием, послушанием, преданностью и согласием [3, с. 58-59].

Кроме этого, **faithful 1** также релевантно в контекстах, описывающих отношения между людьми / группами людей (супругами, друзьями, работниками, коллегами и т.д.) или в контекстах, описывающих отношение к идеологии / идеям / принципам и т.д. *Patsy, looking like the faithful old black mammy slave in a film except that she was white and she was only twenty-five* (Пэтси выглядела как старая верная чернокожая мамочка-рабыня в фильме, за исключением того, что она была белая, и ей было только двадцать пять) [3, с. 57].

Прилагательное **devoted 1** вносит информацию о том, что субъект Y характеризуется постоянством в чувствах, заботой, поддержкой, душевной преданностью близким, чаще членам семьи / возлюбленным. Ср.: *Although she was unsentimental and strict, the Duchess was a devoted mother and the most important person in her children's lives.* (Хотя герцогиня была несентиментальной и строгой, она была преданной матерью и самым важным человеком в жизни своих детей). *I'm just a devoted family man, like yourself.* (Я всего лишь преданный семьянин, как и ты). *Maybe she's not the devoted wife she claimed to be.* (Может она вовсе не преданная жена, за которую себя выдает.) *My sister was devoted like our parents, and our upbringing was very strict, which drove me nuts.* (Моя сестра была преданной, как наши родители, и наше воспитание было очень строгим и сводило меня с ума).

Лексема **dedicated 1** вносит информацию о том, что субъект Y ведет себя определённым образом для выражения особой самоотверженности, самопожертвования в профессии / профессиональной деятельности. Ср.: *A dedicated staff security patrol and a response team were activated.* (В состоянии готовности были приведены специализированные патрульные группы из числа сотрудников и группы реагирования). *Mental health services were available to all children through dedicated school counsellors.* (Все дети могут воспользоваться услугами в области психического здоровья, которые оказываются специальными школьными психологами). *It takes good equipment and well-trained, dedicated soldiers.* (Эта борьба требует хорошего оборудования и хорошо обученных и преданных своему делу воинов). *Well, we can always use another dedicated historian.* (Что ж, мы всегда можем обратиться к другому историку, также преданному своему делу).

Этап замены исходной лексической единицы в репрезентативной выборке на ее синоним и проверка контекстов употребления. На данном этапе корпус СОСА выступает в качестве коллективного информанта – носителя языка, а материал после проверки делится на

маркированный и немаркированный, т.е. отбирается отрицательный языковой материал, который послужит основой для дальнейшей верификации гипотезы о дифференциальных и интегральных признаках в семантике исследуемого синонимического ряда.

Подводя итог, отметим, что данные корпуса СОСА, как и любого другого, оказываются более чем достаточными при проведении семантического анализа слова или синонимического ряда, представляют собой экспериментальную проверку выдвигаемых гипотез, а их верифицирующий потенциал достаточно удовлетворителен в такого рода исследованиях.

Список литературы

1. *Афанасьева О.В.* Имена прилагательные в системе кардинальных частей речи английского языка. М.: Прометей, 1992. – 95 с.
2. *Лукошус О.Г.* Проблема выделения инварианта в семантической структуре многозначных прилагательных с общим значением *настоящий*: дис. канд. филол. наук. – М., 2015. – 203 с.
3. *Лукошус О.Г.* Особенности семантической структуры многозначного слова (на примере английского синонимичного ряда *true, loyal, faithful*) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 53-61.
4. *Мичугина С.В.* Цветообозначения и картина мира // Филология и культура (материалы IV международной научной конференции). – ТГУ. – 2003. – С. 67-68.
5. *Мичугина С.В.* Модели лексикографического описания в языке // Проблемы и методы современной лингвистики (сб. науч. трудов). – М.: ИЯ РАН. – 2005. – С. 86-98.
6. *Селиверстова О.Н., Сулейманова О.А.* Эксперимент в семантике // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – № 5. – С. 431-443.
7. *Colins English Dictionary* [электронный ресурс] <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения 01.12.2020).
8. *Corpus of Contemporary American English* [электронный ресурс] <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения 01.12.2020).
9. *Oxford Advanced Learner's Dictionary* [электронный ресурс] <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com> (дата обращения 01.12.2020).
10. *Novikova I.N., Popova L.G., Shatilova L.M., Biryukova E.V., Guseva A.E., Khukhuni G.T.* Lexical and semantic representation of the linguistic and cultural concept "rest" in the English, German, and Russian languages // *Opcion*. – 2018. – Т. 34. – № 85-2. – С. 237-256.

10.02.19

**Т.Б. Маклакова канд. филол. наук, Ю.В. Туфанова канд. филол. наук,
М.Н. Чупановская канд. филол. наук**

Иркутский государственный университет,
Международный институт экономики и лингвистики,
кафедра лингвистики и лингводидактики
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков №1,
Иркутский государственный университет,
Институт филологии, иностранных языков и медиакommunikации,
кафедра русского языка и общего языкознания,
Иркутск, tanya-834@mail.ru, ttufanova@mail.ru, mariya-chupanovskaya@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОГО РЕГИОНА)

Статья посвящена описанию межличностного общения в виртуальной коммуникативной ситуации. На основе анализа полученных эмпирических данных были определены структурные компоненты данной ситуации. Проведённое научное исследование позволило выявить основные коммуникативно-прагматические особенности устного и письменного общения в условиях виртуальной коммуникации.

Ключевые слова: *межличностное общение, коммуникативная ситуация, виртуальная коммуникация.*

В современном обществе развитие телекоммуникационных технологий является одним из наиболее существенных факторов, влияющих практически на все сферы жизни и деятельности человека. Происходит процесс замены реальных явлений их виртуальными аналогами. Процесс проникновения виртуальных технологий в повседневную жизнь позволяет говорить о постепенном возникновении дуализма реальности (объективной и виртуальной). При этом следует отметить неизбежность взаимного влияния виртуальной реальности и непосредственного общения, происходящего в объективной реальности. Виртуальная реальность как специфическая социокультурная реальность возникает в процессе использования новых виртуальных технологий, которые существенно изменили организацию процесса коммуникации (общения). Изучение различных аспектов межличностной коммуникации является одной из самых значимых проблем современного языкознания. Именно поэтому исследование особенностей виртуализации межличностного общения привлекает внимание представителей самых разных научных направлений [4, 5-7].

Таким образом, актуальность выбранной темы определяется: 1) направленностью современной лингвистики на комплексное изучение различных аспектов межличностной коммуникации; 2) необходимостью расширения знаний о закономерностях осуществления процесса виртуальной коммуникации; 3) всё возрастающей значимостью использования дистанционных коммуникационных технологий в различных сферах человеческого общения; 4) значительным перемещением коммуникативного процесса в виртуальную среду; 5) недостаточной разработанностью вопросов, связанных с коммуникативным взаимодействием и речевым поведением партнеров в виртуальной коммуникативной ситуации.

Основной целью работы является выявление коммуникативно-прагматических особенностей межличностного общения в виртуальной коммуникативной ситуации.

Для определения особенностей виртуальной коммуникации, а также для выявления частоты возникновения виртуальной коммуникативной ситуации в условиях повседневного общения, был проведён опрос среди жителей Иркутска и Иркутской области (630 участников). Респондентам была предложена анкета, представленная в таблице 1.

Таблица 1.

<i>Пол</i>	
<i>Возраст</i>	
1. При наличии выбора Вы бы предпочли осуществлять повседневное личное общение в реальности или в виртуальной среде?	
2. В каком формате (реальном или виртуальном) фактически происходит Ваше повседневное общение с родственниками, друзьями, коллегами?	
3. Какие, по Вашему мнению, факторы влияют на коммуникативное поведение человека в виртуальной ситуации общения?	

Анализ полученных данных показал, что большая часть (83%) респондентов старше 35 лет предпочитает реальное личное общение. Тем не менее, 78% опрошенных вне зависимости от возраста фактически осуществляют повседневное общение в виртуальной среде. Эти результаты косвенно подтверждают данные опроса ВЦИОМ (Всероссийского центра изучения общественного мнения) 2012 года, согласно которому 92% россиян «встречаются с друзьями» онлайн [3].

Итоги проведённого исследования согласуются с тезисом о том, что в настоящее время значительное количество межличностных взаимодействий происходит в виртуальном пространстве. Виртуальная коммуникация помогает людям, находящимся на расстоянии, поддерживать связь, общаться и работать, поскольку характеризуется отсутствием ограничений как по географическому, так и по временному признаку. Виртуальная коммуникация становится неотъемлемой социокультурной составляющей современного общества. Феномен виртуальной коммуникации возникает в условиях всё увеличивающейся информатизации (цифровизации) межличностного общения. Согласно Большой российской энциклопедии виртуальная коммуникация - «общение с удалённым партнёром или группой, опосредствованное компьютером и системой телекоммуникаций (компьютерной сетью)» [1].

В данном исследовании мы рассматриваем виртуальную межличностную, не анонимную коммуникацию. Для выявления коммуникативно-прагматических особенностей межличностного виртуального общения необходимо прежде всего обозначить суть понятия виртуальной коммуникативной ситуации. Итак, общение, будучи одной из важнейших сторон межличностного взаимодействия, всегда происходит в некоторой конкретной ситуации. Термин «ситуация» традиционно определяется как совокупность обстоятельств, положение, обстановка [2, с. 1190]. Таким образом, коммуникативная ситуация – это ситуация, непосредственно в которой происходит процесс общения. В данном случае общение происходит в виртуальной среде, поэтому виртуальная коммуникативная ситуация – это ситуация дистанционного межличностного общения при помощи электронных (цифровых) средств связи [4]. Она характеризуется наличием следующих компонентов: 1) двух, как минимум, собеседников; 2) средства связи; 3) цели общения; 4) коммуникативных обстоятельств; 5) вербального и/или невербального выражения коммуникативных интенций собеседников. Выявленные обобщенные структурные компоненты виртуальной коммуникативной ситуации получают индивидуальное наполнение в каждой конкретной ситуации общения, находясь между собой в отношениях взаимовлияния и взаимозависимости. Они оказывают, с одной стороны, влияние на сам факт возникновения данной ситуации, а с другой стороны – на использование тех или иных языковых средств собеседниками для выражения своих коммуникативных интенций.

Коммуникативное поведение собеседников всегда подвержено влиянию различных факторов. Так, по мнению 86% респондентов, главными факторами, определяющими коммуникативное поведение партнеров в виртуальной ситуации общения, являются фактор адресата, социальные и психологические роли коммуникантов и связанный с ними фактор власти. Так, в официальной ситуации, а также в ситуации неравенства статуса и ролевых позиций коммуникантов предполагается *Вы*-форма обращения. Применительно к теме нашего исследования отметим, что виртуальная коммуникативная ситуация может быть как симметричной, так и асимметричной, при этом социально-психологические характеристики собеседника и связанный с ними фактор власти детерминируют степень вежливости, которая выражается в выборе тех или иных языковых средств.

При этом виртуальная коммуникативная ситуация может быть: 1) синхронной (собеседники общаются в режиме реального времени); 2) асинхронной (данная форма предполагает возможность отсроченной реакции собеседника).

Вследствие сравнительно недавнего возникновения виртуальная коммуникация менее других форм общения зависит от традиций и правил, хотя и возникает на фоне уже существующих общепринятых норм общения. Виртуальная коммуникация происходит в особой коммуникативной среде – особых коммуникативных обстоятельствах, ранее не имеющих аналогов. В этих условиях формируется качественно новая коммуникация. Например, письменная виртуальная коммуникация характеризуется нарушением правилами грамматики и орфографии, сокращением и трансформацией слов ради экономии речевых усилий; использованием эмодзи для передачи эмоций; возможностью отсрочить свой ответ [4]. Отсутствие визуальной составляющей общения заставляет говорящего мысленно воссоздавать образ (личность) адресата, а также предоставляет возможность управлять презентацией собственного образа. Устная виртуальная коммуникация, осуществляемая при помощи средств видеосвязи, характеризуется практически полным приближением к условиям реальной межличностной коммуникации, поскольку собеседники видят, слышат друг друга и могут считывать невербальные сигналы. Таким образом, письменная и устная формы общения в виртуальной среде характеризуются существенными различиями.

Эффективная коммуникация нацелена на установление двустороннего контакта, при котором происходит реализация целей общения. Необходимость приспособиться к виртуальной ситуации общения заставляет коммуникантов совершать выбор варианта выражения своей речевой интенции в зависимости от коммуникативно-прагматических условий виртуальной коммуникативной ситуации. В подобных ситуациях каждый конкретный выбор акцентирует внимание собеседника на коммуникативной интенции его партнёра. Иначе говоря, каждый раз, совершая такой выбор, человек показывает своё отношение к собеседнику, что, в свою очередь, способствует достижению поставленных целей. При этом коммуниканты могут использовать различные способы воздействия. Так, употребление, формул вежливости, слов-интенсификаторов, повторов, невербальных компонентов (эмодзи в письменной коммуникации) увеличивает воздействующий потенциал всего сообщения.

Таким образом, различные модификации прагматических составляющих виртуальной коммуникативной ситуации детерминируют функционирование различных вербальных/невербальных форм выражения интенций собеседников. Статус, социально-психологические роли собеседников в виртуальной коммуникативной ситуации оказывают влияние на вербальное и невербальное поведение партнеров по общению. Письменные сообщения и устные высказывания собеседников эксплицитно/имплицитно отражают их статусно-ролевые взаимоотношения. Учет этих факторов может способствовать успешной межличностной виртуальной коммуникации.

Список литературы

1. Большая российская энциклопедия / авт. Войскунский А.Е. URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/1916019> (дата обращения: 02.01.2021)
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 1988. – С. 1190
3. ВЦИОМ: Виртуальная реальность против реальной жизни. Выбор интернет-пользователей // Центр гуманитарных технологий. — 20.08.2012. 12:30. URL: <https://gtmarket.ru/news/2012/08/20/4900> (дата обращения: 02.01.2021)
4. Маклакова Т.Б., Туфанова Ю.В., Чупановская М.Н. Лингвистическая вежливость в виртуальном общении современной молодёжи // Казанская наука. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – №4, С. 86-89.
5. Ding D., Brinkman W.P., Neerincx M.A. Simulated thoughts in virtual reality for negotiation training enhance self-efficacy and knowledge // International Journal of Human-Computer Studies. 2020. Vol. 139. 102400
6. Laitinen K., Valo M. Meanings of communication technology in virtual team meetings: Framing technology-related interaction // International Journal of Human-Computer Studies. 2018. Vol. 111. P.12-22
7. Wu J., Mattingly E., Kraemer P. Communication in virtual environments: The influence of spatial cues and gender on verbal behavior // Computers in Human Behavior. Elsevier. 2015. Vol. 52. P. 59.

10.02.19

А.А. Мельниченко, И.Г. Нагибина канд. филол. наук

Сибирский федеральный университет,
Институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации,
Красноярск, annmelnich@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КИНОДИСКУРСА В РАМКАХ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В работе представлены результаты изучения китайского кинодискурса с точки зрения китайских исследователей. Целью исследования является рассмотрение мультимодального дискурса как отправной точки в изучении и анализе китайского кинодискурса. В статье были определены основные черты и составляющие китайского кинодискурса.

Ключевые слова: кинодискурс, мультимодальный дискурс, китайская лингвистика.

Активное развитие современных технологий и, в частности, киноиндустрии поспособствовало появлению потребности в изучении и анализе дискурса кино или кинодискурса. В последние годы кино стало неотъемлемой частью времяпрепровождения большинства и поэтому начало выступать в качестве объекта исследования многих ученых. Китайские исследователи вслед за западными также внесли огромный вклад в изучение и формирование кинодискурса [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Китайский фильм является неотъемлемой частью китайской культуры, поскольку он несет в себе важную задачу по распространению образа мышления и жизни, ценностных ориентаций, обычаев и привычек, моральных ценностей, норм и эстетической привлекательности китайской культуры, поэтому необходимым считается исследовать и анализировать китайский кинодискурс. Кинодискурс представляет собой «использование киносоздателями технологий изображения, как средства воспроизведения и отражения текстов в реальной жизни», по мнению китайских исследователей Хуана Сяопина и Гоу Синьхуа [6, с. 4].

Как указывает Лань Юйлин, в качестве составляющих кинодискурса можно выделить интерактивное значение, которое относится к создателю изображения, к вещам, представленным изображением (включая отношения между человеком и зрителем изображения), и в то же время подсказывает отношение зрителя к представлению вещи. При совместном действии между зрителем и участником формируется определенная связь, которая состоит в запросе изображения, относящегося к созданию участника и зрителя. Однако стоит отметить, что иногда эта связь основана на воображении, и цель ее состоит в том, чтобы у зрителя появились, например, такие эмоции, как послушание и жалость. В самом кино это может проявляться, например, в наведении пальца на участника в камере, или различными жестами [1].

Проксемика также имеет огромное значение в рамках кинодискурса, считает китайский исследователь Лань Юйлин. Большую роль играет как расстояние между участниками, так и между зрителем и персонажами. Увеличение изображения и приближение к героям позволяет зрителям быть вместе с героями. Отдаление и уменьшение наоборот же создает определенную дистанцию. Кроме того, необходимым считается упомянуть перспективу, которая делится на позитивную перспективу, подчеркивающую участие, и боковую перспективу, подчеркивающую разъединение [1].

Ученые Ли Нана, Хэ Минся в своей работе отмечают, что фильм, будучи носителем специализированного дискурса, умело сочетает в себе изображения, музыку, язык, звук и текст. Такой феномен общения посредством языка, изображений, звука и движений тела в совокупности называется мультимодальным дискурсом [3].

В своем исследовании Сунь Биньбинь отмечает, что кино, как изобразительное искусство, основано на движущихся картинках. Различная информация может быть передана аудитории в соответствии с относительным положением движущихся изображений или взаимосвязью между ними, что также является важным аспектом мультимодальной передачи информации [5].

Как важная часть киноискусства, музыка играет огромную роль в установлении и изменении времени и пространства в фильме, и передаче справочной информации, подчеркивает Сунь Биньбинь. В фильме и фоновая музыка, и промежуточная (воспроизводимая между эпизодами) отвечают за важные миссии. Например, фоновый звук объясняет окружающую среду и атмосферу в данный момент, а промежуточная музыка может выражать настроение главного героя радость, печаль, тревогу, счастье, грусть и т.д. Смена музыкального ритма в фильме во многом предсказывает изменения сюжета и настроения героя [5].

В рамках китайского языкознания кинодискурс рассматривается согласно теории мультимодального дискурс-анализа, которая была представлена в 2003 году Ли Чжаньцзы [4]. В последние годы исследования по анализу мультимодальных дискурсов расширяются день ото дня, и объект исследования также становится все более и более обширным [1; 10].

Мультимодальные исследования Китая все еще находятся в зачаточном состоянии в отличие от долгой истории зарубежных мультимодальных исследований. В рамках китайского языкознания было опубликовано несколько фундаментальных статей. В частности, Ху Чжуанлинь обсудил разницу и связь между мультимодальной и мультимедийной семиотикой. Чжан Дэлу представил вопросы построения теоретической основы мультимодального дискурс-анализа. Чжу Юншэн описал природу, определение и теоретические основы. Следует отметить, что большинство китайских ученых сосредоточились на теоретической основе анализа мультимодального дискурса или объединили его с обучением иностранным языкам и не обращались к анализу кинодискурса [5; 7; 8; 10].

В мультимодальном дискурсе в основном делается упор на использование различных органов чувств, таких как слух, зрение и осязание для общения с помощью различных символов, таких как язык, картинки, изображения, звуки и действия. Кроме того, стоит отметить, что мультимодальный дискурс является результатом всестороннего использования различных каналов человеческого восприятия в процессе коммуникации, из этого следует, что при анализе мультимодального дискурса не следует ограничиваться исключительно языковыми исследованиями, а обращаться к другим научным сферам: философия, право, психология, эстетика и т.д. [5].

Китайский исследователь Сунь Биньбинь отмечает, что наиболее подходящей теорией для анализа мультимодального дискурса является теория системной функциональной лингвистики, поскольку основа самой теории может объяснить это явление. Системная функциональная лингвистика ставит на первое место осознание смысла и функции вместо того, чтобы подчеркивать, какой тип среды или системы символов используется. Факты показывают, что реализация определенной коммуникативной функции или значения требует сотрудничества нескольких средств информации и модальностей. Нельзя отрицать, что язык является наиболее эффективным средством коммуникации, но в процессе общения, невербальные составляющие, такие как мимика, движения тела и звука, фон окружающей среды (фоновая музыка и т.д.) вносят свой вклад в большое дело для реализации конечной коммуникативной функции. Другими словами, если мы будем использовать дискурс только как одномодальный метод выражения, он будет далек от того, чтобы достичь эффекта, достигаемого с помощью нескольких модальностей. Потому что выражение мультимодальности включает в себя не только эффект выражения определенного режима в целом, но и взаимодействие между различными модусами. Таким образом, значение, выраженное комбинацией нескольких режимов, больше, чем сумма значений, выраженных одним способом [5].

По мнению Ли Мяоцина, анализ кинодискурса обычно включает в себя рассмотрение изображений, музыки, языка, звука, текста и других символов, однако многие начинают с макроперспектив, таких как психология и эстетика и редко берут лингвистику в качестве отправной точки анализа дискурса [2].

Теоретическая основа анализа мультимодального дискурса может быть подразделена на следующие уровни: культурный уровень, уровень контекста, уровень содержания и уровень выражения, отмечают в своей работе Ли Нана, Хэ Минся. На уровне контекста стороны в общении будут ограничены определенными факторами, которые можно разделить на содержание высказываний, передаваемых обеими сторонами, тон разговора во время коммуникации и конкретные речевые выражения [3].

Также стоит отметить, что традиционные культурные доминанты, используемые в кинофильмах для развития и просветления духовного мира зрителей, изучали Хуан Сяопин и Гоу Синьхуа. В своем труде ученые также отобрали следующие положения. Кино – это искусство, которое воспроизводит и выражает жизнь, создавая на экране перцептивное и интуитивно понятное изображение со звуком. Традиционная китайская культура, отражаемая в кино, представляет собой различные концепции и идеологические формы в истории китайской нации, а также формирующий и конечный продукт цивилизации китайской нации на протяжении тысячелетий. Китайское кино должно наилучшим образом интерпретировать и использовать богатство и уникальность традиционной китайской культуры, при этом постоянно добавляя духовный оттенок новой эры [6].

Говоря о самом кинодискурсе Хуан Сяопин и Гоу Синьхуа отмечали, что он выполняет функцию развлечения, образования, эстетики, поддержания и распространения традиционной китайской культуры; является местом обитания художественной жизни и души; и в то же время художественно конструирует реальность [6].

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Вслед за западными исследователями китайские ученые в начале 21 века занялись изучением и описанием кинодискурса и преимущественно рассматривают его с точки зрения теории мультимодального дискурс-анализа. Мультимодальность включает одновременное использование и совмещение нескольких модусов, а именно изображений, звука, текста и других символов. Положение и взаимосвязь движущихся изображений, фоновая и промежуточная музыка также имеют важное значение во время создания фильма, и соответственно при анализе кинодискурса. Кроме того, китайские языковеды также отмечают, что при анализе кинодискурса наиболее очевидным и явным элементом, подлежащим анализу, является язык, однако при анализе необходимо учитывать все элементы, а именно музыку, изображения, невербальную составляющую для представления полного анализа.

Список литературы

1. Лань Юйлин 兰玉玲: 电影语篇的多模态建构分析, 齐齐哈尔大学, 2012年.
2. Ли Мяоцин 李妙晴: 改编电影的多模态话语分析——以《大红灯笼高高挂》为例, 电影文学, 2007年.
3. Ли Нана, Хэ Минся 李娜娜, 何明霞: 电影语篇《泰坦尼克号》的多模态话语分析, 影视艺苑, 2015年.
4. Ли Чжаньцзы 李战子: 多模式话语的社会符号学分析, 外语研究, 2003年.
5. Сунь Биньбинь 孙彬彬: 对电影语篇《傲慢与偏见》的多模态话语分析, 长春理工大学学报(社会科学版), 2013年.
6. Хуан Сяопин, Гоу Синьхуа 黄小平, 侯新华: 电影语篇的传统文化精神分析, 学术论坛, 2012年.
7. Ху Чжуанлинь 胡壮麟: 社会符号学研究中的多模态化[J], 语言教学与研究, 2007年.
8. Чжан Дэлу 张德禄: 多模态话语分析综合理论框架探索[J], 中国外语, 2009年.
9. Чжан Цзиньянь 张金艳: 电影语篇的多模态话语分析. 硕士学位论文, 四川外国语大学, 2014年.
10. Чжу Юншэн 朱永生: 多模态话语分析的理论基础与研究方法[J], 外语学刊, 2007年.

*10.02.19***Э.Г. Оздоева канд. филол. наук, В.М. Джандигов, Т.Ш. Сайнароева**Ингушский государственный университет,
Maġac, oeset@mail.ru**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются вопросительные предложения в ингушском языке. Выявлено, что интонация, вопросительные частицы, вопросительные местоимения, глаголы в вопросительном и вопросительно-отрицательном наклонениях являются основными средствами, выражающими вопросительность в ингушских предложениях. Отмечается, что все перечисленные средства употребляются как отдельно, так и в сочетании друг с другом.

Ключевые слова: *вопросительные предложения; ингушский язык; средства выражения; интонация; оттенки значения.*

В науке нет однозначного определения предложению. В лингвистической литературе считается, что основными грамматическими признаками, определяющими предложения, «являются предикативность и интонация сообщения» [4, с. 8]. В справочнике лингвистических терминов отмечается, что предложение - это «соединение слов (или слово), обладающее известной смысловой или интонационной законченностью» [9, с. 283]. Далее здесь же отмечается, что «предложение может выражать вопрос, побуждение и т.д.» [Там же, с. 283]. Предметом нашего исследования является синтаксис вопросительных предложений. Актуальность данной темы определяется назревшей необходимостью исследовать вопросительные конструкции в ингушском языке. Научная новизна состоит в том, что в ней впервые рассматривается план выражения вопросительных предложений в исследуемом языке. Все примеры с указанием авторства взяты из произведений ингушского писателя М.-С. Плиева, без указания авторства – наши.

Вопросительными называются предложения, в которых говорящий выражает желание получить от собеседника информацию. Различаются следующие типы вопросительных предложений: собственно-вопросительные, вопросительно-утвердительные, вопросительно-отрицательные, вопросительно-риторические, вопросительно-побудительные. В зависимости от типа ожидаемой информации, различают предложения «частновопросительные и общевопросительные» (см.: [5, с. 21; 6, с. 161-163]).

Одним из основных средств выражения вопросительности является интонация. Оформление вопросительности при помощи интонации возможно при наличии глаголов в изъявительном и отрицательном наклонениях. В качестве примеров приведем глаголы в форме отрицательного наклонения: *Со къавеннав ала-м г1ертац хьо?* [8, с. 32] - «Вы не хотите сказать, что я постарел?»; *Адам, кхоана шиколe г1оргвац хьо?* - «Адам, ты завтра не идешь в школу?».

Возможны и другие грамматические средства оформления: вопросительные местоимения, наречия, частицы, союзы, глаголы в вопросительном, вопросительно-отрицательном, условном наклонениях.

1) вопросительные частицы: *Тлаккха тхо мича даха деза?* [Там же, с. 16] - «Тогда мы куда должны деваться?». Предложения, образующиеся при помощи вопросительных частиц - **хьог1**, **-теш** со значением сомнения требуют утвердительного или отрицательного ответа. Например: *-Хьо ва-хьог1 уж б1енаш дохадаьр? -Ва //Вац.* - «Не ты ли разрушил эти гнезда? - Да // Нет». При помощи данной частицы могут образоваться и предложения, в которых присутствуют неуверенность или сомнение: *Тахан ц1акхача в1аит1ехьадаргда-теш цунна?*

- «А у него получится сегодня приехать домой?». Частица **мишта** - «как» передает оттенок недовольства, удивления и возмущения и подчеркивает вопросительность: *Хьо мишта вахав цига?* - «Ты как туда поехал?». Сложная частица **фуд-хьог1** - «что же» передает значение предположения, сомнения: *Фуд-хьог1 цига хиннар?* - «Что же там случилось?». Частица **кхы** // **кха** - «разве» передает значение сомнения: *Хьо цлаяха хиннай-кха?* - «Ты разве ездила домой?» (оттенок сомнения с нотами удивления). Данная частица в предложении занимает любую позицию (препозицию, интерпозицию или постпозицию): *Кхы цла мишта яхаяр хьо?* - «Ты же не ездила домой?» (оттенок предположения); *Хьо кхы цлаяха а мишта хиннай?* - «Ты ведь и домой не ездила?» (оттенок утверждения). Данные примеры показывают, что в зависимости от позиции частицы меняется оттенок значения вопросительности. Частицы **х1аьта** - «если» и **т1аккха** - «тогда» могут вместе употребляться в предложении: *Х1аьта цо х1а а вийха, из хьавоаг1е, т1аккха?* - «Если его позовут, и он придет, тогда что?»;

2) утвердительные частицы: *Ма товра ца вовзе а?* [8, с. 23] - «Неужели не знаком (смысловой перевод)». Частицы **х1аьта** // **т1аккха** в сочетании с утвердительной частицей - **кх** придает вопросительному предложению оттенок утверждения: *Т1аккха нийса аьлар-кх аз из?* - «Тогда я правильно сказал это?». Встречается сочетание и таких частиц как **фу** и **те**, **фуд** и **т1аккха** и др.: *Фу дергда-те вай цу сага?* - «Что же нам делать с этим человеком?»; *Фуд т1аккха, бий-хьог1 в1алла тешам?* - «Что тогда, есть ли какая-нибудь надежда?»;

3) если вопрос по смыслу является продолжением предыдущей реплики, возможно и употребление противительного союза **е** - «или»: *Кхетий хьо, со хьа даь-да ва, - аьлар инарала. -Т1аэцаргвий 1а кьоано? Е даьй ца лоарх1арех ва хьо?* [8, с. 3] - «“ Ты понимаешь, я твой дед, - сказал генерал. -Примешь старика? Или ты из тех, кто не чтит отцов? ”»;

4) вопросительные местоимения: *Да мукьаг1а мичад хьа из?* [Там же, с. 24] - «Да где же это?»; *Мел нах эш из декхар кхоачаидеча баха?* [Там же, с. 25] - «Сколько человек нужно для этой операции?»; *Малаг1а хургда амар?* [Там же, с. 26] - «Каков будет приказ?»; *Могашал миштий хьа? Могашал дика яле, астаг1а х1ана лелх хьо?* [Там же, с. 27] - «Как твоё здоровье? Если здоров, почему ты хромаешь?». Возможно в одном предложении сочетание вопросительных местоимений и частиц: *Малаш бар-мукьаг1 хайрий хьона?* [Там же, с. 93] - «Ты хоть узнал, кто это был?»; *Ма гой хьона, вайга цхьаккха хаттар а ца деш, вахар кхыча апара мишта дерзадир кхело?* [Там же, с. 136] - «Ты видишь, как без спросу судьба повернула нашу жизнь в другое русло?»;

5) наречия: **ц1аьхха** - «неожиданно» употребляется в препозиции, придает предложению значение неожиданной вероятности: *Ц1аьхха из ена хьакхоаче?* - «А если она неожиданно заявится?»;

6) глаголы в вопросительном наклонении. Как отмечает в своей работе А.З. Гандалоева, «в некоторых вопросительных предложениях вопрос определяется глаголами-сказуемыми» [2, с. 34]: *Зийнайий 1а цар иййца моттиг?* [8, с. 60] - «Ты следил за местом, о котором они говорили?». В таких предложениях спрашивающий предлагает совершение какого-либо действия или просит о чем-либо: *Йистхила пурам дий?* [Там же, с. 91] - «Разрешите обратиться?»; *Мегаргвий со чува?* [Там же, с. 139] - «Можно мне войти?». Глаголы в форме вопросительного наклонения придают предложениям также дополнительное значение побуждения, иногда и к совместному действию: *Хьаала, бокьонцахьара координаташ?* [Там же, с. 75] - «Говори, каковы координаты?»; *Хьажсал, 1айха човнашта даьчунга?* [Там же, с. 137] - «Посмотри, что ты сделал со своими ранами?». Касаясь вопроса оформления вопросительных предложений глаголами в вопросительном и вопросительно-отрицательном наклонении, необходимо отметить тесную связь ингушского наклонения со временем. Ингушский глагол изменяется по семи временным формам (об этом более подробно см.: [1; 3; 7; 10 и др.]). Итак, приведем примеры предложений с вопросительными глаголами: *Аз яххача бесса дий, доттаг1ий, г1улакх?* [8, с. 24] - «Друзья, все обстоит так, как я говорю?»; *Тоаргдий хьона?* [Там же, с. 22] - «Хватит тебе?»; *Еррига дивизи елае воалларий хьо вай экипажах?* [Там же, с. 147] - «Ты хочешь, чтобы вся дивизия смеялась над нашим экипажем?»;

7) глаголы в вопросительно-отрицательном наклонении: *Декхар дизза кхоачаш а даь, маьриша цIабахка мегаций уьж берригаи а?* [Там же, с. 22] - «Разве они не могут приехать все живые и невредимые, выполнив свой долг?»; *Паровоз эькхийта мегаргбеций?* [Там же, с. 170] - «Нельзя взорвать паровоз?»; *ХIама алацарий вокхо?* [Там же, с. 60] - «Тот не возражал?»; *Хьава, кисеиша аьшк техаецарий Iа?* - «Хава, ты не погладила простыни?»;

8) глаголы в форме условного наклонения в сочетании с интонацией: *Цу тIа минаи е снарядаи яле?* [Там же, с. 110] - «Если на нем мины или снаряды?».

Предложения, начинающиеся вопросительным местоимением в сочетании с существительными, прилагательными, наречиями и указательными местоимениями, заключают в себе вопрос о ситуации в целом или каком-нибудь одном признаке: *Фуд керда?* - «Что нового?»; *Фу пайда ба?* - «Что с того?». В данные предложения допускается включение частиц **ай, ва, ванагI, хIай, вададай**: *Вададай, фуд укхаз дааллар?! - «Ой, что здесь происходит?!».*

Исследование выявило также наличие в языке предложений, которые не предполагают ответа и означают утверждение или отрицание, осложненное экспрессивной оценкой, являющихся вопросительными только по форме: *Царех кхера деза-те вай?* - «Мы их бояться должны?» (в значении «Мы их не боимся»); *Цигарча новкъосталга хьежа деза-хьогI вай?* - «Мы дошли до того, что должны ждать от них помощи?» (в значении «Мы сами можем за себя постоять»).

Итак, в ходе исследования мы пришли к следующим **выводам**: 1) в зависимости от искомых сведений, ингушские вопросительные предложения делятся на пять типов, отмеченных выше; 2) в ингушском языке интонация является основным средством выражения вопросительности. Используются также вопросительные частицы, вопросительные местоимения, глаголы в вопросительном и вопросительно-отрицательном наклонениях, глаголы в условном наклонении, утвердительные частицы, противительные союзы и наречия. Перечисленные выше средства, употребляясь в сочетании друг с другом, вносят в вопросительность дополнительные оттенки, такие как: сомнение, просьба, утверждение, отрицание и побуждение.

Список литературы

1. Ахриева Р.И., Оздоева Ф.Г., Мальсагова Л.Д., Бекова П.Х. ХIанзара гIалгIай мотт. Грозный, 1972. 266 с.
2. Гандалоева А.З. ХIанзара гIалгIай мотт. Синтаксис (Современный ингушский язык. Синтаксис). Назрань: ООО «КЕП», 2018. 352 с.
3. Мальсагов З.К. Грамматика ингушского языка. Изд-е 2-е. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 159 с.
4. Оздоев И.А. Синтаксис ингушского литературного языка. Простое предложение // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Грозный, 1964. С. 3 - 73.
5. Оздоева Ф.Г., Кульбужев М.А. ГIалгIай метта синтаксис. Дешара пособи. Магас, 2006. 87 с.
6. Оздоева Э.Г. ГIалгIай метта хаттар доаеи хаттареи предложеней юкъара кхетам // Вузовское образование и наука: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Ингушский государственный университет. Магас, 2015. С. 161- 163.
7. Оздоева Э.Г., Алиева П.М., Дудургова Э.М. Временные формы глагола в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (82). Ч. 1. С. 142-145.
8. Плиев М.-С. Сыновняя клятва. Повести и рассказы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1987. 368 с.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. М., «Просвещение», 1972. 495 с.
10. Современный ингушский язык. Морфология. Нальчик, 2012. 558 с.

10.02.19

¹В.П. Рубаева канд. педагог. наук, ²З.Н. Малиева канд. филол. наук,
¹М.И. Баликоева канд. педагог. наук

¹Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет)»,
кафедра иностранных языков,

²Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова,
кафедра иностранных языков,
Владикавказ

ТЕЗАУРУС ТЕРМИНОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ФИЗИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение самобытности языковой общности является одной из актуальнейших проблем современной лингвистики. Именно в языке наиболее прозрачна специфика национальной культуры. В данной статье представлен тезаурус терминов, обозначающих физическую культуру в осетинском языке (деторождение, гигиена, занятия и игры).

Ключевые слова: *контакт, явление, слово, заимствование, корень, общность, этимология, хозяйство, влияние, осетин.*

Понять специфику национальной культуры и языковой картины мира народа помогает анализ национальной и лингвокультурной концептосферы. "Культура должна быть для каждого народа другая, – писал Н.С.Трубецкой. – В своей национальной культуре каждый народ должен ярко выявить всю свою индивидуальность" [5,79].

Национально-культурную специфику языка продуктивнее всего исследовать в слове, т.к. "лексика – единственная область языковых явлений, где само содержание культуры отражается более или менее непосредственно" [5,82]. Необходимость нашего исследования вызвана тем фактом, что сведения о реалиях, их значении в жизни народа и форме выражения позволяют глубже проникнуть в логику самого знания, в богатстве содержания источников, их содержащих

Физическая подготовка у осетин исторически является частью системы воспитания, а физическое развитие ребенка не уступает по значимости обучению традиционному этикету, уважению к труду и традиционным ценностям. Детские обряды в осетинском семейном цикле начинались еще до рождения ребенка. Это обряды, призванные обеспечить наступление беременности и разрешение от бремени сыном. Многие из таких обрядов были паломничеством к святым местам и прежде всего к святилищу Mady Majram – матери Марии. Наступлению беременности радовались и ею гордились, но в то же время старались подольше не показывать свое положение старшим мужчинам. Беременные женщины избегали показываться в общественных местах и в людных собраниях. Пол будущего ребенка пытались определить по магическим приемам – гаданиям (по бараньей лопатке, по тому, кто первым встретится специально посланному на улицу ребенку и т.д.). Рожала осетинка в равнинных районах в комнате, где жила брачная пара, а в горах – чаще всего в хлеву, так как в доме, где жила семья – хѣзаг – другого изолированного помещения для родов не было. Другая причина родов в хлеву состояла в том, что у осетин, как и у многих других народов Кавказа, женщина считалась в этот период нечистой. Она не должна была осквернять хѣзаг, тем более, что там находилась такая семейная святыня, как очаг (k'ona).

Для облегчения родов прибегали к разного рода религиозно- магическим приемам. Широко пользовались магией подобия. Все женщины расплетали волосы, в помещении развязывали узлы. Брели нитку длиною в рост женщины-роженицы, завязывали на ней узлы, а затем развязывали их, приговаривая: "Роди также легко, как мы развязываем эти узлы".

У порога клали подкову (цæфхад) – на счастье. Пуповину обрезали ножницами и перевязывали волосами матери. Для безопасности роженицы и новорожденного в помещении, где они находились, все время жгли огонь. Хорошим оберегом считалась чесалка для шерсти (pīgæn). Через три-четыре дня после рождения ребенка устраивался обряд его укладывания в колыбель – “avdænbæddæn”. Это был в то же время обряд приобщения новорожденного к семье, отдачи его под покровительство божества Safa. В этот же день или неделю спустя совершался обряд наречения имени – “nom æværyn”. Появление ребенка на свет обозначается в осетинском языке такими глаголами как: 1) агун, 2) ġоугун – рожать, родиться. Э. Бенвенист этимологизирует первое слово следующим образом: согдийское *bug – обозначающее “добывать”. Тогда агинаг – беременная, т.е. та, которая добывает плод. Соотношение второго (ġоугун) также с согдийским *wk'wr – “порожденный” установил И. Гершевич. Единственно возможным признается индоиранский корень *kur-, который Э. Бенвенист сопоставляет с санскритским koraka “почка”.

В.И. Абаев отмечает, что слово означающее “зародыш”(ġоугъ), является чисто осетинским. Надежных соответствий ему в иных иранских языках не нашлось. Нет таковых и в кавказском, тюркских или славянских языках [1]. Слова, определяющие “беременную женщину”, разнообразны и интересны по своим внутренним формам. Так, слово “syværgyn” по внутренней форме означает “носящая младенца”, “wæzzaw” – тяжелая, носящая тяжесть, “xæstbojnnon” – несущая богатство. Слово же “zainag” определяется как “та, которая будет рожать”.

Таким образом, группа синонимов иранского происхождения характерна тем, что выражает идеи социально-биологической функции женщины: производящая дитя, носящая тяжесть, несущая богатство, порождающая. Слово “ævgæd” означает факт рождения, появления на свет и относится к наименованию времени, проводимого роженицей в постели. После этого следует особое наименование “avdæn” – колыбель и “avdænbæddæn” – обряд “привязывания к колыбели”.

Слова, связанные с выкармливанием, имеют иранскую этимологию (syvædæg). Выкармливание производилось из соски, сделанной из рога. Исключение в списке иранских этимологий составляют два слова, имеющие частный характер: sal – детское место, плацента; sabi, syvællon – ребенок.

Гигиеническая лексика относится к главным гигиеническим действиям: pajun – купать, særfyn – чистить, æxsyn – мыть, dasyn – брить

Все эти слова иранского происхождения. Слова, обозначающие специальные гигиенические устройства такие, как баня (abana), туалет (azatxana) заимствованы и явно относятся к оседлому быту, т.к. в условиях кочевого быта подобные устройства не нужны. Слово “мыло” (sapon) имеет аналоги во всех индоевропейских языках. Осетинский вариант слова “мыло” имеет аналоги в языках Кавказа.

Таким образом, слова, обозначающие деторождение и гигиену, относятся к иранским этимологиям. Группа синонимов, определяющих беременную женщину, выражает социально-биологические функции женщины, как несущей тяжесть, несущей богатство и производящей дитя. Эти слова – определения имеют иранские корни. Глаголы, характеризующие появление ребенка на свет, имеют древние согдийские индоиранские корни. Иранскую этимологию имеют и слова, связанные с выкармливанием ребенка. Такая этимологическая картина закономерна, т.к. данный раздел лексики характеризует древнейшие черты быта любого народа.

Охота – одно из древнейших занятий осетин. Потомки алан не изменили давней традиции, и охота по-прежнему оставалась их самым любимым занятием. Очень широко представлена у осетин охотничья мифология. В ней почетное место занимает божество охоты и владыка диких зверей Æfsati. С древних времен у осетин бытовал обычай приносить в дар святым головы первых убитых ими на охоте зверей: “Все святилища и даже самые церкви обложены и украшены черепами и рогами различных зверей” [7, 81]. Не случайно, таким образом, что древними словами представлены занятия присваивающего хозяйства, характеризующие

охоту, а также рыболовство (swan, ængʏt). Эти слова по характеру этимологий имеют параллель либо в авестийском, либо в индоевропейских языках, что характеризует, естественно, древнее присваивающее хозяйство. Тюркское влияние, по-видимому, сказалось в осетинском языке в названиях игр и игрищ. Игра в альчики представлена иранским словом, но имеет серию тюркских параллелей и тюркских терминов игры в альчики (qep, sax, tæw, toxsi, fyt). Все эти слова обозначают различные положения альчика: sax – альчик становится на боковую неровную сторону, (это самое желанное, выигрышное его положение; tæw – противоположное sax, оценивается также высоко, (sax – вогнутая сторона альчика оказывается сверху); считается проигрышным броском; fyt – положение, при котором альчик становится широко выпуклой стороной кверху. Это слово составляет этимологическое исключение из ряда тюркских заимствований, т.к. уходит корнями в период греко-скифских контактов и является древнегреческим словом-заимствованием, обозначающим "широкая выпуклая сторона астрогала".

Тюркскими словами обозначаются и конные ристалища (duġ, duġwat, qūzon). Название duġ представляется В.И. Абаеву старым вкладом в аланский из среднеазиатских тюркских языков[1].

К этому же пласту примыкают и термины, обозначающие стрельбу в цель, и место для такой стрельбы (qabag, qabagwat). Это значит, что контакт с тюрками видоизменил игрища предков осетин, придав им некоторое новое качество. Праздники перестали быть просто жертвоприношениями и играми, к ним добавились и спортивные состязания (erys).

Контакт с грузинами нашел свое отражение в заимствованиях, характеризующих интеллектуальные игры – шашки, карты, кости – и развлечения, которые можно назвать невинными: катания на качелях и каруселях (k'ep, k'am, хес'ro, хегу). Устройство качелей и каруселей производилось обычно в Пасху. В праздничный день сельская молодежь устраивала на сельской площади танцы, продолжавшиеся до позднего вечера. Где-нибудь рядом устраивали несколько качелей и карусели, на которых раскачивались девушки и дети.

Таким образом, древнейшее занятие осетин – охота – представлено в языке соответственно древними этимологиями, имеющими параллели в индоевропейских и авестийских языках. Тюркское влияние сказалось в осетинском языке в названиях игр и игрищ (альчики, конные ристалища, стрельба в цель). Контакт с соседними народами, в частности с грузинами, нашел свое отражение в заимствованиях, характеризующих интеллектуальные игры.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. АН СССР. Институт языкознания. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Ленинградское отделение, 1958, 1973, 1979, 1989.
2. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М.; Наука, 1971. 243 с.
3. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1992. 713 с.
4. Пфаф В.Б. Материалы по древней истории осетин. Тифлис, 1871. с. 5-11.
5. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Вестник МГУ, серия 9 (филология). №2. 1991. с. 77-87.
6. Хетагуров К.Л. Быт горных осетин. Этнографический очерк. Сталинир, 1939. 40 с.
7. Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис, 1925. 103 с.

10.02.19

¹Ф.К. Сагдеева канд. филол. наук, ²Р.Т. Сафаров канд. филол. наук,
³А.К. Булатова канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства им. Г Ибрагимова АН РТ,
¹отдел общей лингвистики,
²отдел лексикографии,
³отдел лексикологии и диалектологии,
Казань, fauzija.sagdeewa@yandex.ru, safar.rinat@yandex.ru, alf_0082.82@mail.ru

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ» И «ПОЛИСЕМИЯ»

В статье понятия «семантическая деривация» и «полисемия» рассматриваются как одно и то же языковое явление в двух аспектах: в синхронии (как результат) и в диахронии (как процесс). В их основе лежит семантическая связь между значениями лексической единицы. Без осмысления роли семантической деривации и полисемии в языке невозможно составить целостного представления о семантическом пополнении и обогащении лексического состава любого языка.

Ключевые слова: *полисемия, многозначность семантическая деривация, семантическая структура слова, значение слова.*

Одним из основных способов пополнения словарного состава любого языка, в том числе и татарского, является развитие новых значений у имеющихся лексических единиц. Этот процесс принято называть семантической деривацией.

Семантическая деривация в отличие от словообразования является одноплановым способом создания новой единицы языка и затрагивает только содержание слова. Семантическая деривация – процесс появления у слова семантически производных значений, семантических коннотаций, дополнительных значений, то есть процесс расширения семантического объёма слова, приводящий к возникновению семантического синкретизма [2, с. 105; 4, с. 204].

Семантическая деривация как процесс лежит в основе существования такого явления, как полисемия слова. Её сущность заключается в сосуществовании в семантической структуре слова нескольких значений, находящихся между собой в отношениях семантической производности. Под полисемией понимается способность иметь словом одновременно несколько значений, т.е. обозначать различные классы предметов, явлений, действий, процессов, признаков, отношений и т.д. [2, с. 87]. В этой связи возникает вопрос: как понятия «семантическая деривация» и «полисемия» соотносятся между собой?

Данная проблема сложна, многоаспектна и даже спорна. Актуальность предпринятого исследования определяется особой значимостью когнитивной парадигмы знания на современном этапе развития науки и таких методологически важных вопросов, как концептосфера, категоризация и концептуализация, способы представлений знаний в языке, которые ещё не получили однозначного решения в языкознании.

В последнее время в связи с обращением к когнитивным аспектам изучения языка и особенно к такому его важнейшему свойству, как антропоцентричность, появилась почва для широких исследований. Это связано с тем, что антропометричность играет важную роль в формировании языковой картины мира.

В свете современных исследований проблема соотношения семантической деривации и полисемии затрагивается в работах таких татарских учёных, как Л.К. Байрамова, И.Б. Баширова, Ф.К. Сагдеева, А.К. Булатова и др. Понятия семантической деривации и полисемии отражают два аспекта одного и того же явления – процессуальный и

результативный. В основе семантической деривации лежит способность человека находить связи между предметами и явлениями действительности – аналогию, смежность, функциональное сходство и т. д. Номинативной производностью и непрямым характером обозначения действительности характеризуется вторичное наименование. Номинативная производность обычно выражается в мотивированности вторичных наименований. При изменении значений слова происходит изменение его семантической структуры: одни компоненты значения ослабевают, другие, наоборот, активизируются. Новые значения расширяют семантическое поле и объем слова. По этой причине семантическая деривация является количественным показателем семантических трансформаций.

Семантическая деривация основана на человеческой способности соизмерять, ассоциировать разные категории, и это соизмерение происходит соответственно с собственно человеческим масштабом знаний и представлений. Такое положение вытекает из антропологической парадигмы научного знания, исходящей из того, что человек познает мир через свою практическую и теоретическую деятельность в нем.

Семантическая деривация считается языковым средством концептуализации и закрепления в когнитивной системе представлений и знаний, социально значимых для культурно-языковой общности, что позволяет считать семантические сдвиги и переносы когнитивным инструментом.

Особенности концептуализации отражаются семантической структурой многозначного слова. Значения многозначного слова представлены как единицы смысла, которые подчинены определенной организации внутри слова. Эти значения репрезентируют один культурный концепт. Н.Ф. Алиференко отмечает: «Концепт... представляет собой генетический корень или смысловой эмбрион, экспликация которого осуществляется путем осмысления формирования семантической структуры слова» [1, с. 226].

Концепт как когнитивная единица репрезентируется лексемой. Между тем при анализе практического материала не всегда наблюдается четкое разграничение концептуальных и семантических параметров. Их различие несомненно, а именно: концепт имеет слои, лексемы имеют семемы. Структурными компонентами концептов являются концептуальные признаки, структурными компонентами семем – семы. Полисемичное слово репрезентирует один многослойный концепт. Думается, что явление семантической деривации есть не что иное, как языковая репрезентация когнитивного процесса, в результате которого концепт приобретает дополнительные признаки, образующие еще один слой в его структуре. Также различие проявляется в том, что один концепт может репрезентироваться несколькими лексемами, а для другого концепта могут отсутствовать языковые средства репрезентации.

Содержание, репрезентированное тем или иным многозначным словом, представляется в виде фрейма, слоты которого составляют смыслы, вербализованные лексико-семантическими вариантами.

Деривационная структура большинства многозначных слов характеризуется иерархией. Главенствующую роль играет первое, прямое значение, которое можно толковать как прототипическое, т. к. оно удовлетворяет психологическим (первым приходит на ум), семантическим (имеет простой семный состав, что обуславливает его структуру сочетаемость, номинативную функцию) критериям. Все остальные значения прямо или косвенно подчинены первому.

Семантический инвариант многозначного слова представляется интегральными для всех значений семами и является одним из типов лингвосемиотических рядов. Развитие семантической структуры многозначного слова позволяет применять к ней понятие эволюционного семиотического ряда, отражающего изменения в ценностных парадигмах культуры.

Кратко рассмотрим когнитивные стратегии, отраженные в семантической структуре многозначного слова *хезмәт* (труд) [3, с. 429]. Однотомный толковый словарь татарского языка (2005) в определенной степени отражает особенности концептуализации труда на современном этапе развития культуры. Слово *хезмәт* в анализируемом словаре имеет 5

значений. Труд осмысливается как деятельность человека, целью которой является создание духовных и материальных богатств.

Первой, основной семемой с опорой на отношения смежности мотивированы значения семантической структуры слова *хезмәт* деятельность человека (1 значение); результат этой деятельности (2 значение); место осуществления этой деятельности (3 значение); служебное положение, обязывающее выполнять эту деятельность (3, 4 значения).

Семантический инвариант данного полисеманта, объединяющий его значения, формирует сема «эшчәнлек» (деятельность). Возможно, это определяет продуктивность импликационных связей, в частности основанных на смежности, при продуцировании новых смыслов.

Как видим, семантическая структура многозначного слова *хезмәт*, зафиксированного в толковом словаре татарского языка, отражает раз-ноаспектность объективированных смыслов.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: семантическая деривация и полисемия являются двумя аспектами одного явления – изменения объема значения слова.

Список литературы

1. Алиференко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Асайепиа, 2002. 392 с.
2. Булатова А.К. Полисемия в современном татарском литературном языке. Казань: ИЯЛИ, 2018. 108 с.
3. Сагдеева Ф.К. Ценность хезмәт (труд) в языковом сознании татар // Ученые записки КФУ им. В.И.Вернадского. Филологические науки. Симферополь. №3. 2016. С. 429–434.
4. Трубаев О.Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. Москва, 1988. С. 197–222.

10.02.19

Р.Ф. Фаттахова, Л.Г. Гилязова, Р.Р. Шамсутдинова

ГАОУ ДПО “Институт развития образования Республики Татарстан”,
кафедра татарского языка и литературы,
Казань, faruzilya@mail.ru, glg4@yandex.ru, tnd@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ У УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ГОСУДАРСТВЕННОМУ

В статье освещается проблема мотивации учащихся при обучении татарскому языку как неродному. В современной методике преподавания татарского языка оптимальным считается коммуникативный подход. На уроках выполняются виды работ, которые должны быть направлены на формирование мотивации и совершенствование речевой культуры учащихся: работа по тексту, составление диалогов, коммуникативные игры, ситуативные задания.

Ключевые слова: национальное образование, коммуникативный подход, мотивация, речевая деятельность, текст, диалог, игра, ситуативные задания.

В настоящее время в сфере национального образования наиболее актуальная проблема - это преподавание татарского языка в русских группах общеобразовательных организаций. В современной методике преподавания татарского языка как государственного утвердился коммуникативный подход, т.е. обучение языку через общение. [4, с. 198]

Одна из главных целей применения коммуникативных технологий в обучении – мотивация, смягчение напряженности в отношении изучения татарского языка как предмета в школе.

Проблема мотивации в учении есть по каждому школьному предмету. На начальном этапе изучения татарского языка ученики проявляют интерес к обучению, но уже в средних классах интерес значительно ослабевает, а в старших классах он пропадает у большинства учащихся. [2, с. 119] Тема мотивации при изучении иностранных языков достаточно хорошо изучена. Однако проблема мотивации при изучении татарского языка в Республике Татарстан как государственного остается открытой. Актуальность вышеизложенной проблемы определила тему исследования. Цель исследования – выявить наиболее эффективные пути, методы, средства повышения познавательной мотивации к обучению татарскому языку в русских группах общеобразовательных организаций.

Основной мотивационный компонент обучения родному языку определяется потребностью в общении. Одна из основных составляющих мотивации - необходимость совершенствования речевой культуры, воспитание сознательного отношения к учебной деятельности. Обучение татарскому языку в русскоязычных группах предполагает выполнение 4 учебных задач: ученик должен научиться: 1) читать, 2) писать, 3) разговаривать, 4) понимать речь на слух. Эти задачи реализуются и при обучении татарскому языку на основе коммуникативной технологии. На уроках выполняются виды работ, которые должны быть направлены на выполнение данных задач: работа по тексту; составление диалогов; коммуникативные игры; ситуативные задания.

В организации работы с текстом ключевым моментом является выбор правильного текста. Удачно подобранный текст максимально стимулирует языковую деятельность учащихся и мотивирует их к учебной деятельности. Текст должен быть актуальным, соответствовать уровню и интересам школьников, быть информативным, содержать элементы культурологических реалий. [1, с. 73] Работа по тексту включает в себя такие задания, как чтение текста, ответы на вопросы по тексту, составление вопросов по тексту, изложение содержания, определение темы, составление плана, конспектирование, написание аннотации, анализ и др. На пост-текстовом этапе осуществляется деятельность по составлению устной и

письменной, монологической (повествование, описание, размышление) и диалогической речи.

Во время диалога происходит обмен высказываниями между двумя лицами. Участники диалога поочередно высказывают реплики, которые могут быть в формах вопроса/ответа, утверждения/отрицания, сомнения, недоверия, несогласия, просьбы, совета, рекомендации. Через них осуществляется изучение отдельных грамматических форм татарского языка, пополнение лексического запаса, выработка правильного произношения. Диалогическая речь может быть использована на всех этапах урока: на этапе введения в тему короткие диалоги могут быть направлены на порождение заинтересованности учащихся в данной теме, на этапе закрепления диалог может помочь проверить навыки речи.

Диалогическое общение дает ученикам больше времени на практику устной речи, вовлекает их в тематику урока и, таким образом, делает их активными участниками процесса обучения, что решает проблему мотивации к изучению татарского языка. Учащиеся при составлении диалога закрепляют полученные знания, накапливают информацию, выбирают самое главное, обобщают, делают выводы. При этом развиваются и интеллектуальное мышление, и коммуникативные навыки. Через них учащиеся активно осваивают образцы татарского речевого этикета, устойчивые речевые выражения, различные реплики. Чтобы учебное общение привело к реальному общению, необходимо научить детей четко и правильно выражать свои мысли.

Игра как вид деятельности на уроках, является средством мотивации для изучения языка, активизирующее мыслительные, познавательные возможности учащихся. Психологическое влияние игры проявляется в преодолении барьера говорения (общения) на татарском языке. Атмосфера интереса и радости, увлекательность заданий - все это позволяет детям преодолевать застенчивость и положительно влияет на результаты обучения.

При организации коммуникативных игр, учитель должен знать требования, предъявленные прежде всего к их организации. Игровая деятельность на уроке должна быть мотивирована, а учащиеся должны испытывать потребность в ней. Большую роль играет психологическая и интеллектуальная подготовка учащихся к участию в игре. Содержание игры должно быть интересным и значимым для ее участников, закончиться достижением определенного результата. Игра должна опираться на коммуникативные универсальные учебные действия, полученные на различных уроках, обеспечивать возможность принятия учащимися рациональных и эффективных решений, при этом уметь критически оценивать себя и окружающих. [3, с. 111]

Главная цель фонетических игр - научить говорить с правильной интонацией, корректировать произношение. Эти игры могут использоваться и для того, чтобы получить хорошую разрядку на уроке, создать атмосферу психологического комфорта.

Лексические игры акцентируют внимание учащихся на лексическом материале и способствуют расширению словарного запаса, правильному, уместному использованию слов в коммуникативных ситуациях.

Грамматические игры должны обеспечить умение грамотно использовать знания по грамматике татарского языка, активизировать мыслительную деятельность, направленную на применение грамматических структур в естественных ситуациях общения. [5, с. 113]

При организации ситуативных игр необходимо изучить интересы детей, их возрастные особенности. Ситуативные игры повышают возможность практического применения изучаемой лексики, грамматики татарского языка в различных условиях, в разных жизненных ситуациях. [6, с. 420]

При организации ситуативных заданий учитель должен помнить несколько предпосылок:

- 1) активизация коммуникативной деятельности учащихся, формирование коммуникативной потребности в общении;
- 2) правильное распределение ролей детям с учетом уровня речевой деятельности, внимание к возможностям учащихся, участие в ситуативных играх должны принимать все учащиеся;

- 3) стремление к достижению положительного результата, ощущая настроение ученика;
- 4) частое использование хорошо знакомых ученикам ситуаций;
- 5) взаимодействие, формирование устно активной среды общения, создание состояния психологического комфорта.

Таким образом, важнейшей особенностью коммуникативных упражнений является их коммуникативная направленность, которая предполагает планомерное обучение школьников осуществлению всех видов речевой деятельности: говорения, слушания, письма, чтения. Такие упражнения способствуют познавательной деятельности учащихся и формируют умение пользоваться языком как средством общения.

Список литературы

1. *Гилязова Л.Г., Хадиева Г.В.* Туган (татар) тел дәресенә заманча модельләре (белем һәм күнекмәләре системалаштыру дәресләре) // Сборник материалов Международной НПК “Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия. 11 декабря 2019 г. – Казань, 2019. – С. 72-74.
2. *Гилязова Л.Г., Хадиева Г.В.* Федеральные государственные образовательные стандарты: комплексные работы в начальной школе // Фәнни Татарстан. 2018. № 1. – С. 119-124.
3. *Гилязова Л.Г., Хадиева Г.В.* Татар теле дәресләрендә сайлап алуның актуальлеге // Фәнни Татарстан. 2020. № 4 (28). – С. 109-114.
4. *Фаттахова Р.Ф.* Рус төркемнәрендә татар телен укытуда коммуникатив технологияне куллану // Сборник материалов Международной НПК “Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия. 11 декабря 2019 г. – Казань, 2019. – С. 198-200.
5. *Фаттахова Р.Ф.* Урок систематизации и обобщения знаний // Фәнни Татарстан. 2019. № 1. – С. 109-114.
6. *Шамсутдинова Р.Р., Фаттахова Р.Ф.* Развитие творческих способностей учащихся на уроках татарской литературы // IV Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности. Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. – С. 419-422.

*10.02.19***Янь Кай канд. филол. наук**

Университет имени Сунь Ятсена,
Школа международного перевода,
Центр Европейских исследований,
Гуанчжоу, ku_710@mail.ru

**КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТРАХ
В РУССКОМ ОРИГИНАЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ
И КИТАЙСКОМ ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ**

Статья посвящена представлению культурных особенностей передачи эмоций РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТРАХ в выбранных художественных текстах И.А. Бунина. Материалом анализа послужили произведения «Сверчок», «Последнее свидание», «Грамматика любви», «Роза Иерихона», «Далёкое», «Тёмные аллеи», «Натали», «Ворон», «Месть», «Весной, в Иудее», из которых было выбрано и проанализировано более 440 эмотивных контекстов, а также переводы данных рассказов на китайский язык. В работе использовались описательный и сопоставительный методы, а также методы семантического анализа и лингвистического толкования. Целью работы является выявление и описание особенностей передачи указанных эмоций в бунинских рассказах в сопоставлении с их переводами на китайский язык. Отметим, что в настоящей статье для выявления культурно-национальной специфики передачи указанных эмоций и отражения особенностей понимания эмотивных смыслов в китайском переводном тексте основной акцент был сделан на несовпадениях в их (т.е. эмоций РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТРАХ) передаче между исходным и переводным текстами. Новизна работы состоит в выявлении некоторых культурно-национальных особенностей передачи указанных эмоций в проанализированных бунинских рассказах и в их переводах на китайский язык. Все полученные в ходе анализа данные, на наш взгляд, актуальны для развития этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, теории и практики перевода.

Ключевые слова: эмоции, художественный текст, культура, перевод, человек говорящий.

В научном освещении проблема передачи культурно-национальной маркированности языковых единиц активно рассматривается в русле переводоведения, этнопсихолингвистики и лингвокультурологии (см. работы Е.Г. Беляевской, И.В. Захаренко, И.В. Зыковой, Д.Б. Гудкова, Т.А. Казаковой, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, А.Н. Крюкова, И.Ю. Марковиной, В.А. Масловой, Ю.А. Сорокина, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцевой, Л.О. Чернейко, В.И. Шаховского, А.Д. Швейцера, М.Г. Яшиной и др.).

В рамках психолингвистики (в частности, этнопсихолингвистики) перевод рассматривается как особый вид речевой деятельности человека говорящего. А.Д. Швейцер пишет, что «к теории перевода вполне приложимы данные психолингвистики о механизмах порождения и восприятия речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности» [11, 21]. По мнению Ю.А. Сорокина, переводческая деятельность предстает как частный случай процессов и результатов смыслового восприятия (художественного) текста и его оценки [10, 75]. Исследователь выделяет понятие «культурологическое правдоподобие»: «Именно реконструкция пропозициональных или культурологических соотношений и составляет суть переводческой деятельности человека» [10]. С точки зрения этнопсихолингвистики Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина предлагают рассматривать проблему перевода (художественного) текста в свете теории лакунологии: «Поскольку лакуны выявляются только в условиях контакта культур, в качестве ситуации межкультурного общения нами рассматривается процесс художественного перевода» [1, 99].

В рамках теории перевода Т.А. Казакова рассматривает (художественный) перевод как процесс решения задач, в который вовлекается значительное число условий помимо непосредственных межъязыковых и межкультурных соответствий, в том числе: предметно-логические суждения, реконструкция ассоциативных структур, семиозстетическая и эмоциональная оценка исходного текста в плане потенциальных переводческих соответствий и многие другие [5, 198]. При этом исследователь выделяет три взаимосвязанных аспекта в теоретическом моделировании художественного перевода: 1) *лингвистический аспект*; 2) *информационный аспект*; 3) *психологический аспект* («обращает исследования к таким процессам, как восприятие исходного художественного текста, переработка исходного текста (соотнесение его составляющих с языковыми и ментальными структурами переводящей культуры), создание переводного художественного текста (литературно-языковое творчество в условиях вторичности замысла, переводящего языка и переводящей культуры)») [5, 25–26]. Г.В. Денисова делает акцент на том, что культура интертекстуальна, и единственное требование, которое может применяться к переводческой деятельности, состоит в том, чтобы переводной текст в результате столкновения с другими семиотическими системами порождал «третье» культурное пространство и также становился в рамках принимающей культуры «генератором новых смыслов» [2, 267]. При этом исследователь полагает, что интертекстуальные элементы в процессе перевода можно рассматривать как реалии, которые могут передаваться: 1) средствами принимающей лингвокультуры, т.е. путем поиска творческого эквивалента; 2) путем обращения к сложившемуся в рамках принимающей культуры переводческому канону; 3) комментарием, остающимся при этом «чуждым» для переводного текста элементом; 4) «дословно» и без комментария, с потерей «интертекстуальности» и переходом в тексте перевода в нейтральный пласт [Там же: 260]. В процессе перевода переводчик прочитывает достаточный фрагмент текста «на входном языке и понимает его <...>. В результате он получает смысл, который он должен передать» [7, 12]. В данном случае цель художественного перевода состоит в «осуществлении полноценной межъязыковой эстетической коммуникации путем интерпретации исходного текста, реализованной в новом тексте на другом языке» [8, 96].

С позиции лингвокультурологии Т.В. Евсюкова и Е.Ю. Бутенко пишут, что задача переводчика состоит в том, чтобы проникнуть в суть «ключевых слов» культуры оригинала и суметь донести их смысл до своих получателей, «сохранив, с одной стороны, национальный колорит оригинала, а с другой стороны, сделав восприятие перевода доступным для носителей совершенно иной национальной концептосферы» [3, 225]. Согласно мнению И.В. Ружицкого, при встрече двух культур возможны следующие варианты: 1) культуры имеют между собой нечто общее; 2) культуры в чем-то похожи, но в этой похожести есть и какие-то различия; 3) представления данных культур абсолютно противоположны [9, 5].

Перейдем к рассмотрению особенностей передачи эмоций РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТРАХ в выбранных художественных текстах И.А. Бунина на фоне их китайского перевода. Согласно упомянутой ранее точке зрения И.В. Ружицкого, традиции переводящей культуры могут находиться в разном положении по отношению к исходной: полностью совпадать, полностью не совпадать или частично совпадать. Особо отметим, что в данной статье для выявления культурно-национальной специфики передачи эмоций и отражения особенностей понимания эмотивных смыслов в китайском переводном тексте мы сосредоточились на несовпадениях в передаче эмоций РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТРАХ в оригинальном и переводном текстах. Приведем несколько примеров, которые могут, на наш взгляд, проиллюстрировать неполное понимание «русской» эмоции китайским переводчиком и неточности в передаче данной эмоции в китайском переводном тексте [4] (был выбран самый популярный на сегодняшний день перевод бунинских рассказов на китайский язык).

Радость

а. «Я походил по саду, лежавшему, как и вся усадьба, в речной низменности, наконец преодолел себя, вошел с напускной простотой и встретил *веселую смелость* Сони и милую шутку Натали, которая с улыбкой вскинула на меня из черных ресниц сияющую черноту своих глаз, особенно поразительную при цвете ее волос: ...» [«Натали»].

Перевод на китайский язык: 我在花园中漫步了一些时候，这花园和整个庄园都在临河的低地上。最后我终于控制住自己的情绪，摆出一副平平常常的样子去面对索尼娅的大胆说笑和纳塔莉亲切的戏言 – 纳塔莉从她的黑色眼睫毛间投给我一瞥在她的金发衬映下尤其震撼人心的黑色目光 ...。

В китайском переводном тексте русское словосочетание *веселая смелость* переведено как **亲切的戏言**, что означает ‘добрая шутка’. В переведенном сочетании не сохранился исходный смысл ‘радость’. Соответственно, в данном случае китайское переводное сочетание не ассоциируется у китайских читателей с радостью.

б. «И мы чокнулись, и, медленно выпив весь бокал, она опять со странной усмешкой стала глядеть на меня, на то, как я работаю вилкой, стала как бы про себя говорить: – Да, ты ничего себе, похож на грузина и довольно красив, прежде был уж очень тощ и зелен лицом. Вообще очень изменился, стал *легкий, приятный*» [«Натали»].

Перевод на китайский язык: 我跟索尼娅碰碰杯，两人慢慢地干了第一杯酒。她再次审视我，看我怎样使用叉子，脸上挂着怪异的微笑。接着她仿佛自言自语地说：你真的长得不错，像格鲁吉亚人，够漂亮的，以前你太瘦，脸发青。总而言之，你的变化很大，变得**随和**，找人喜欢了。

В китайском переводном тексте русское слово *лёгкий* перевели как **随和**, что означает ‘спокойный’. В китайском языке слово *спокойный* обычно описывает характер человека, не выражая его эмоциональное состояние. В данном случае китайское переводное сочетание не вызывает у китайских читателей ассоциацию с радостью.

в. «Пятнадцать, шестнадцать лет тому назад я приезжал сюда каждый день и готов был ночевать у твоего порога. Я тогда был еще мальчишка, *восторженный и нежный* дуралей» [«Далёкое»].

Перевод на китайский язык: 十五六年前我天天到这儿来，情愿睡在你门口。我那时候还是个孩子，是个**头脑容易发热的多情小傻瓜**。

В китайском переводном тексте русское слово *восторженный* перевели как **头脑容易发热**, что имеет значение ‘легко мыслящий’. В данном случае китайское переводное сочетание также не вызывает у китайских читателей ассоциацию с радостью.

Удивление

а. «И, проходя мимо шатра, она слегка повернула голову, повела на меня глазами: глаза эти были необыкновенно темные, таинственные, лицо почти черное, губы лиловые, крупные – в ту минуту они больше всего *поразили* меня» [«Весной, в Иудее»].

Перевод на китайский язык: 她走过帐篷的时候微微转过头来扫了我一眼，那双眼睛特别黑特别神秘，脸几乎是黑的，嘴唇发紫，比较厚，那一瞬间**使我的心为之一震**的就是她的嘴唇。

В китайском тексте русский глагол *поразить* переведен с помощью фразеологической конструкции **使我的心为之一震** (букв. пер.: ‘мое сердце поражено’). В данном случае китайская фразеологическая конструкция не вызывает у китайских читателей ассоциацию с эмоцией УДИВЛЕНИЕ.

б. «Да, нетрудно. Почувствовали себя за ужином близкими, говорили без конца, *удивились*, когда настал час расставаться...» [«Месть»].

Перевод на китайский язык: “不难。你们吃饭的时候就觉得彼此很亲近，聊个没完，不知不觉到了分手的时刻...”。

В китайском тексте русский глагол *удивиться* переведен с помощью фразеологической конструкции **不知不觉** (букв. пер.: ‘незаметно’), которая не является эмоционально окрашенной в китайском языке.

в. «Я так ждал их в столовую, но когда наконец услышал их в столовой с балкона, вдруг сбежал в сад, – охватил какой-то страх не то перед обеими, с одной из которых я имел уже пленительную тайну, не то больше всего перед Натали, перед тем мгновенным, чем она полчаса тому назад *ослепила* меня в своей быстроте» [«Натали»].

Перевод на китайский язык: 我那么盼望他们到餐室里来，可是当我在阳台上终于听见他们在餐室里说话的时候，却突然跑到花园里去了，不知是害怕面对她们两个（我跟其中一个已经有了私情），还是更害怕面对娜塔莉，面对半小时以前使我目眩的那一瞬间的印象。

В китайском тексте русский глагол *ослепить* переведен как 目眩 (букв. пер.: ‘головокружительный’). В данном случае китайский перевод не является эмоционально окрашенным.

Страх

а. «И, подойдя, с ужасом восторга взглянул на иноческую стройность ее черного платья, делавшего ее особенно непорочной, на чистую, молодую красоту лица, ресниц...» [«Натали»].

Перевод на китайский язык: 当我走到她身边的时候，我以狂喜得使我骇然的心情看了看她那一身使她显得额外贞洁端庄的黑衣，以及一看见我就低下去的洁净，年轻，美丽的面孔，睫毛和眼睛...

Русское слово *ужас* в китайском тексте перевели как 骇然 (букв. пер.: ‘с удивлением’), что в китайском языке описывает эмоциональное состояние удивления. В русскоязычном контексте выражение *с ужасом восторга* означает ‘с очень сильным удивлением и восторгом’. Соответственно, китайский перевод не полностью отражает исходный смысл.

б. «В великом покое вековой тишины и забвения *лежали* перед нами ее Палестины – доли Галилеи, холмы иудейские, соль и *жупел* Пятиградия» [Роза Иерихона].

Перевод на китайский язык: 眼前是处在长年寂静和忘怀的伟大安详中的圣乡 — 加利利地，犹太众山，五城的盐和硫磺火。

Русское слово *жупел* в китайском тексте перевели как 硫磺火, что в китайском языке имеет значение ‘огонь серы’ и лишено яркой эмоциональной окраски.

в. «— Дивное дело, – сказала кухарка, когда он кончил, – не пойму я того, как ты сам-то в такую *страсть* не замерз?» [«Сверчок»].

Перевод на китайский язык: 真是怪事，蚰蚰儿讲完了后，厨娘说，我不明白，碰上这么吓人的风雪你怎么倒没冻死？

Русское слово *страсть* в китайском тексте перевели как 吓, что в китайском языке имеет значение ‘пугать’. В русскоязычном контексте слово *страсть* означает ‘ужасный холод’. Соответственно, в китайском переводе не сохраняется исходное значение.

Итак, наблюдаются некоторые несовпадения в передаче эмоций РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТРАХ в исходном (в нашем случае – русском) и в переводном (т.е. китайском) текстах. Можно выявить основные причины сложности восприятия и понимания русских эмоций китайским профессиональным переводчиком: 1) отсутствие фоновых знаний (см., например, СТРАХ – б); 2) разные нормы языкового/речевого употребления

(см., например, РАДОСТЬ – а, б, в; УДИВЛЕНИЕ – а, б, в; СТРАХ – а, в). Носители иной культуры сталкиваются со значительными трудностями в процессе понимания текстов, содержащих эмоциональные смыслы, потому что, во-первых, в одних и тех же ситуациях люди (тем более принадлежащие разным культурам) могут испытывать несколько различные эмоции (см., к примеру, отношение к смерти в разных культурах и, соответственно, связанные с этим эмоции); во-вторых, способы выражения одних и тех же эмоций могут различаться в разных культурах (даже сама допустимость / недопустимость выражения тех или иных эмоциональных состояний далеко не одинакова).

*Статья подготовлена в рамках гранта (номер гранта: 19wkp26)
«Российская лингвокультурология: возникновение, состояние и перспектива»
Университета имени Сунь Ятсена.*

本文系2019年度中山大学高校基本科研业务费青年教师培育项目(项目号 : 19wkp26)

“(俄罗斯)语言文化学研究:形成、现状与发展”研究成果。

Список литературы

1. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. – 197 с.
2. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
3. Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю. Лингвокультурология: учебник / Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 480 с.
4. Избранные рассказы И.А. Бунина/под ред. Чжан Дианьхуа. Переводчик: Чень Фу. Пекин: Исследование и обучение иностранным языкам, 2006. – 240 с.
5. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2006. – 224 с.
6. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.
7. Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. – 176 с.
8. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 264 с.
9. Ружицкий И.В. Презумпция негативной оценки в восприятии России и русских носителями иных культур / Русское слово в русском мире – 2008: Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности: Сборник научных статей / под ред. И.В. Ружицкого, Ю.Н. Караулова, О.В. Евтушенко. М.: Васиздаст, 2008. С. 5–20.
10. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. – 160 с.
11. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: URSS, 2012. – 215 с.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

С.Н. Барашкова, С.Ф. Желобцова
ТРАДИЦИИ «РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ИСТОРИИ»
В СЕМАНТИКЕ СЮЖЕТА РАССКАЗА ЛЕОНИДА
АНДРЕЕВА «АНГЕЛОЧЕК»

Ключевые слова: рождественские истории, рассказ, Л. Андреев, поэтика, литературная традиция.

В статье рассматривается поэтика малоисследованного рассказа Л. Андреева «Ангелочек» в контексте литературных традиций «рождественских историй». Выявляются особенности творческой индивидуальности, эстетики художественного манифеста писателя-философа рубежа 19-20 вв., продолжающего находиться в центре полемической критики. Научная новизна темы статьи определяется необходимостью перечитать художественный текст и переоценить его с позиций философских размышлений писателя.

Е.В. Канищева, Н.Н. Шлемова
ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Ключевые слова: христианские мотивы, проза русского зарубежья, современная проза.

В работе представлены результаты исследования современной прозы русского зарубежья в аспекте христианской духовной традиции. На материале произведений, опубликованных в популярных русскоязычных зарубежных журналах («Новый журнал», «Крестьянин», «Даугава» и др.), выявляются доминирующие христианские мотивы в прозе русского зарубежья рубежа XX – XXI вв. Анализ репрезентативных текстов, апеллирующих к христианской тематике, выявил универсальные категории, указывающие на связь литературы метрополии и диаспоры.

О.А. Ковыршина
РАССКАЗ М.М. ПРИШВИНА «САШОК» В КОНТЕКСТЕ
ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

Ключевые слова: художественное мышление, образ ребенка, архетип, «природный» человек.

В статье анализируется идейно-художественная специфика раннего рассказа М.М. Пришвина «Сашок». Особое внимание при интерпретации художественного текста уделено образам и темам, которые станут ведущими в творчестве зрелого писателя: теме детства, взаимосвязи природы и человека, образу «природного» человека.

А.Н. Тушев
ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ О ЛИТЕРАТУРНОЙ
КРИТИКЕ

Ключевые слова: Валерий Брюсов, Лев Толстой, литературная критика, русская литература, русский модернизм.

В статье сопоставляются эстетические взгляды Толстого, выраженные в трактате «Что такое искусство?», с воззрениями молодого В.Я. Брюсова, высказанными в статье «О искусстве». Присущая Брюсову установка на элитарность шла вразрез с принципиальной для Толстого мыслью о доступности понимания искусства. То, чем могут проникнуться лишь немногие не может являться настоящим искусством.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксёнов, В.Д. Чистонов,
В.Ю. Филиппов, А.Т. Султанов, Л.Ю. Десяткина,
З.Р. Крылова, Т.Д. Юнусов, Э.Ф. Якуп
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В
ЖУРНАЛИСТСКОЙ РАБОТЕ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ И
СПОРТА СОТРУДНИКОВ ТРЁХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(БГМУ—УГАТУ—БИРСКИЙ ФИЛИАЛ БГУ)

Ключевые слова: журналистика, медицина, здравоохранение, общественное здоровье, спорт, физическая культура, университеты.

S.N. Barashkova, S.F. Zhelobtsova
TRADITIONS OF THE "CHRISTMAS HISTORY" IN THE
PLOT SEMANTIC OF LEONID ANDREEV'S "THE ANGEL"
Keywords: Christmas stories, story, L. Andreev, poetics, literary tradition.

The article examines the poetics of L. Andreev's story "The Angel" in the context of "Christmas stories" literary traditions. The article reveals the peculiarities of creative individuality, the aesthetics of the writer-philosopher of 19-20th centuries artistic manifesto, which continues to be at the center of polemical criticism. The scientific novelty of the article is determined by the need to re-read the literary text and re-evaluate it from the point of the writer's philosophical reflections.

E.V. Kanishcheva, N.N. Shlemova
CHRISTIAN MOTIVES IN MODERN PROSE
OF RUSSIAN ABROAD

Keywords: christian motives, prose of Russian abroad, modern prose.

The paper presents the results of the study of modern prose of Russian abroad in the aspect of the Christian spiritual tradition. Based on works published in popular Russian-language foreign magazines ("New Journal," "Khreshchatyk," "Daugava," etc.), the dominant Christian motifs and features of their embodiment in the artistic world of prose of Russian abroad at the turn of the 20th - 21st centuries are revealed. Analysis of representative texts, appealing to Christian topics, revealed universal categories indicating the connection of literature.

O.A. Kovyrshina
M.M. PRISHVIN'S SHORT STORY "SASHOK" IN THE
CONTEXT OF THE WRITER'S WORK

Keywords: artistic thinking, the image of the child archetype, the "natural" man.

The article analyzes the ideological and artistic specifics of M.M. Prishvin's early short story "Sashok". Special attention in the interpretation of the literary text is paid to the images and themes that will become leading in the work of the mature writer: the theme of childhood, the relationship between the nature and the man, the image of a "natural" person.

A.N. Tushev
LEO TOLSTOY AND VALERII BRYUSOV ON LITERARY
CRITICISM

Keywords: Leo Tolstoy, literary criticism, Russian literature, Russian modernism, Valery Bryusov.

The article compares Tolstoy's aesthetic views, expressed in the treatise «What is art?», with the views of young Valery Bryusov, expressed in the article «On art». Bryusov's inherent attitude to elitism ran counter to Tolstoy's fundamental idea of an accessible understanding of art. What only a few people can understand can't be real art.

A.U. Kinyabulatonov, S.G. Aksyonov, V.D. Chistonov,
V.Yu. Filippov, A.T. Sultanov, L.Yu. Desyatkina,
Z.R. Krylova, T.D. Yunusov, E.F. Yakup
EFFICIENCY OF INTERACTION IN JOURNALISM IN THE
FIELD OF MEDICINE AND SPORT OF EMPLOYEES OF
THREE EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER
EDUCATION (BSMU-UGATU-BIRSKY BRANCH OF BSU)

Keywords: journalism, medicine, healthcare, public health, sports, physical culture, universities.

In December 2020, the 22nd Congress of Journalists of the Republic of Bashkortostan (SJ RB) was held in the city of Ufa. In

В декабре 2020 года в городе Уфа состоялся 22-й Съезд журналистов Республики Башкортостан (СЖ РБ). В отчётном докладе Председателя СЖ РБ А.Х. Давлетбакова отмечены три организации, которые привлекают к активной работе молодых журналистов из разных университетов, научной темой объединения является «медицина и спорт». Опыт работы трёх образовательных учреждений высшего образования БГМУ—УГАТУ—Бирского филиала БГУ по оздоровлению студенчества показал свою эффективность в период между республиканскими съездами журналистов.

А.К. Малаховский

РЕПЕТИЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ США В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: первая мировая война, президент В. Вильсон, Комитет Крила, роль глобального лидера.

В статье рассматриваются различные направления журналистики США периода первой мировой войны. Автор приводит конкретные примеры, иллюстрирующие как прогерманскую, так и пробританскую точку зрения, а также высказывания ведущих американских политических деятелей, сформировавшие внешнеполитический курс США. Делается вывод о том, что США не удалось в полной мере реализовать роль лидера западного мира в ходе первой мировой войны.

А.К. Малаховский

ПРЕССА НОРТКЛИФФА: РЯД АСПЕКТОВ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: первая мировая война, лорд Нортклифф, «Дейли Мейл», «Таймс».

В статье рассматривается информационная и пропагандистская деятельность лорда Нортклиффа, одного из крупнейших владельцев прессы Великобритании. На примерах деятельности газет Нортклиффа показывается его позиция в системе отношений с британским политическим истеблишментом в период первой мировой войны. Делается вывод о слиянии интересов Нортклиффа и британской политической элиты.

М.С. Штейман

И. ТУРГЕНЕВ-ПУБЛИЦИСТ (К ВОПРОСУ О ТЕМЕ ДВОРЯНСТВА В «МАЛОЙ ПРОЗЕ» ПИСАТЕЛЯ)

Ключевые слова: крепостное право, дворянство, Россия, реформа, славянофилы, крестьянство, самодержавие, культура.

В статье рассматривается отношение Тургенева к решению главного вопроса пореформенной России середины 19 века – отмене крепостного права. Акцентируется внимание на философско-нравственных и общественно-политических взглядах писателя, для которого личность является главным носителем культуры и человеческих идеалов в обществе. Подчеркивается мысль, что со временем отношение писателя к роли и судьбе русского дворянства постепенно менялось, что нашло отражение в публицистике и художественном творчестве.

Н.В. Атаманова

ЗВУКООБРАЗ ГУЛА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ И ПОЭТИЧЕСКОЙ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ключевые слова: звуковой образ, поэтическая звуковая картина мира, гул, русская лингвокультура, Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой.

В статье исследуется семантическое своеобразие звукообраза гула в поэтических текстах Ф.И. Тютчева и А.К. Толстого в аспекте поэтической звуковой картины мира и традиций культуры русского народа. Репрезентация звукообраза в лексикографических источниках позволяет судить о семантической разноплановости лексемы и семиотической природе гула как звука. Поэтический текст углубляет и обогащает узуальное представление о гуле, семантика лексемы получает индивидуально-авторское осмысление и своеобразие.

the report of the Chairman of the Union of Journalists of the Republic of Belarus A.Kh. Davletbakov noted three organizations that attract young journalists from different universities to the active work, the scientific theme of the association is "medicine and sports". The experience of the three educational institutions of higher education of the BSMU — USATU — Birk branch of the BSU on improving the students' health showed its effectiveness in the period between the republican congresses of journalists.

A.K. Malakhovsky

GLOBAL POLICY REHEARSAL: ON SOME ASPECTS OF THE U.S. POLITICAL JOURNALISM DURING WORLD WAR I

Keywords: World War I, President W. Wilson, Creel Committee, global leadership role.

The article studies various directions of the US journalism circa World War I. The author demonstrates concrete samples of pro-German and pro-British viewpoints as well as sayings of leading US politicians that created US foreign policy course. The author concludes that the US did not manage to fully realize their role of Western world leader during World War I.

A.K. Malakhovsky

NORTHCLIFFE PRESS: ASPECTS OF ITS ACTIVITIES DURING WORLD WAR I

Keywords: World War I, Lord Northcliffe, The Daily Mail, The Times.

The article studies information and propaganda activities performed by Lord Northcliffe, one of the major owners of the British press. Using Northcliffe's newspapers as samples his position in the system of relationship with the British political establishment during World War I is shown. The conclusion is drawn on merge of interests between Northcliffe and the British political elite.

M.S. Shteyman

I. TURGENEV-PUBLICIST (TO THE QUESTION ABOUT THE THEME OF NOBILITY IN THE WRITER'S "LITTLE PROSE")

Keywords: serfdom, nobility, Russia, reform, Slavophiles, peasantry, autocracy, culture.

The article examines the attitude of Turgenev to the solution of the main issue of post-reform Russia in the mid-19th century - the abolition of serfdom. Attention is focused on the philosophical, moral and socio-political views of the writer, for whom the personality is the main bearer of culture, human ideals in society. The idea is emphasized that over time the attitude of the writer to the role and fate of the Russian nobility gradually changed, which was reflected in journalism and artistic creativity.

N.V. Atamanova

SOUND IMAGE HUM IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE AND IN THE POETIC SOUND PICTURE OF THE WORLD

Keywords: sound image, poetic sound picture of the world, hum, Russian linguoculture, F.I. Tyutchev, A.K. Tolstoy.

The article examines the semantic originality of the sound image hum in the poetic texts of F.I. Tyutchev and A.K. Tolstoy in the aspect of the poetic sound picture of the world and the traditions of the culture of the Russian people. The representation of the sound image in lexicographic sources allows one to judge the semantic diversity of the lexeme and the semiotic nature of the hum as a sound. The poetic text deepens and enriches the common understanding of hum, the semantics of the lexeme receives individual author's understanding and originality.

Н.В. Коврыгина

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «КОСМОС» В
РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА*Ключевые слова:* концепт, типы дискурса, текст, языковая картина мира.

В статье рассматривается оценочно-характеризующая и прагматилистическая специфика слов и выражений, обозначающих реалии космической темы и выступающих в качестве способа образной и аксиологической репрезентации концепта «Космос» в русской языковой картине мира. Существенное внимание уделяется анализу особенностей функционирования исследуемого концепта и ассоциирующихся с ним лексических единиц в различных дискурсивных образованиях на материале разнотипных текстов. Сочетание методов дискурсивного, системного и контекстуального анализа позволило выявить определенные особенности реализации понятий космической тематики в бытовом, информационном и понятийном дискурсе, наметить перспективы исследования.

С.Н. Аверкина, И.А. Бекин

К ВОПРОСУ О ФИКЦИОНАЛЬНОСТИ
И ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ В НОВЕЛЛЕ РОБЕРТА ВАЛЬЗЕРА
«ПРОГУЛКА» (ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: фикциональность, нефикциональность, жанровое своеобразие, лейтмотив, переводческие трудности. Статья посвящена проблеме соотношения фикционального и нефикционального пластов в повести классика швейцарской литературы Р. Вальзера «Прогулка». Обращением к автобиографическому началу обусловлено выявление лейтмотивов текста, таких как «прогулка» и «заточение». Своеобразие реализации и актуализации данных мотивов в тексте рассматривается не только в тексте оригинала, но и на материале переводов повести на русский язык.

А.И. Артемьева, Л.М. Штейнгарт
РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОЙ ФУНКЦИИ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В НЕМЕЦКОЙ
КОММЕРЧЕСКОЙ ГЕНДЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ
РЕКЛАМЕ*Ключевые слова:* прецедентные феномены, персуазивная функция, гендерно-ориентированная реклама.

В работе представлены результаты изучения функций прецедентных феноменов в рекламном дискурсе Германии на материале гендерно-ориентированной рекламы. Особое внимание уделяется выявлению персуазивной функции. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности применения прецедентных феноменов в гендерно-маркированной рекламе, а также неполнотой освещенности феномена гендерно-ориентированной рекламы.

А.А. Гасанова
АНАЛИЗ ФИНАЛЬНЫХ ФОРМУЛ НА ОСНОВЕ
АНГЛИЙСКИХ СКАЗОК*Ключевые слова:* сказки, английский язык, финальные формулы, концовка.

В рамках статьи анализируются финальные формулы сказок. Языковым материалом выступают английские сказки. Рассматриваются классификации финальных формул по различным характеристикам. Учитывая изложенный материал, автор предлагает свой вариант группировки данных элементов.

Г.Р. Еремеева, Ф.Л. Ратнер, Р.Р. Бикбулатов
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА –
ВЫНУЖДЕННАЯ, НО НЕИЗБЕЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Ключевые слова: цифровизация, образование, цифровые технологии, онлайн, дистанционное обучение, Microsoft Teams. Статья посвящена проблеме цифровизации образовательного процесса и перехода на дистанционный формат обучения. Проанализированы преимущества интеграции цифровых

N.V. Kovrygina

FUNCTIONING OF «SPACE» CONCEPT IN ARTISTIC
DISCOURSE*Keywords:* concept, pragmatics, artistic discourse, language worldview, language personality.

The article deals with the functional and pragmatic potential of the conceptual term «space» in the framework of the modern linguistic paradigm. Special attention is paid to the study of the peculiarities of the functioning of the concept in the aspect of communicative pragmatics and their implementation in the texts of artistic works. The use of methods of definitional, semantic and contextual analysis allowed us to systematize the conceptual apparatus associated with the studied sphere of linguistic pragmatics and axiology, expand the understanding of the functional concept of «Space» in artistic discourse.

S.N. Averkina, I.A. Bekin

TO THE PROBLEM OF FICTIONAL AND NON-FICTIONAL
IN ROBERT WALSER'S NOVELLA "DER SPAZIERGANG"
(IN TERMS OF TRANSLATION)*Keywords:* fictional, non-fictional, genre characteristics, leading motif, language difficulties

The article tackles the problem of fictional and non-fictional in "Der Spaziergang", a novella by a canonical Swiss writer, Robert Walser. Autobiography and writer's background seem instrumental in helping showcase key motifs of the novella under consideration, for instance, 'strolling' and 'captivity'. The article considers the realization thereof in novella's original German text as well as its two Russian translations.

А.И. Артемьева, Л.М. Штейнгарт
PERSUASIVE FUNCTION REALIZATION OF PRECEDENT
PHENOMENA IN GERMAN GENDER-ORIENTED
ADVERTISEMENT*Keywords:* precedent phenomena, persuasive function, gender-oriented advertisement

This paper presents the results of the study of precedent phenomena in their persuasive function in the German gender-oriented advertisement. The importance of the article determined by the issue that commercial advertising campaigns for men and women are not fully researched and described.

А.А. Гасанова
ANALYSIS OF FINAL FORMULAS BASED ON
ENGLISH FAIRY TALES*Keywords:* fairy tales, English, final formulas, ending.

The article analyzes the final formulas of fairy tales. The language material is English fairy tales. Classifications of the final formulas according to various characteristics are considered. Considering the material presented, the author offers his own version of grouping these elements.

Г.Р. Еремеева, Ф.Л. Ратнер, Р.Р. Бикбулатов
DIGITALIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS
AS A FORCED BUT INEVITABLE REALITY*Keywords:* digitalization, education, digital technology, online, distance learning, Microsoft Teams.

The article is devoted to the problem of digitalization of the educational process and distance learning. The advantages of digital technology integration into the educational process, as well as the barriers inherent in digital technologies are analyzed.

технологий в образовательный процесс, а также барьеры, присущие цифровым технологиям. Представлен собственный опыт авторов по применению образовательной платформы Microsoft Teams и предложены меры по ее использованию.

The authors' own experience of using the Microsoft Teams educational platform is presented and measures for its use are proposed.

М.О. Жердева

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.

Ключевые слова: лексические заимствования, кельтские диалекты, этимологические дублиеты, язык-донор, калькирование, слова-гибриды.

В предлагаемой статье рассматриваются лексические заимствования в древнеанглийский язык, основными источниками которых были латинский язык и кельтские диалекты. Все заимствования разделяются на определенные группы. Отмечены такие явления, как появление этимологических дублиетов вследствие заимствования одного и того же слова в разные исторические эпохи или из разных языков-доноров, а также способ косвенного заимствования иноязычных лексем путем их калькирования. Среди топонимов с элементами кельтского происхождения выделены слова-гибриды с разными иноязычными компонентами. Немногочисленность иноязычных заимствований свидетельствует об активном использовании ресурсов родного языка для передачи новых явлений и понятий в жизни англосаксов.

M.O. Zherdeva

LOAN-WORDS IN OLD ENGLISH

Keywords: loan-words, Celtic dialects, etymological doublets, a donor language, calquing, hybrid words.

This article deals with loan-words in Old English which were mainly borrowed from Latin and some Celtic dialects. The words above have been divided into certain groups. There have been mentioned such phenomena as etymological doublets, resulting from the same word borrowed in different historical periods or through various donor languages, and a way of indirect borrowing, i.e. calquing. Among the toponyms (place-names) of Celtic origin there have been found hybrid words with various donor-language components.

М.А. Кузина, П.Д. Пастернак

ПОЛОЖИТЕЛЬНО И ОТРИЦАТЕЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПОДРОСТКОВОМ ДЕТЕКТИВЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: детективный роман, подростковая литература, прецедентное имя, слово-реалия, коннотация.

Анализ прецедентных имён, функционирующих в подростковых детективных романах Филиппа Пулмана «Рубин во мгле» (1985) и «Тень полярной звезды» (1988), показывает, что они являются элементами поля оценочности, выражая как стереотипные оценочные представления, так и авторскую субъективную оценку.

M.A. Kuzina, P.D. Pasternak

MELIORATIVE AND PEJORATIVE ALLUSIONS IN ENGLISH-LANGUAGE DETECTIVE NOVELS TARGETED AT ADOLESCENTS

Keywords: detective novel, adolescent literature, allusion, culture-bound word, connotation.

The analysis of the usage of allusions in the detective novels aimed at adolescent readers («The Ruby in the Smoke» (1985), «The Shadow in the North» (1988) by Ph. Pullman) has yielded the following conclusions: the majority of them are not void of a negative/positive connotation, which contributes to conveying stereotypical views and the author's subjective judgment.

З.В. Маньковская

ЭПИГОНСТВО КАК ПРИЕМ ТВОРЧЕСКОГО ПОДРАЖАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Ключевые слова: эпитонство, творческое подражание, тематический контекст, комбинаторные возможности лексических единиц.

В статье описываются результаты эксперимента, проведенного в Мытищинском филиале Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, по использованию эпитонства как приема творческого подражания в изучении иностранного языка. Подчеркивается творческий потенциал эпитонства в формировании лексической компетенции студента в вузе. Раскрываются возможности расширения словарного запаса студента за счет воспроизведения выделенной лексики в разных тематических, грамматических и лексических контекстах.

Z.V. Mankovskaya

IMITATION AS A CREATIVE WAY OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Keywords: imitation, creativity, thematic environment, combinability of lexical units.

The article looks at 'imitation' as a creative way of vocabulary build-up in higher educational institutions and summarizes the results of the experiment conducted at the Mytishchi Branch of the Bauman Moscow State Technical University. The creative potential of 'imitation' for forming lexical competence of the English-language learners is highlighted. Strategies of widening students' target vocabulary due to its use in different thematic, grammar and lexical environment are demonstrated.

Е.С. Руденко, В.А. Тунникова, Л.В. Олифиренко

ЭКФРАСИС В ЛИРИКЕ УВЕ БЕРГЕРА

Ключевые слова: экфрасис, поэтическая интерпретация, культурный контекст, Ренессанс, социализм.

Цель данной работы заключается в выявлении функций экфрасиса в творчестве Уве Бергера на материале стихотворения «Гравюра Дюрера». В ходе анализа привлекались данные искусствоведения и истории искусства, что обусловливается сложностью самого явления экфрасиса, находящегося на стыке двух семиотических систем. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что функция экфрасиса в данном стихотворении не сводится к описанию произведения искусства, экфрасис используется в качестве художественного приема, необходимого для формирования художественного образа.

E.S. Rudenko, V.A. Tunnikova, L.V. Olifirenko

EKPHRASIS IN UWE BERGER'S LYRICS

Keywords: ekphrasis, interpretation of poetry, cultural context, Renaissance, socialism.

The purpose of this article is to identify the central function of ekphrasis in Uwe Berger's poem "Dürer's wood engraving". The study has been conducted with due regard for the cultural value set of the Renaissance epoch and the socialist epoch. The authors conclude that the central function of ekphrasis is making the reader 'see' the subject in the mind's eye of a poet, thus reinterpreting values central to the Renaissance epoch.

Н.А. Сигачева, А.Л. Короткова
ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ФИЗИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В
НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ

Ключевые слова: научное и профессиональное общение, термины, английский язык, перевод.

Актуальность проблемы определяется необходимостью повышения уровня научного и профессионального общения в области естественных наук. В работе анализируется использование и перевод наиболее распространенных физических терминов в научной литературе на английском языке. Основным результатом исследования является выявление статистических данных об использовании физических терминов в англоязычных источниках информации. Результаты работы могут быть использованы студентами, преподавателями, а также исследователями английского языка в профессиональной сфере.

Г.Г. Асхадуллина, Д.Х. Хуснутдинов,
Р.К. Сагдиева, Р.Р. Галиуллин
ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И ИХ СИМВОЛИКА В ТАТАРСКОМ
ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: числовая символика, семантическая структура, лингвокультурологический аспект, числовая модель, языковая картина.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения национально-культурной символики чисел татарского языка, результаты исследования нумерологического кода культуры помогут выявить общее и особенное в языковой картине мира этнически разных, в то же время длительное время контактирующих народов. В татарской лингвистике изучение проблемы лингвокультурологического характера находится в стадии становления. Целью статьи является описание лексико-семантических характеристик числовой символики в татарском языке в лингвокультурологическом аспекте. Понимания мира через призму чисел, анализ символики позволит проанализировать специфику их миропонимания, лучше понять законы человеческого, свойственные лексической семантике, установить связь языка и культуры, рассмотреть и подчеркнуть реальную значимость числительных в диахронном и синхронном аспектах.

Н.В. Возмищева, Г.Е. Поторочина, М.Н. Смирнова
О ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ПРИ РАБОТЕ С АУТЕНТИЧНЫМИ ТЕКСТАМИ
РАЗЛИЧНОГО ТИПА

Ключевые слова: межкультурная компетенция, аутентичные тексты, исторические тексты, современные художественные тексты, современные нехудожественные тексты.

В работе представлены результаты изучения проблемы формирования межкультурной компетенции посредством работы с аутентичными текстами различного типа на национальных языках. Подчеркивается необходимость принятия во внимание ряда моментов при работе с аутентичными текстами: лингвокультурологического наполнения, аксиологического и лингвокультурологического подхода к переводу, учета особенностей современной системы ценностей этноса. Рассматриваются некоторые особенности аутентичных текстов разного типа.

М.Б. Давлатмирова
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ “ТАҚДИР” (СУДЬБА)
В ТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА
ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: лингвокогнитивистика, Национальный корпус таджикского языка, лексема “Тақдир” (Судьба), паремнологический фонд.

Данная статья посвящается рассмотрению реализации лексемы “Тақдир” (Судьба) в современном таджикском языке на материале текстов Национального корпуса таджикского языка XX и XXI вв. Данные Национального корпуса таджикского языка дают возможность выявить всевозможные словоформы, идиомы, метафоры, устойчивые сочетания слов с лексемой “Тақдир” (Судьба) современного таджикского языка.

N.A. Sigacheva, A.L. Korotkova
APPROACHES TO TRANSLATION OF PHYSICAL TERMS
IN SCIENTIFIC ARTICLES

Keywords: scientific and professional communication, terms, English, translation.

The urgency of the problem is determined by the need to improve the level of scientific and professional communication in the field of natural science disciplines. This article analyzes the use and translation of the most common physical terms in the scientific literature in English. The study reveals the differences in the use of physical terms in English and Russian. The main result of the study is the identification of statistical data on the use of physical terms in English-language information sources. The practical significance of the work lies in the fact that the results of the work can be used by students, teachers, and also researchers of the English language in the professional field.

G.G. Askhadullina, D.H. Husnutdinov,
R.K. Sagdieva, R.R. Galiullin
EMOTIVE FUNCTION OF TATAR LANGUAGE IN
CREATION OF A NATIONAL PICTURE OF THE WORLD
Keywords: interjection, emotiveness, expressiveness, emotive vocabulary, national picture of the world.

Recently, in the field of studying the picture of the world, interest has been growing in the national originality of the perception of reality, the national specificity of reflection in the language of the picture of the world. This article attempts to reveal the national identity of the emotional experiences of the Tatar people. The subject of the study is the emotive vocabulary of the Tatar language, which makes it possible to formulate and evaluate the presented picture and conceptualization of the surrounding world of the Tatars.

N.V. Vozmishcheva, G.E. Potorochina, M.N. Smirnova
CROSS-CULTURAL COMPETENCE DEVELOPMENT BY
MEANS OF WORKING WITH THE AUTHENTIC TEXTS OF
DIFFERENT TYPES

Keywords: cross-cultural competence, authentic texts, historical texts, modern fiction, modern non-fiction.

This work represents the results of cross-cultural competence development research by means of working with the authentic texts of different types in national languages. The necessity of taking into account the following aspects in the course of authentic texts' studies is highlighted: linguistic concepts' analysis, axiological and linguocultural translation approaches, modern ethnic value system. Some peculiarities of various types' authentic texts are pointed out.

M.B. Davlatmirova
REPRESENTATION OF LEXEME “ТАҚДИР” (FATE) IN THE
TEXTS OF NATIONAL CORPUS OF TAJIK LANGUAGE.
Keywords: National corpus of Tajik language, lexeme “Taқdir” (Fate), paremiological fund, linguo-cognitive nature.

This article is dedicated for consideration of implementing the lexeme “Taқdir” (Fate) in modern Tajik language, based on the texts of National corpus of Tajik language in XX – XXI centuries. The data of the National Corpus of Tajik language allow to identify all kinds of word forms, idioms, metaphors, stable combinations of words with the lexeme “Taқdir” (Fate) of the modern Tajik language.

А.М. Емельянова, Л.И. Овчинникова
ЭРГОНИМИКА Г. УФЫ: ВЫВЕСКА КАК ТЕКСТ

Ключевые слова: вывеска, ономастическое пространство, русский язык, социолингвистика, текст, эргоним.

Статья посвящена изучению официальных наименований коммерческих объектов городского пространства г. Уфы. Авторы статьи исследуют городские эргонимы как один из видов текста. В работе представлен краткий анализ функций эргонима.

Н.В. Зененко, Л.П. Сон
ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ VS
ВИРТУАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, идеограмма, интернет-коммуникация, виртуальная реальность, виртуальный образ, виртуальная личность.

Актуальным предметом современных научных интердисциплинарных исследований становится человек/личность и его ментально-практическая активность. Отсутствие универсального толкования термина «личность» объясняется многогранностью данного понятия. Трансформационные процессы в информационном обществе рождают новые идеограммы (виртуальная реальность, виртуальный образ, виртуальная личность), требующие дополнительной интерпретации. Для осуществления коммуникации в виртуальной реальности человек формирует совокупность виртуальных образов, подконтрольных его сознанию, которые и репрезентуют некую виртуальную личность.

Н.Г. Иванова, А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова
К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
СОКРАЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: сокращение, словообразование, лингвистика, способ словообразования, слово, текст, термин.

Статья посвящена проблеме дефиниции и структурно-семантической классификации сокращений в английском языке. Сокращение является одним из самых продуктивных способов пополнения словарного состава современного английского языка. Тестовые и терминологические сокращения – одни из основных семантических типов сокращений, которые структурно подразумевают деление по орфоэпическому и структурному типу.

Д.М. Искандарова
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА КАК
ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: языковой корпус, система поиска, разметка, лингвистические исследования, корпусная грамматика.

С развитием компьютерных технологий в лингвистике стала очевидна необходимость создания корпусов размеченных текстов на различных языках. Создание Национального корпуса таджикского языка является научно значимой и неотложной задачей. В данной статье проанализированы возможности языкового корпуса при проведении лингвистических исследований.

О.Г. Лукошус
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИНОНИМОВ С ПОМОЩЬЮ
КОРПУСА COCA

Ключевые слова: семантика, корпус, семантический анализ, признак, COCA.

Статья посвящена семантическому анализу английских прилагательных faithful, devoted, dedicated. С помощью корпусного анализа (COCA) автор раскрывает основные особенности, характеризующие каждую из исследуемых лексических единиц. Проведённое исследование позволило выявить сходные компоненты значения исследуемых синонимов, которые делают возможной замену одной лексемы другой в некоторых контекстах, а также раскрыть отличительные характеристики, делающие подобную замену невозможной.

A.M. Emelyanova, L.I. Ovchinnikova
ERGONYMS OF UFA: SIGN AS TEXT

Keywords: ergonym, onomastic sphere, Russian language, signboard, sociolinguistics, text.

The article is devoted to the organization of the language space of the modern city. The subject of the research is the official names of commercial objects of urban space in Ufa. The authors examines urban ergonyms as one of the types of text. The paper presents a brief analysis of the functions ergonyms.

N.V. Zenenko, L.P. Son
VIRTUAL REALITY: VIRTUAL IMAGE VS VIRTUAL
PERSONALITY

Keywords: anthropocentric paradigm, ideogram, communication, virtual reality, virtual image, virtual personality.

The actual subject of modern scientific interdisciplinary research is the person / personality and his mental and practical activity. The lack of a universal interpretation of the term "personality" is explained by the versatility of this concept. Transformational processes in the information society give rise to new ideograms (virtual reality, virtual image, virtual personality) that require additional interpretation. To carry out communication in virtual reality, a person forms a set of virtual images controlled by his consciousness, which represent a certain virtual personality.

N.G. Ivanova, A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
ON THE QUESTION OF STRUCTURAL SHORTENINGS
CLASSIFICATION IN MODERN ENGLISH

Keywords: shortening, word building, linguistics, way of word building, word, text, term.

The article deals with the problem of the definition of a shortening and their classification in English. Shortening is one of the productive ways of English word building. Textual and terminological shortenings are the main semantic types of shortenings, they are divided further into orthopedic and structural approach.

D.M. Iskandarova
THE NATIONAL CORPUS OF THE TAJIK LANGUAGE AS A
TOOL FOR LINGUISTIC RESEARCH

Keywords: language corpus, search engine, markup, linguistic research, corpus grammar.

With the development of computer technologies in linguistics, the need to create corpora of marked-up texts in various languages became obvious. The creation of a National Corpus of the Tajik language is a scientifically significant and urgent task. This article analyzes the possibilities of the corpus in conducting linguistic research.

O.G. Lukoshus
SEMANTIC ANALYSIS OF SYNONYMS WITH COCA

Keywords: semantics, corpus, semantic analysis, feature, COCA. The article features the semantic analysis of the English adjectives faithful, devoted, dedicated. The research relies on COCA analysis which reveals the specific features of the words under consideration. The analysis discovered similar components in the meaning of the synonyms that make the substitution of one word by the other possible in some contexts. The paper also features some distinctive semantic components making substitution impossible in other contexts.

Т.Б. Маклакова, Ю.В. Туфанова, М.Н. Чупановская
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОГО РЕГИОНА)

Ключевые слова: межличностное общение, коммуникативная ситуация, виртуальная коммуникация.

Статья посвящена описанию межличностного общения в виртуальной коммуникативной ситуации. На основе анализа полученных эмпирических данных были определены структурные компоненты данной ситуации. Проведённое научное исследование позволило выявить основные коммуникативно-прагматические особенности устного и письменного общения в условиях виртуальной коммуникации.

T.B. Maklakova, Y.V. Tufanova, M.N. Chupanovskaya
COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC FEATURES OF
INTERPERSONAL VIRTUAL COMMUNICATION (ON THE
EXAMPLE OF IRKUTSK REGION)

Keywords: interpersonal communication, communicative situation, virtual communication.

The article is devoted to the description of interpersonal communication in a virtual communicative situation. Based on the analysis of the obtained empirical data, the structural components of this situation were determined. The conducted scientific research made it possible to identify the main communicative and pragmatic features of oral and written communication in the context of virtual communication.

А.А. Мельниченко, И.Г. Нагибина
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КИНОДИСКУРСА В РАМКАХ
КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: кинодискурс, мультимодальный дискурс, китайская лингвистика.

В работе представлены результаты изучения китайского кинодискурса с точки зрения китайских исследователей. Целью исследования является рассмотрение мультимодального дискурса как отправной точки в изучении и анализе китайского кинодискурса. В статье были определены основные черты и составляющие китайского кинодискурса.

A.A. Melnichenko, I.G. Nagibina
INTERPRETATION OF FILM DISCOURSE WITHIN THE
FRAMEWORK OF CHINESE LINGUISTICS

Keywords: film discourse, multimodal discourse, chinese linguistics.

This paper presents the results of study of Chinese film discourse from the point of view of the Chinese researchers. The aim of the study is to research multimodal discourse as a starting point in the study and analysis of Chinese film discourse. The article identifies the main features and components of the Chinese film discourse.

Э.Г. Оздоева, В.М. Джандигов, Т.Ш. Сайнароева
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: вопросительные предложения; ингушский язык; средства выражения; интонация; оттенки значения.

В статье рассматриваются вопросительные предложения в ингушском языке. Выявлено, что интонация, вопросительные частицы, вопросительные местоимения, глаголы в вопросительном и вопросительно-отрицательном наклонениях являются основными средствами, выражающими вопросительность в ингушских предложениях. Отмечается, что все перечисленные средства употребляются как отдельно, так и в сочетании друг с другом.

E.G. Ozdoeva, V.M. Dzhandigov, T.Sh. Sainaroeva
MEANS OF EXPRESSING QUESTIONS IN INGUSH

Keywords: Question papers; Ingush language; means of expression; intonation; shades of value.

The article deals with questions in the Ingush language. It was revealed that intonation, interrogative particles, interrogative pronouns, verbs in interrogative and interrogative-negative inclinations are the main means of expressing interrogativity in Ingush sentences. It is noted that all the funds listed are used both separately and in combination with each other.

В.П. Рубаева, З.Н. Малиева, М.И. Баликoeва
ТЕЗАУРУС ТЕРМИНОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ
ФИЗИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: контакт, явление, слово, заимствование, корень, общность, этимология, хозяйство, влияние, осетины.

Изучение самобытности языковой общности является одной из актуальнейших проблем современной лингвистики. Именно в языке наиболее прозрачна специфика национальной культуры. В данной статье представлен тезаурус терминов, обозначающих физическую культуру в осетинском языке (деторождение, гигиена, занятия и игры).

V.P. Rubaeva, Z.N. Malieva, M.I. Balikoeva
THESAURUS OF TERMS CHARACTERIZING PHYSICAL
CULTURE IN THE OSSETIAN LANGUAGE

Keywords: contact, phenomenon, word, borrowing, root, community, etymology, economy, influence, the Ossetians.

The study of the identity of a linguistic community is one of the most pressing problems of modern linguistics. It is in the language that the specifics of the national culture are most transparent. The article presents a thesaurus of terms characterizing physical culture in the Ossetian language (childbirth, hygiene, sports and games).

Ф.К. Сагдеева, Р.Т. Сафаров, А.К. Булатова
К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ
«СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ» И «ПОЛИСЕМИЯ»

Ключевые слова: полисемия, многозначность семантическая деривация, семантическая структура слова, значение слова.

В статье понятия «семантическая деривация» и «полисемия» рассматриваются как одно и то же языковое явление в двух аспектах: в синхронии (как результат) и в диахронии (как процесс). В их основе лежит семантическая связь между значениями лексической единицы. Без осмысления роли семантической деривации и полисемии в языке невозможно составить целостного представления о семантическом пополнении и обогащении лексического состава любого языка.

F.K. Sagdeeva, R.T. Safarov, A.K. Bulatova
ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN
THE CONCEPTS OF «SEMANTIC DERIVATION» AND
«POLYSEMY»

Keywords: polysemy, polysemy semantic derivation, semantic structure of the word, meaning of the word.

In the article, the concepts of «semantic derivation» and «polysemy» are considered as one and the same linguistic phenomenon in two aspects: in synchrony (as a result) and in diachrony (as a process). They are based on the semantic relationship between the values of a lexical unit. Without understanding the role of semantic derivation and polysemy in the language, it is impossible to form a holistic view of the semantic replenishment and enrichment of the lexical composition of any language.

Р.Ф. Фаттахова, Л.Г. Гилязова, Р.Р. Шамсутдинова
ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ У УЧАЩИХСЯ ПРИ
ОБУЧЕНИИ ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ КАК
ГОСУДАРСТВЕННОМУ

Ключевые слова: национальное образование, коммуникативный подход, мотивация, речевая деятельность, текст, диалог, игра, ситуативные задания.

В статье освещается проблема мотивации учащихся при обучении татарскому языку как неродному. В современной методике преподавания татарского языка оптимальным считается коммуникативный подход. На уроках выполняются виды работ, которые должны быть направлены на формирование мотивации и совершенствование речевой культуры учащихся: работа по тексту, составление диалогов, коммуникативные игры, ситуативные задания.

Янь Кай
КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТРАХ В
РУССКОМ ОРИГИНАЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ И
КИТАЙСКОМ ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: эмоции, художественный текст, культура, перевод, человек говорящий.

Статья посвящена представлению культурных особенностей передачи эмоций РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТРАХ в выбранных художественных текстах И.А. Бунина. Материалом анализа послужили произведения «Сверчок», «Последнее свидание», «Грамматика любви», «Роза Иерихона», «Далёкое», «Тёмные аллеи», «Натали», «Ворон», «Мест», «Весной, в Иудее», из которых было выбрано и проанализировано более 440 эмотивных контекстов, а также переводы данных рассказов на китайский язык. В работе использовались описательный и сопоставительный методы, а также методы семантического анализа и лингвистического толкования. Целью работы является выявление и описание особенностей передачи указанных эмоций в бунинских рассказах в сопоставлении с их переводами на китайский язык. Отметим, что в настоящей статье для выявления культурно-национальной специфики передачи указанных эмоций и отражения особенностей понимания эмотивных смыслов в китайском переводном тексте основной акцент был сделан на несовпадениях в их (т.е. эмоций РАДОСТЬ, УДИВЛЕНИЕ, СТРАХ) передаче между исходным и переводным текстами. Новизна работы состоит в выявлении некоторых культурно-национальных особенностей передачи указанных эмоций в проанализированных бунинских рассказах и в их переводах на китайский язык. Все полученные в ходе анализа данные, на наш взгляд, актуальны для развития этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, теории и практики перевода.

R.F. Fattakhova, L.G. Gilyazova, R.R. Shamsutdinova
FORMING PUPILS' MOTIVATION UNDER TEACHING
TATAR AS A STATE LANGUAGE

Keywords: national education, communicative approach, motivation, speech activity, text, dialogue, game, situation tasks. The article reveals the problem of making pupils motivated under the process of teaching them the Tatar language as a non-native language. In the modern methodology of teaching the Tatar language the communicative approach is considered to be optimal. Types of activity performed on lessons should be aimed at forming motivation and improving speech culture of pupils: work on text, making dialogues, communicative games, situation tasks.

Yan Kai
CULTURAL AND NATIONAL FEATURES OF THE
TRANSMISSION OF EMOTIONS JOY, SURPRISE, FEAR IN
THE RUSSIAN ORIGINAL FICTION AND CHINESE
TRANSLATED TEXTS

Keywords: emotions, artistic text, culture, translation, human speaker.

The article is devoted to the presentation of cultural features of the transfer of emotions joy, surprise, fear in the selected artistic texts of I. A. Bunin. The analysis was based on the following works: "Cricket", "Last Message", "Grammar of Love", "Rose of Jericho", "Distant", "Dark Alleys", "Natalie", "Raven", "Revenge", "Spring, in Judea", of which more than 440 emotive contexts were analyzed in Russian and Chinese. The paper uses descriptive and comparative methods, as well as methods of semantic analysis and culturological interpretation. The aim of the work is to identify and describe the features of the transmission of the mentioned emotions in Bunin's stories in comparison with their translations into Chinese. It should be noted that in this article, in order to identify the cultural and national specifics of the transmission of these emotions and reflect the peculiarities of understanding emotive meanings in the Chinese translation text, we focused on the discrepancies in their (i.e., emotions of joy, surprise, fear) transmission by the translating and source cultures. The novelty of the work consists in identifying some cultural and national peculiarities of the transfer of emotions in the stories analyzed by Buninsky and in their translated texts into Chinese. All the data obtained in the course of the analysis, in our opinion, are relevant for the development of ethnopsycholinguistics, linguo-cultural studies, theory and practice of translation.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№1 2021

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 18.02.2021

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 18.02.2021

9,7 усл.печ.л. 11,4 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3950.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»